

902.7 (д21)

Г- 13

С. Ш. ГАДЖИЕВА

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
СЕМЬИ И БРАКА
У НОГАЙЦЕВ

XIX-НАЧАЛО XX В.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

*Институт истории, языка и литературы
им. Г. Цадасы*

902.7/Даг
Г 13

С. Ш. Гаджиева

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕМЬИ И БРАКА У НОГАЙЦЕВ

XIX — начало XX в.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Издательство «Наука»

Москва

1979

В книге освещаются вопросы семьи и внутрисемейных отношений, положение женщины, воспитание детей у ногойцев в XIX—начале нашего века. Большое место уделено анализу брака, брачной обрядности ногойцев (формы брака, свадебные обычаи и обряды, запреты и избегания, гостеприимство и др.). В работе нашли отражение социалистические преобразования в семейном быту и брачной обрядности ногойцев за годы Советской власти.

Книга рассчитана на этнографов, историков, социологов, преподавателей, аспирантов и студентов соответствующего профиля, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории и этнографии народов СССР.

Ответственный редактор

В. К. ГАРДАНОВ

98523

ВВЕДЕНИЕ

двадцать пятый съезд КПСС, отметив огромную роль и значение общественных наук для успешного решения задач коммунистического строительства, призвал ученых сконцентрировать усилия на разработке проблем, имеющих важнейшее теоретическое и практическое значение. К числу таких актуальных проблем, связанных с процессом созидания коммунистического образа жизни советских людей, относятся проблемы семьи и брака.

Значение семьи подчеркивается и в основном законе развитого социализма — новой Конституции СССР. «Семья находится под защитой государства, — отмечается в статье 53. — ... Государство проявляет заботу о семье путем создания и развития широкой сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, а также других видов пособий и помощи семье»¹.

Семья, являясь одной из важнейших социальных ячеек общества, постоянно подвергалась изменению и развитию вместе с историческим развитием общества в целом. Отмечая эту важную закономерность, К. Маркс писал, что семья «должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество, точно так же, как это было и в прошлом. Она представляет собой продукт общественной системы»².

Будучи малой социально-психологической группой и одновременно социальным институтом, семья не только испытывает влияние общих социально-экономических, политических, идеологических изменений в обществе, но и выполняет многие функции и задачи, необходимые для общества. Одной из важнейших

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 23.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX. М., 1944, с. 37.

функций семьи является воспитание подрастающего поколения, а также самовоспитание и взаимовоспитание супругов. Для осуществления этой функции большое значение имеет изучение как характера взаимоотношений в семье (отношения между мужем и женой, родителями и детьми, старшими и младшими детьми), так и кооперации и разделения труда в семье, а также общего стиля и образа жизни семьи, включающего как материальную, так и духовную стороны. Немаловажное значение для формирования семейного уклада того или иного народа имеют семейные традиции и обряды. Лучшие из них непосредственно способствуют соблюдению гуманистических отношений как между членами семьи, так и между членами более широкой родственной общности, а также с коллегами, друзьями, соседями. Семейные обряды выполняют, в частности, важнейшие регулятивные функции, а также функции социального контроля за поведением человека в быту.

Часть семейных обрядов и обычаев способствует сохранению пережитков в семье. Именно поэтому разграничение прогрессивного и консервативного содержания обряда составляет важнейшую не только теоретико-методологическую, но и практическую задачу этнографической науки. Этнографическое изучение семьи предполагает, кроме анализа семейных традиций и пережитков, тщательный анализ создаваемого веками семейного этикета, в котором отразились многие нравственные и гуманистические взгляды народа на коллективизм, взаимопомощь, отношение к старшим, труд и т. д.

Для того чтобы понять новые семейно-бытовые процессы, проследить трансформацию обычаев, традиций, обрядов, проанализировать процесс формирования новых семейных отношений, в частности фактического равенства между мужем и женой, родителями и детьми, необходимо предпринять сравнительный анализ старой, дореволюционной и новой, советской семьи. Такой анализ имеет не только чисто исследовательское, но и практическое значение, ибо позволяет целенаправленно формировать новые отношения в семье, создавать новые советские традиции и обряды.

Этнографическая наука всегда уделяла проблемам семьи большое внимание. За последнее время появился целый ряд фундаментальных исследований, по-новому поставивших и решающих многие проблемы. Опубликовано также значительное число работ, посвященных истории семьи и брака у народов Кавказа.

В изучение истории кавказской семьи значительный вклад внес известный советский этнограф М. О. Косвен. Его работы дали большой толчок для дальнейших исследований семьи и семейного быта в различных районах Кавказа.

К сожалению, до сих пор в советской этнографической литературе нет специальных трудов, посвященных семейному быту ногайцев Северного Кавказа, хотя эта проблема попутно освещена

щается в работах Е. П. Алексеевой³, С. А. Токарева⁴, Л. Н. Кужелевой⁵, Б. Кочакаева⁶. Особо следует выделить работу Р. Х. Керейтова, в которой исследуются вопросы семьи и брака у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем⁷.

Первые сведения о семейном быте ногайцев встречаются у иностранных авторов XVI—XVII вв. Мартина Броневского⁸, Дортелли д'Асколи⁹, Джованни де Люка¹⁰, Жана Батиста Тавернье¹¹, Адама Олеария¹², Яна Янсена Стрейса¹³. Среди авторов XVIII в. следует прежде всего назвать И. Г. Георги¹⁴, М. Пейсонеля¹⁵, С. Г. Гмелина¹⁶.

Более систематические описания семейного быта северокавказских ногайцев появляются у авторов XIX—начала XX в.: А. Павлова¹⁷, А. П. Архипова¹⁸, П. Небольсина¹⁹, Н. Дубро-

³ Алексеева Е. П. Ногайцы. — В кн.: Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957; Она же. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957; Она же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

⁴ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.

⁵ Кужелева Л. И. Ногайцы. — В кн.: Народы Кавказа, т. 1. М., 1960.

⁶ Кочакаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX—начале XX века. Алма-Ата, 1973.

⁷ Керейтов Р. Х. Семья и брак у кубанских ногайцев в прошлом и настоящем. Автореф. канд. дис. М., 1974; см. также: Он же. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев. — СЭ, 1973, № 3.

⁸ Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio). — Зап. Одесск. о-ва ист. и древн., 1867, т. 6.

⁹ Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмиддио Дортелли д'Асколи, префектом Каффы, Татарии и пр., в 1634 г. Пер. с итал. Н. Пименова. — Зап. Одесск. о-ва ист. и древн., 1902, т. 24.

¹⁰ Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, мохаха доминиканского ордена (1625). Пер. с итал. П. Юрченко. — Зап. Одесск. о-ва ист. и древн., 1879, т. 11.

¹¹ Tavernier J. B. Voyages de Tavernier en Turquie, en Perse, et aux Indes, vol. 2. Paris, 1810, p. 67—68, 71.

¹² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

¹³ Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.

¹⁴ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав... т. II. СПб., 1799.

¹⁵ Фелицин Е. Д. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю. — Кубанский сборник, вып. 2. Екатеринодар, 1891.

¹⁶ Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777.

¹⁷ Павлов А. О караногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.

¹⁸ Архипов А. П. Ногайцы. — Кавказ, 1850, № 63; 1852, № 2—3; Он же. Домашняя ногайская утварь. — Географические известия, 1850, вып. 1; Он же. Три отрывка о ногайцах и туркменах. — Кавказ, 1855, № 29—31; Он же. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. — Кавказский календарь на 1859 год. Тифлис, 1858.

¹⁹ Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.

вина²⁰, И. Бентковского²¹, Г. Малявкина²², Г. Ананьева²³, С. В. Фарфоровского²⁴.

Настоящая работа написана в основном на полевых этнографических материалах, непосредственно собранных автором в процессе экспедиционных работ (1968—1972 гг.) в районах расселения ногайцев на Северном Кавказе, преимущественно в пределах Дагестанской АССР. Кроме того, использованы историко-этнографическая литература, данные фольклора, памятники обычного права и архивные материалы. Однако следует подчеркнуть, что неполнота этнографической литературы и исторических источников значительно затруднили задачу освещения ранних форм семьи и брака ногайцев. Многие семейно-бытовые явления дореволюционного прошлого не только совершенно исчезли из повседневной жизни народа, но и не сохранились даже в памяти представителей старшего поколения. Социалистическая перестройка социально-экономического и семейно-бытового укладов ногайцев изменили коренным образом тот традиционный быт ногайского народа, который наблюдали авторы еще в начале XX в. Поэтому хронологически данное исследование семейного быта ногайцев не углубляется далее середины XIX в.

Свою задачу автор видит в возможно полной и всесторонней характеристике формы семьи и семейного быта ногайцев Северного Кавказа, главным образом Дагестана, во второй половине XIX—начале XX в. Автор также считает необходимым хотя бы вкратце и в самых общих чертах охарактеризовать современный семейный быт ногайцев, показать процесс становления и развития новых семейно-брачных отношений и новой семейной обрядности в условиях социализма.

*

Ногайцы (самоназвание ногай) живут преимущественно в Северном Дагестане и Ставропольском крае. Основная масса их расселена компактно на обширной территории, известной под названием Ногайской и Ачикулакской степей.

²⁰ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб., 1871.

²¹ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы, ч. 1. Ставрополь, 1883.

²² Малявкин Г. Караногайцы. — Терский сборник. Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. II.

²³ Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). Тифлис, 1894, вып. XX.

²⁴ Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. — Зап.-Кавк. отд. Русск. геогр. о-ва. Тифлис, 1909, вып. 7, кн. 2; *Он же*. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. — Журнал Министерства народного просвещения, 1909, т. 24, № 12.

В пределах Дагестана ногайцы населяют Ногайский и, частично, Бабаюртовский, Тарумовский, Кизлярский районы, а также рыболовецкие поселки Главсулак и Главлопатин. В Ставропольском крае они живут в Нефтекумском, Минераловодском, Кочубеевском районах, а также в Адыге-Хабльском районе Карачаево-Черкесской автономной области. Кроме того, небольшая часть ногайцев входит в состав населения Щелковского района Чечено-Ингушской АССР, а также городов Хасавюрт, Махачкала, Черкесск.

Часть северокавказских ногайцев (главным образом кубанских и причерноморских) в XIX в. переселилась за пределы нашей страны в Турцию и Румынию, а ногайцы крымских и астраханских степей постепенно слились с татарами.

Общая численность ногайцев в СССР, согласно переписи 1970 г., составляла 52 тыс. человек, из них в Северном Дагестане проживало 21 800 человек.

Ближайшими соседями ногайцев являются кумыки, чеченцы, русские (терские, кубанские казаки), карачаевцы, черкесы, абазини и другие, с которыми они издавна поддерживают тесные экономические и культурные связи.

Язык ногайцев относится к северо-западной ветви тюркских языков, внутри которой вместе с каракалпакским и казахским языками он образует так называемую кипчакско-ногайскую подгруппу²⁵.

Этническая история ногайского народа, как и история его материальной и духовной культуры, представляет собой сложный процесс. Она тесно связана с древней и средневековой историей широкого круга тюрко-монгольских племен юго-востока нашей страны. Родо-племенная структура ногайцев, хотя она уже давно утратила свой кровнородственный характер, достаточно отчетливо свидетельствует о важнейших этнических компонентах, участвовавших на различных этапах исторического развития в этногенезе ногайцев. Это прежде всего кипчаки (половцы), мангыты, а также нойманы, керейты, уйсуну, уйгуры, кенегесы, канглы, конграты и другие племена и племенные группы, которые играли немаловажную роль и в этногенезе каракалпаков, казахов, киргизов, башкир, татар и многих других народов²⁶. Основной этнической средой, в которой сформировалась ногайская народность, были кипчаки, растворившие в своей среде вторгшихся в XIII в. в кипчакские степи монголов. Существует од-

²⁵ См.: Баскаков И. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.

²⁶ См.: Баскаков И. А. Тюркские языки. М., 1960; Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950; Кляиторный С. Г. К вопросу о кангуйской этнопонимке. — СЭ, 1951: № 3; Кузеев Р. Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, и др.

нако мнение о том, что «ядром ногайской народности является монгольское племя мангытов»²⁷.

Название «ногайцы», как известно, связывается с именем Ногай — видного военачальника Золотой Орды в XIII в., управлявшего ее западными областями от Дона до Днепра, где кочевали подвластные ему кипчаки и монголы (большинство последних были мангытами)²⁸.

В конце XIV—начале XV в. Ногайская Орда окончательно выделилась из распавшейся Золотой Орды. В XVI в., раздираемая в свою очередь феодальными междоусобицами, Ногайская Орда делится на Большую и Малую, а позднее и на ряд мелких автономных улусов, возглавлявшихся мурзами. Ногайские улусы первоначально кочевали на огромной территории от Днепра и далеко за Волгу на восток.

Однако западные и восточные границы их основных кочевков на протяжении XV—XVIII вв. сильно изменялись. В XV в. основная масса ногайцев кочевала между Волгой и Яиком (Уралом). В XVI в. ногайцы значительно продвинулись на восток — в Сибирь (до Иртыша), Казахстан и Среднюю Азию (до Аральского моря и Закаспия). В начале XVII в. ногайцы снова стали отходить на запад. Значительную роль сыграло при этом продвижение в Поволжье калмыков. В 30-х годах XVII в. часть Большого Ногай ушла с Волги на Нижнее Подонье и Приазовье, где еще раньше обосновались многие ногайцы из Малой Орды. Другая часть избрала для своих кочевков земли южной Украины вплоть до Днепра. По Днестру и Бугу стали кочевать едисанцы (подразделение Большого Ногай). За Уралом продолжали кочевать отдельные группы ногайцев, которые затем слились с другими тюркоязычными народами Средней Азии и Сибири²⁹.

Поскольку формирование ногайцев происходило на территории, занимаемой до прихода монголов половцами, они с самого начала своего появления в Восточной Европе проникли и на Северный Кавказ. Согласно русским документам, они уже в конце XV в. кочевали в районе Пятигорья. В XVI в. источники фиксируют пребывание ногайцев в низовьях Терека и Сулака в непосредственной связи с кумыками. В конце XVII в. часть этих ногайцев, воспользовавшись междоусобной борьбой ногайских мурз, отказалась признавать их власть и откочевала на левый берег Терека, в Моздокскую степь, положив начало особой группе северокавказских ногайцев, известных под именем караногайцев. В первой половине XVII в. приазовские и прикубанские ногайцы стали переходить за Кубань, постепенно осваивая долины Белой, Лабы, Большого и Малого Зеленчуков. В конце

²⁷ Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 1. Ставрополь, 1967, с. 147.

²⁸ Русская летопись в 80-х годах XV в. сообщала о ногайцах, что они прежде назывались мангытами (см. ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903, с. 8).

²⁹ Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 1, с. 144.

XVII и в XVIII в. на Северный Кавказ стали переселяться все новые группы ногайцев — едисанцев, едишкульцев, джембойлуковцев, мангытовцев, кишчаковцев и др.³⁰

В результате весьма сложных передвижений и переселений, вызванных различными причинами, к середине XIX в. северокавказские ногайцы расселились следующим образом: караногайцы (тюмен ногай) занимали большую часть современной Ногайской степи; джембойлуковцы (ембойлуклар, ембойлук бет), едисанцы (етисан, етисан бет), едишкульцы (едишкуль, едишкуль бет) населяли западную ее часть (б. Ачикулакский округ, часть современного Нефтекумского района Ставропольского края), аксаевские, костековские, таркинские погайцы (таргу ногай, яхсай погай, костек ногай) обитали в Терско-Сулакской низменности, подвластной кумыкским феодалам; бештау-кумские ногайцы (бештау погай, кум погай, кара-мурза ногай) проживали на территории теперешних Минераловодского и Кочубеевского районов; кубанские погайцы (кубан погай) — по долинам рек Кубани и Малого Зеленчука, в пределах нынешнего Адыг-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области.

В Астраханских степях находились аулы астраханских погайцев (гажи тархан погай), которые делились на две подгруппы: кундровских (каракаш или карагаш ногай) и юртовских (кара уйли ногай). Кроме того, были известны ногайцы под названием «хазлар» (казлар, или каз ногайлар). Они нередко именовались «репеты» по этнониму калмыцкого племени, с которым, очевидно, были генетически связаны. Эта группа ногайцев кочевала вместе с джембойлуковцами и со временем ассимилировалась с ними.

Как свидетельствуют исторические источники, раньше других (в XVIII в.) к оседлому образу жизни перешли кубанские ногайцы, затем стали оседать терско-сулакские и едисанцы, едишкульцы, джембойлуковцы, жившие в районе Ачикулака. Однако значительная часть погайского народа (караногайцы) сохранила кочевой образ жизни до начала XX в.

Для социального строя погайцев вплоть до Великой Октябрьской революции были характерны патриархально-феодалные отношения. Ногайская феодальная знать была представлена мурзами (князьями), султанами (потомками сыновей крымских ханов, правивших у ногайцев). Ногайцы Терско-Сулакской низменности были подвластны кумыкским феодалам (шамхалу Тарковскому, костековским и аксаевским князьям). Феодальные отношения были сравнительно более развиты у оседлых ногайцев (кубанских и терско-сулакских).

Основу хозяйственной деятельности большинства ногайцев в XIX—начале XX в. составляло кочевое и полукочевое скотоводство. Они разводили лошадей, верблюдов и особенно овец.

³⁰ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 145—148.

Оседлые и полуседлые погайцы (особенно кубанские) занимались и земледелием: сеяли просо, пшеницу, овес, кукурузу. В качестве подсобных отраслей хозяйства издавна были известны охота, а у части погайцев и рыболовство. Охота на диких зверей, сайгаков, птиц велась с помощью гончих собак, а также ястребов и соколов. Из домашних промыслов важную роль играли выделка овчин, производство войлока, войлочных изделий и сукна.

Присоединение Северного Кавказа к России оказало прогрессивное влияние на развитие погайского общества, на различные стороны его культуры и быта, ускорило процесс перехода на оседлый образ жизни.

В пореформенный период с развитием товарно-денежных отношений постепенно стали подтачиваться основы натурального хозяйства, росла его товарность (особенно в овцеводстве и коневодстве), развивалось земледелие.

Однако хозяйство погайцев и в пореформенный период оставалось отсталым, феодальные отношения тормозили его развитие. Отсутствие воды, недостаток удобных земель вынуждали большинство погайцев совершать длительные и трудные перекочевки. Лучшие пахотные, покосные и пастбищные земли царское правительство закрепило за местными феодалами и казной. Объявив себя монопольным владельцем всей занятой погайцами земли, царские власти стали раздавать в широких масштабах лучшие общинные земли «почетным туземцам», царским офицерам и чиновникам, вытесняя погайскую бедноту в самые трудные для хозяйственной жизни, безводные песчаные районы. Испытывая земельный голод, трудящиеся погайцы были вынуждены прибегать к аренде земли у помещиков и кулаков на самых кабальных условиях. На плечи народа легли также тяжелые подати и повинности — «ясак» и «бигер».

С каждым годом в погайском обществе усложнялось расслоение крестьянства, его имущественная и классовая дифференциация. Ф. И. Капельгородский, являвшийся главным приставом караногайцев, так характеризует, например, обеспеченность скотом населения этого района накануне первой империалистической войны: «Скотоводство сосредоточено в руках крупных хозяев; так из всего числа 6000 кибитковладельцев 235 человек, т. е. около 4% имеют 900 верблюдов (99%), 10 000 лошадей (70%), 13 400 рогатого скота (40%), 90 530 овец (55%). На долю же остальных 5700 домохозяев приходится 34% всего скота, хотя эти домохозяева составляют 76% всех кибитковладельцев. При всем том 540 домохозяев, т. е. 9%, совершенно не имеют никакого имущества»³¹. В результате разорения большинства погайцев значительно увеличивается отходничество. Погайская

³¹ Капельгородский Ф. И. Караногай. — Зап. Терск. о-ва любителей начальной старинны (Владикавказ). 1914, № 10, с. 51.

беднота в пореформенный период составляла на Северном Кавказе резерв дешевой рабочей силы, используемой на любых тяжелых работах, на любых условиях найма.

Тяжелое положение ногайской бедноты отмечалось в тогдашней периодической печати. В одном из номеров газеты «Терские ведомости» за 1896 г., например, сообщалось, что ногайцы, проживающие в приморской полосе Хасавюртовского округа Терской области, имеют земельные наделы, представляющие «одну сплошную площадь камышей и солонцев», что «неблагоприятные земельные условия и близость к ним моря выработали, однако, из них смелых опытных и неутомимых ловцов рыбы. Но применение к делу свойственных им этих качеств с опасностью для жизни и здоровья служит, к сожалению, не в их пользу, а почти всецело в пользу посредников между ними и казной в лице арендатора казенных рыбных вод... Всегда готовая к делу целая рать безответных тружеников... периодически, как бы по наследиству, переходит из властных и бессердечных рук одного арендатора в руки другого... Арендатор... пользуясь своим господствующим положением над беспомощным положением ногайцев — рыболовов, связывает их договором, в силу которого половина всего улова рыбы, без различия пород, безусловно идет в его пользу, за одно лишь пользование его сетями для улова этой рыбы, другая же половина поступает к нему по цене, какую, впрочем, он соблаговолит начислить, уплачивая за таковую не наличными деньгами, а продуктами и товарами и по таким ценам и с такими приписками к забору по записям, что расчет обыкновенно сводит к тому, что у бедных ногайцев остается одно лишь грустное воспоминание о понесенных ими трудах и лишнее сознание о безвыходной их кабале»³².

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории ногайского народа, ознаменовала начало глубоких социально-экономических и культурных преобразований.

Обводнение степи, широкое применение орошения, создание крупных колхозов и совхозов, оснащенных современной техникой, развитие промышленности, народного образования, социальные и культурные мероприятия, последовательно осуществлявшиеся коммунистической партией и Советским государством, неузнаваемо преобразили Ногайскую степь. На обновленной земле один за другим возникали благоустроенные колхозно-совхозные поселки с домами городского типа, комплексами культурно-просветительных учреждений, школ, предприятий общественного питания, службы быта и т. д.

Все эти изменения в свою очередь predeterminedили трансформацию общественных отношений, способствовали становлению и развитию советского образа жизни во всех сферах жизнедеятельности ногайского народа, в том числе и в их семье.

³² Терские ведомости, 1896, № 109.

БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ СЕМЬЯ

instituteofhistory.ru

Во второй половине XIX—начале XX в., как свидетельствуют источники, господствующей формой семьи у ногайцев была малая семья. Чтобы точно определить соотношение большой и малой семьи в это время, рассмотрим данные посемейных списков населения Караногойского участка Кизлярского отдела Терской области за 1897 г.¹

Изучением были охвачены жители 129 кочевых аулов, включающих 1375 семей общей численностью 7808 человек. Преимущественно это было население Караногойской степи (100 кочевых аулов), остальные 29 кочевков размещались на землях, отведенных казной обществам станиц Александрийской, Новогладковской, Старогладковской, на войсковом участке Терского казачьего войска, а также на частновладельческих землях помещиков Максимовых, графа Мангдена, урядника Казмина и др. Кроме того, в общее число обследованных вошло несколько хозяйств, принадлежавших ногайским кубам Терско-Сулакской низменности.

Из упомянутых 1375 семей лишь 260 (18,9%) по своей форме и структуре являлись большими или, как их иногда называют в литературе, неразделенными семьями². Остальные 1115 (81,1%) составляли малые семьи, из которых простых, или нуклеарных (супруги и их неженатые дети), насчитывалась 581 (42,2% из общей численности малых семей), расширенных, или сложных (где вместе со стариками жили другие члены семьи), — 534 (38,9%).

Центральный государственный архив ДАССР (далее — ЦГА ДАССР), ф. 355, оп. 1, д. 20—57.

² См.: Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее Айкыран. Ташкент, 1955, с. 173; Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. — КСИЭ, 1957, вып. 28, с. 29; Крупническая В. Ю. Семья и семейный быт. — В кн.: Село Верятино в прошлом и настоящем. М., 1958, с. 75 и др.

Иными словами, большая патриархальная семья как основная ячейка родового общества распалась еще задолго до исследуемого нами периода. Трудно определенно утверждать, к какому времени можно отнести ее разложение. По-видимому, для ногайцев Северного Кавказа, кочевников Средней Азии и особенно близкородственных ногайцам каракалпаков процесс разложения большой патриархальной семьи и переход к малой исторически совпадали по времени. По мнению многих ученых, у кочевников Средней Азии этот процесс происходит в X—XII вв. н. э.³, хотя «в более экономически отсталых районах процесс распада больших семей затянулся до конца XIX—начала XX в., т. е. фактически до Октябрьской революции»⁴. Думается, что последнее заключение в полной мере можно отнести и к ногайцам северокавказских степей.

Общая социально-экономическая отсталость, сложное переплетение различных экономических систем и укладов, рутинные формы хозяйства, в значительной степени еще носившего натуральный характер и требовавшего усилия большого числа работников, налоговая система царского правительства (налог с «котла» или с «дыма» у части оседлого населения — прикубанских и терско-сулакских ногайцев, где образование каждой новой хозяйственной единицы вызывало и увеличение размера податей для той или другой родственной группы) и другие социально-экономические факторы обусловили сохранение у них (хотя и в пережиточной форме) большесемейных общин вплоть до конца прошлого столетия, а в ряде случаев даже до начала колхозного строительства.

При этом, как свидетельствует полевой материал, наиболее стойко они сохранялись у оседлых ногайцев, у которых для этого имелись сравнительно благоприятные условия и где для ведения многоотраслевого хозяйства (в первую очередь земледельческого) требовалось большое число рабочих рук. У караногайцев-кочевников же, хотя их семейно-бытовой уклад в большей степени сохранял архаические черты, традиции патриархально-родового быта, остатки большесемейной общины наблюдались реже. Однако и там и тут они встречались преимущественно среди экономически состоятельной части ногайского общества. Заметим, что аналогичная закономерность выявляется и у других народов. Так, по данным исследователя народов Средней Азии и Казахстана Т. А. Жданко, у оседлого населения земледельческих районов, населенных таджиками и узбеками, остатки большой патриархальной семьи в форме неразделенной семьи, жившей в одном доме-усадьбе и ведшей одно общее хозяйство,

³ *Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье...*, с. 29; *Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана*. Л., 1969, с. 16.

⁴ *Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака...*, с. 16; см. также: *Абрамзон С. М. К вопросу о патриархальной семье...*, с. 29.

в XIX и начале XX в. встречались чаще, чем у полуоседлых и кочевых каракалпаков⁵.

В целом можно сделать заключение, что семейная община или патриархальная большая семья у ногайцев продолжала существовать со своей преемницей — малой семьей вплоть до начала XX в. С развитием феодальных, а затем капиталистических производственных отношений большая семья меняла свою структуру и форму. Эти изменения касались численного состава семьи, имущественно-правовых отношений, управления и т. д.

Для обозначения большой, или неразделенной, семьи ногайцы использовали термины: «аьел» — «семья» (он применялся и для обозначения малой семьи), «уьйкен аьел», «коьлем аьел» — «большая семья», «бир казан аьел» — «люди одного котла», «казан» — «котел», «уьйкен уьйлер» — «большие дома», «уьйгын аьел», «демли агьлю» — «дружная семья», «айырылмаган кардашлар» — «неразделенные братья», «ожагы бир, оты бир» — «один очаг, один огонь», «уьйи баска, уьйреси бир» — «жилье отдельно, еда общая». Эта общность как сущность семейного уклада отразилась и в устном поэтическом творчестве народа:

*Бир каськка таласкан,
Бир аяктан ас ишкен,
Ястыгы бир, яны бир,
Айдап юрген малы бир⁶.*

*Трудившиеся для общей ложки.
Кушавшие из общей миски,
Постель общая, душа общая,
И перегоняемый скот общий.*

Анализ терминологии позволяет сделать вывод о наличии родственного, хозяйственного и потребительского единства семьи.

Большой интерес для характеристики семьи имеет анализ системы родства.

Ногайская система родства, как и у других тюркоязычных народов, была в своей основе классификационная, хотя содержала и ряд описательных характеристик, особенно для позднего этапа истории большой семьи и патронимии.

Основными названиями, которые применялись по отношению к родителям, были следующие: к отцу — «атай», «акай», «ата»; к матери — «анай», «абай», «апай», «таьвкей ана»; к мачехе — «оьгей ана»; к бабушке — «атай», «карт атай», «бабай», «уьйкен ата»; к бабушке — «аье», «авай», «тетей», «уьйкен ана»; к прадеду — «карт атай»; прабабушке — «карт авай»; к брату прадеда — «карт агай»; к брату деда (старшему и младшему) — «акай»; к сестре бабушки (старшей и младшей) — «аьем»;

⁵ *Жданко Т. А.* Каракалпаки (Основные проблемы этнической истории и этнографии). Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964, с. 29; *Она же.* Узбеки и каракалпаки. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1. М., 1962, с. 323, 491.

⁶ Архив Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (далее — ИИЯЛ), ф. 5, оп. 1, д. 197.

к сыну — «увыл», «ул», «бала», к дочери — «кыз», «кызалак»; к внуку — «унык», «бала», «баламнынъ баласы», «ул»; к правнуку — «немере»; к праправнуку — «семере»; к брату — «кардаш»; брат к старшему брату — «ага», «агай», «агашым», «агав»; к младшему — «ини», «иниш», «инуув»; к сестре — «карындас». Дядю по отцу также называли «ага»: старший дядя — «уйкен ага», младший — «кишикей ага». Дети двух братьев по принципу агнатного родства тоже могли называться «ага» — «ини» (так же как родные), старшие — «ага», младшие — «ини», а нередко просто «тувдык», а дети двоюродных братьев — «тувдыктан тувган», остальные «тувдык», «тувдыктан тувган»⁷, или просто «кардашлар», «тувганларым».

Для всех близких, связанных агнатным родством, существовало и описательное название — «казан улескен кардашлар» — «братья, разделившие котел». Употреблялись и другие названия, которыми подчеркивались возраст, степень родства: старшая сестра называла младшую «синъли», младшая старшую — «аьпте», «аьптей» (ласкательно). Для брата и сестры, рожденных от одного отца, но разных матерей, применялось название «аркадас» («арка» — «спина»), а от одного отца и матери — «аданас». Каждый ногаец должен был знать, кроме отца и деда, имена еще пяти прадедов, т. е. семи отцов — «ети атасын» и их потомков — «балаларын». Любой из них, в том числе самый дальний, при отсутствии более близких мог быть наследником и обязан был помогать сородичу в необходимых случаях, мстить за кровь и т. д.

Для системы же родства по материнской линии — «ана бет» применялся ряд специальных названий. Во-первых, для родственников по матери существовало одно собирательное название — «нагашылар». Для прадеда по матери применялось название — «нагаш карт атай», «нагаш карт акай», деда — «нагаш атай», бабушки по матери — «нагаш абай», «эней», для сестры деда и бабушки — «нагаш аьем», дяди — «нагаш акай», детей двух сестер — «боьле», двоюродных сестер — «боьлешер», четвероюродных сестер — «туьвеншер», более дальних — «туналет». Брат называл детей сестры «жиенлер», или «йиенлер»⁸.

Для обозначения жен братьев (родных и коллатеральных) существовали названия «кеншек», «келиншек», «келин», вообще для жен — «пише», «хатын».

⁷ У ногайцев Терско-Сулакской низменности для двоюродных, троюродных и четвероюродных братьев и сестер (по отцу и по матери) применялись термины родства (классификационные) кумыкского варианта: «узукъар» — «двоюродный брат», «двоюродная сестра», «къариял» — «троюродный брат», «сестра», «ариян» — «четвероюродный брат», «сестра», «тайна» — «род», «тайпа къардашлар» — «братья по роду», «тувганларым» — «родственники», «сородичи».

⁸ Интересно отметить, что термин «сен-джен» у тубаларов, кумандинцев телеутов и др. означает ~~название~~ по сестре (см.: Дьрресхова И. П. Пережитки материнского рода у Алтайских кырков. — СЭ, 1937, № 4. с. 20, примеч. I).

Своей многочисленностью отличались и названия свойства — «кайын» как для невестки, так и для зятя. Таковы, например, названия тестя и свекра — «кайын ата», свекрови и тещи — «кайын ана», брата отца мужа, жены — «кайын ага», «кайын ини», мужа сестры жены — «бажа», младшей сестры жены — «балдыз», старшей сестры жены — «кайын бийке», жены старшего брата — «енге», жены младшего брата — «келин» и т. д.

Из приведенных данных видно, что у ногайцев существовала весьма разветвленная система терминов родства, соответствующая кругу родственников, входивших в состав большой семьи.

Следует отметить также, что термины родства ногайцев очень сходны с терминами других тюркоязычных народов⁹, особенно каракалпаков¹⁰, что свидетельствует, по-видимому, о единстве их происхождения.

1.

СОСТАВ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

По структуре ногайская большая семья позднего периода представляла собой близкородственную группу, объединявшую потомков одного отца по третьем—четвертом колене, а также их жен. В ряде семей жили и так называемые призречаемые, находившиеся на попечении родственников. В условиях многоукладного общественно-экономического строя XIX—начала XX в. в семейную общину ногайцев иногда входили наемные работники — «ялшылар», а на более раннем этапе исторического развития (до 1860-х годов) и рабы (в районах распространения патриархального рабства).

Как можно судить по переписным листам караногайцев, большие семьи, находясь в конце XIX в. уже на стадии полного распада, имели сравнительно малочисленный состав — от 7 до 25 человек и состояли из не более чем трех поколений. Так, в состав учтенных нами 260 неразделенных семей входило всего лишь 162 полных и 98 неполных (когда отсутствует один из супругов) брачных пар с потомством или без потомства. В среднем на семью, таким образом, приходилось 2,5 полные супружеские пары, или три пары, если учесть еще 98 неполных супружеских пар — вдов или вдовцов, проживавших в семье со своим потомством или без такового. Из общей численности лишь 76 семей имели в своем составе от трех до пяти полных брачных пар с детьми и только две семьи — по пять полных брачных пар. Численность семей, состоявших из двух поколений, состав-

⁹ См.: Дыренкова Н. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. — В кн.: Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, с. 256—257; Она же. Родство и психические запреты у шерцев. — Там же, с. 260—262.

¹⁰ Жданко Т. А. Каракалпаки. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1. М., 1962, с. 494—496 и др.

ляла 128 (49,1%), из трех поколений — 126 (48,4%), из четырех поколений — 5 (1,9%), из пяти поколений — 1 (0,3%).

Изучаемые семьи можно разделить на следующие группы: семьи, состоящие только из женатых братьев с детьми, и семьи из бездетных женатых братьев. Среди рассматриваемых 260 семей последнего типа семьи составляют подавляющее большинство (185), семьи, состоящие из родителей и женатых сыновей — 32; семьи дяди и женатых племянников — 28. В 15-ти семьях жили один из братьев со своей женой и братья-вдовцы или вдовы братьев со своими семействами.

Одной из особенностей ногайской большой семьи, особенно последнего периода ее бытования, является и то, что в ее составе очень часты (наряду с полными супружескими парами) первичные неполные семейные ячейки, представленные вдовами или вдовцами с их потомством, проживающими в семье родственника. В ряде случаев семья состояла из «осколков» первичных семей, объединенных под главенством одного из близких родственников. В числе первостепенных причин такой структуры семьи следует отметить высокую смертность погайского населения, неустроенность быта в условиях кочевого хозяйства.

Для характеристики неразделенной семьи, состоявшей из трех поколений, возьмем данные переписи 1897 г., касающиеся семьи Ялыта Аджакоева из кочевого аула его же имени Кипчакского куба Кизлярского отдела Терской области. Первое поколение в семье составляли: сам Ялыт, его жена Торгуз, вдовы двух братьев — Тайбат, Оразбике; второе поколение — сын Имагильды с женой Абидаг, две дочери — Инжибике и Арювбике, племянник (сын вдовы Оразбике) Кульчумай с женой Башли, второй племянник (сын вдовы другого брата Тайбат) Моллалы с женой Имабике. Третье поколение было представлено детьми племянников: Сарыбике, Толгъайбике (внучки Тайбат), Мытей, Нургиш, Нурадин (внуки Оразбике). В семье проживал, кроме того, один наемный работник. В целом семья насчитывала 18 человек¹¹.

Для примера семьи из четырех поколений можно взять семью Ханмурзы Менглисанова из аула Менглисанова Ханмурзы б. Кипчакского куба Кизлярского отдела Терской области. Представителем первого поколения был дядя Ханмурзы — Додок, второе поколение составляли сам Ханмурза (глава семьи), его жена Тойган и его два брата — Картакай с женой Курманбике и Куданет с женой Менгли, двоюродный брат Ханмурзы (сын его дяди Додока) Язлыбай с женой Кизбике; в третье поколение входили сыновья Ханмурзы — Муса и Ибрагим, сыновья Картакай — Исенбай с женой Сайдаг, Маты, Моллалы, Асан-алы, сын Куданета Сулейман; наконец, четвертое поколение было представлено внуком Картакай (сына Исенбая) Магамбетом. Всего

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 20, л. 241—245.

в семье насчитывалось 18 человек — пять супружеских пар с четырьмя кибитками. Семья самого Ханмурзы состояла из четырех человек¹².

Полевой историко-этнографический материал, собранный нами у ногайцев, подтверждает приведенные выше данные о численности и составе больших семей у различных групп ногайцев, в том числе у караногайцев, на рубеже XIX—начала XX в. Несомненно, что большие семьи этого периода сравнительно с более отдаленным прошлым по численному составу были меньшими. Сокращение численности семьи отражало характер общественно-экономических изменений эпохи развития товарно-денежных отношений и проникновения их элементов в семейный быт.

Как свидетельствуют источники, у ногайцев (караногайцев) большую роль в рассматриваемое время начинает играть земледельческий и рыболовецкий отход, а также извозный промысел. Это сыграло определенную роль (в числе других причин) в разложении большой семьи и в дальнейшем. Однако по сведениям, собранным у представителей старшего поколения в ряде мест ногайской территории, была еще свежа память о бытовании в прошлом очень больших семей, охватывавших широкий круг близких родственников по прямой и боковой линии.

Так, семья Гаджибая из полуоседлого в то время аула Тамаза-Тюбе б. Хасавюртовского округа (ныне Бабаюртовский район) в конце XIX—начале XX в. состояла из 36 человек¹³. В нее входили: сам Гаджибай, его жена Тотай, пять сыновей — Хамза, Емав, Байгази, Батыргазы, Мыкай, две дочери — Энев, Патимат, пять жен сыновей — Айшат, Энев, Алтын, Болды, Кошдан, 24 внука — Шемшедин, Бийболат, Атав, Бай-бике, Отеген, Баймурза, Ак-мурза, Алтынбике, Эртувган, Канбулат, Оразбике, Эсенбай, Салават, Джапболат, Аманкул¹⁴, Оразлы, Кизбике, Назлихан, Айболат, Агып, Гаджибай, Дуйсеми, Улаш, Айтувлу. Дочери Гаджибая Эгев и Патимат вышли замуж и выбыли из семьи. Работников со стороны не было. Имущество семьи состояло из 600—700 овец, 300—400 голов крупного рогатого скота, 20—30 лошадей, 6—8 волов. Семья пользовалась казенной землей (имела пашню примерно 5—6 десятин и получала 150—200 пудов пшеницы и проса) и обрабатывала ее самостоятельно. Гаджибай имел 10 кибиток — «терме».

У каждой семейной ячейки, таким образом, была своя терме. В общем пользовании семьи находились столовая — «отав уй» — неразборная кибитка хозяйственно-бытового назначения. На ночь все расходились по своим жилищам, а в общей кибитке оставались неженатые сыновья, гости, наемные работники и т. д.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 20, л. 116—117, 134—135.

¹³ Записано в сел. Тамаза-Тюбе Бабаюртовского района от Джансаида Батыргазиева (1908 г. рожд.). См.: Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

¹⁴ Аманкул был дедом нашего информатора Джансаида, сыном Батыргазы. Отец и дед часто рассказывали ему о своей семье, ее традициях.

Семья распалась в начале нашего столетия после смерти Гаджибая и старших сыновей.

Семья Балтен-кади из аула Уйкен-Куб б. Караногайского участка Кизлярского отдела Терской области в начале XX в. имела следующий состав: Балтен-кади (глава семьи), жена его Апив, сыновья: Дауд, Сулейман, Камиль, Шапи, Ахмедхан, Таймасхан, Гамзатхан, дочь Алтын (Апив была второй женой, от которой было четверо последних детей — трое сыновей и дочь); жены и дети сыновей: у Дауда — жена Бекбике, сыновья Алимхан, Башир, Насир, Аманула, Нажмутдин, дочери Насипли, Наспев; у Сулеймана: две жены — Мунет и Хава, сын Рахматулла; у Камилы: жена — Батув (она же Патимат), два сына — Муса и Ахмед и три дочери — Тайрат, Совет, Болдыбике; у Шапи: жена Разият, три дочери — Кумис, Уллубике, Улангерек и сын Адилхан. Ахметхан, Таймасхан не были женаты, дочка Алтын была еще малолетняя. Таким образом, семья состояла из 32 человек, связанных (кроме жен) между собой агнатным родством (родители и дети), или пять супружеских пар. Кроме того, в семье постоянно проживало 5—6 наемных работников, некоторые из них с женами и детьми¹⁵. Семья насчитывала примерно 37 человек. Каждая супружеская пара имела отдельное жилище — терме. Четыре сына имели четыре терме, родители же жили в доме, в ауле Уйкен Кую. Семья кочевала отдельно, такой тип кочевки у караногайцев назывался «отар», а кочевание группой семей — «аул». Имущество семьи Балтен-кади состояло из 500 голов крупного рогатого скота, 450—500 лошадей, 15 верблюдов; посевов не было, покупали зерно на стороне, чаще всего в Гребенской (Янзы-кала), Червленной (Ораз-базар) и в других казачьих станциях. Ежегодно семья приобретала таким образом 100—150 пудов зерна¹⁶.

Семья распалась примерно в 1929 г. после смерти ее главы. Сперва отделился Сулейман. Остальные братья до 1940 г. жили вместе. Дауд стал главой хозяйства. Семья окончательно перестала существовать только перед войной.

Отвечая на наши вопросы о степени бытования в прошлом неразделенных больших семей, многочисленные информаторы-погайцы подчеркивали их широкое распространение в дореволюционный период. Многие даже утверждали, что проживающих большими семьями, включающими нескольких поколений близких родственников или нескольких неразделенных братьев с их детьми и женами, было больше, чем малых семей и что раздел при жизни отца оценивался общественным мнением как отрицательное явление, как отступление от общественных норм. При этом всегда подчеркивались экономические преимущества нераз-

¹⁵ Записано в сел. Терекли-Мектеб Погайского района от Патимат Арслановой (1894 г. рожд.). — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

¹⁶ Записано со слов Патимат Арслановой. См.: Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

деленной семьи. Однако эти сведения информаторов не согласуются с данными изученных нами посемейных списков переписи 1897 г., в которых абсолютно преобладали малые семьи.

Большой численностью, неизбежностью патриархальных традиций отличались семьи богатых ногайцев, что обуславливалось характером экономически мощного хозяйства.

Специфической особенностью многих больших семей у ногайцев, особенно у караногайцев, было проживание в них широкого круга боковых родственников. Так, в описанной выше семье Ханмурзы Менглисанова из кочевья Х. Менглисанова Кипчакского куба, кроме его семьи, состоявшей из четырех человек (жена, двое детей и он сам), проживали два брата со своими женами, детьми и внуком, дядя со своим женатым сыном — всего 18 человек.

В семье Шамак-кади Отегенова (собственная кочевка) проживали совместно: Шамак-кади, его две жены, двое сыновей со своими женами, четверо несовершеннолетних детей; дядя с женой и дочкой; трое детей от двух умерших братьев, т. е. четыре семьи общей численностью 17 человек¹⁷.

Большая семья Кашур Шангарыева состояла: из семьи самого Кашура (он сам, его жена, старший сын с женой и двое неженатых сыновей) — всего шесть человек; из семьи его умершего брата, состоявшей из 11 человек (вдова, ее два женатых сына, у одного из которых было две жены, двое неженатых сыновей и три внука). В семье проживало еще два работника. В целом семья насчитывала 19 человек. Большинство ее членов, как видно из приведенного состава, представляли собой родственников главы семьи по боковой линии¹⁸. В семье Оразгуна Канмурзаева (Кипчаков куб, кочевка Оразгуна), кроме него самого, двух его жен и детей, проживали еще и его два брата, один из них с женой и с двумя детьми, а также четверо детей от трех братьев, умерших или отсутствующих. Семья имела трех работников¹⁹.

Главой семейной общины являлся обычно один из членов старшего поколения — чаще всего отец или старший брат, дядя, дед. Судя по полевому этнографическому материалу, в прошлом существовали и семьи, управляемые старшей женщиной — матерью женатых братьев. Однако в данных камеральных описей караногайцев главенство женщины в семье и хозяйстве не зафиксировано, что объясняется, по-видимому, тем, что перед административными органами власти представлять семью имел право только мужчина, несмотря на то что фактически бразды правления в семье в ряде случаев находились в руках женщины. Тот же архивный материал дает основание полагать, что пере-

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 52, л. 254—258.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 52, л. 323—327.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 55, л. 136—149.

житочно сохранявшиеся у ногайцев неразделенные семьи являлись преимущественно «братскими». Обычно в этих семьях жили два—четыре и более братьев вместе со своими детьми и женами. «Братские» семьи включали в свой состав нередко вдов умерших братьев с их детьми, в том числе с женатыми сыновьями и их детьми. В числе неразделенных семей имелись и такие, в которых продолжали совместное проживание несколько двоюродных братьев со своими семьями или дядя со своими двоюродными племянниками и их детьми, т. е. родственники, не имевшие живого общего и прямого предка (деда, прадеда и т. д.). Таким образом, большая семья этого периода нередко объединяла несколько поколений не только близких родственников, по прямой и нисходящей линии, но и довольно отдаленных, сохранявших между собой хозяйственно-бытовое единство.

Это говорит о том, что не всегда сегментация большой семьи наступала сразу после смерти старшего родственника (деда, отца или другого прямого предка). Сохранению у ногайцев больших неразделенных семей способствовали стойко удерживающиеся пережитки патриархально-родовых отношений. В то же время сохранение больших семей содействовало сохранению старых обычаев, норм, обрядов.

2.

ИМУЩЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Для характеристики большой семьи важное значение имеет анализ ее хозяйственно-имущественных отношений.

Большая семья имела общую собственность — скот, землю (где было подворное владение или пользование надельной землей), надворные постройки (у кочевников на терме), домашнюю обстановку, сельскохозяйственные орудия и инвентарь, продукты питания и всякое иное имущество.

Основным видом собственности патриархальной большой семьи у кочевников-ногайцев (а следовательно, у подавляющего большинства ногайского населения) был мелкий и крупный рогатый скот, лошади, верблюды.

Отметим, что пастбищными, а нередко и покосными угодьями кочевая и оседлая территориальная община пользовалась совместно. У оседлых ногайцев (прикубанских и частично терско-сулакских) пахотная и покосная земля считалась общественной собственностью, но находилась (в виде наделов) в индивидуальном пользовании. В связи с этим происходили периодические или ежегодные переделы. Надельная норма (на дым в целом или на мужскую душу) в разных районах ногайского оседлого населения была различна и зависела от общего размера земельного фонда, удобного для обработки, орошения (в одних местах от 4 до 7 десятин на одну мужскую душу, в других — до 10 и более). На Кумыкской плоскости, согласно земельной реформе

1865 г., на каждый ногайский дым (всего насчитывалось здесь 1547 дворов) приходилось в среднем 36 десятин²⁰, но земля эта была плохой и преимущественно безводной.

Периодичность земельных переделов была различной, как различными были и способы дележа. Прикубанские ногайцы аула Тохтамыс, например, совершали в конце XIX—начале XX в. переделы пахотной земли через каждые 5—9 лет. Землю делили сперва на три части, по числу тухумов или кварталов. Потом каждую часть делили на 10 дворов, а долю 10 дворов уже делили на каждый двор, исходя при этом из числа мужчин. Если в семье родился сын после раздела земли, то семья получала на него надел лишь при следующем дележе. В земельных переделах мог участвовать только глава семьи или его старший сын. Делили землю по жребию. Поскольку в земельных угодьях общества были неодинаковые по качеству участки, то семья обычно получала надел, состоявший из хороших и плохих земель, в разных местах. Лучшие пахотные, покосные и пастбищные земли принадлежали местной феодальной знати и царской казне.

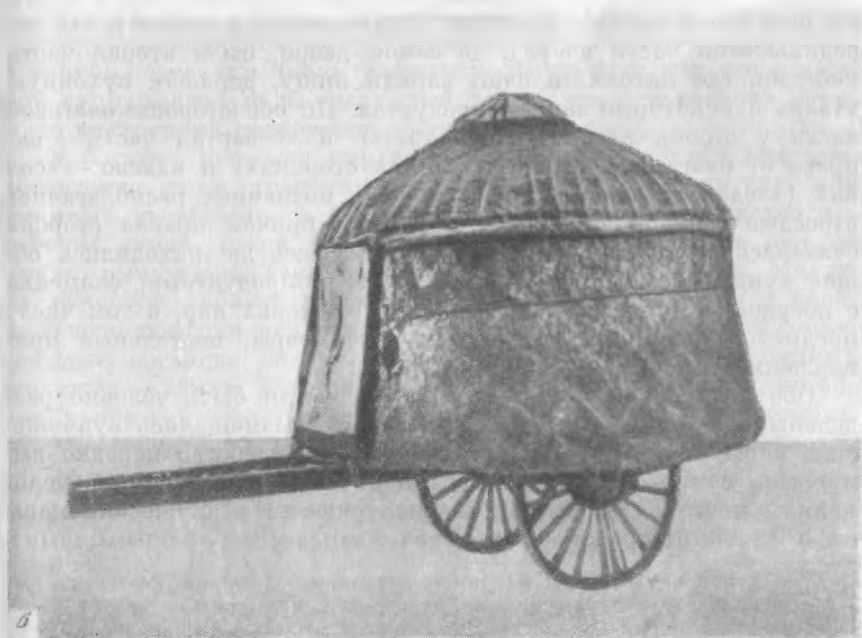
Таким образом, для ногайцев в этот период были характерны различные формы землевладения и землепользования. Трудовая масса ногайского населения земли на правах собственности не имела и пользовалась либо феодальной, либо казенной землей на правах аренды. Общинная форма пользования землей была характерна преимущественно для скотоводческих хозяйств, а надельная (пашни, сенокосы с периодическими или ежегодными переделами, общинные выгоны и пастбища) — для ногайцев с преимущественно земледельческой формой хозяйства.

Наряду с землей и скотом важнейшей частью имущества большой семьи были жилые и хозяйственные постройки. У ногайцев-кочевников жилищем семьи служили решеточные кибитки или юрты. В 1897 г. 1375 семей карапогайцев б. Кизлярского отдела Терской области имели 1792 кибитки и всего лишь 18 постоянных (саманных) строений. Кибитки были двух видов: большие, разборные (терме) и малые неразборные (отав)²¹. Количество кибиток в хозяйстве ногайца зависело от величины семьи и ее имущественного положения. Богатые погайцы нередко имели по четыре—шесть юрт, в том числе одну главную, служившую гостиной и столовой («уйкен терме», или «казан терме»), затем юрты отдельно для каждой жены хозяина, для

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 13, л. 92; *Тулъчинский П. П.* Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. — Терский сборник, вып. 6. Владикавказ, 1903, с. 88.

²¹ О погайском жилище подробнее см.: *Гаджиева С. Ш., Гольштейн А. Ф.* Из истории жилища дагестанских ногайцев XIX—XX вв. — Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1970, вып. XX, с. 303—332; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура погайцев в XIX—начале XX в. М., 1976; *Очерки истории Карачаево-Черкессии*, т. 1. Ставрополь, 1967, с. 376—377; *Кужелева Л. Н.* Ногайцы. — В кн.: *Народы Кавказа*, т. 1. М., 1960, с. 398.

Караногайское кочевое жилище
а) разборная кибитка; б) неразборная кибитка

каждого женатого сына и т. д. Жилище же большой семьи рядового кочевника нередко состояло из одной разборной кибитки — терме, «уй», «ожак».

Оседлые ногайцы Кубани и Терско-Сулакской низменности и перешедшие к оседлости жили в турлучных, саманных, кирпичных домах, покрытых камышом или соломой и состоявших из одной или нескольких комнат и сеней.

Социальная неоднородность ногайского общества проявлялась и во внутреннем убранстве жилища. У состоятельных людей в жилищах имелись ковры, кошмы из качественной шерсти с богатой отделкой, шелковые занавески, вышитые вещевые сумки и дорожки, покрытые резьбой сундуки, изготовленные черкесскими и дагестанскими мастерами, зеркала, богатая постель, сложенная на специальной раскрашенной скамье или кровати и т. п. О материальном благополучии свидетельствовали также продовольственные запасы (лари, мешки с мукой, зерном, сундуки с мясом), а также дорогая посуда.

Земляной пол в терме у богатых ногайцев застилали сперва камышом или циновкой и сверху в несколько слоев кошмами и коврами.

Кибитка условно делилась на четыре части. Первая — «тоър», «тоър як» — самое почетное место, у задней стены, напротив двери. Здесь на матрацах и подушках размещались обычно родители и их неженатые дети, причем направо от отца — старший сын, налево — дочь. При отсутствии родителей это место занимал старший сын со своей семьей. Здесь же рядом часто располагалась кровать супругов (главы семьи с женой). От середины этой части вперед, до самой двери, была вторая часть кибитки, где находился очаг, варили пищу, держали кухонную утварь и некоторые запасы продуктов. По обе стороны очаговой части у стенок располагались третья и четвертая части — направо от очага — «онъ як» («правая сторона») и налево — «сол як» («левая сторона») ²². В этих двух половинах располагались взрослые сыновья с женами и детьми, причем правая сторона считалась мужской, левая — женской. Здесь же находились общие сундуки семьи — «кобан сандык» с продуктами, скамейка с посудой, а также личные вещи супружеских пар, в том числе предметы приданого снох (войлочные ковры, постельные принадлежности, сундук с вещами и т. д.).

Обе эти половины, таким образом, могли быть условно разделены еще на более мелкие части, где размещались супружеские пары и их дети на ночь. Теснота, неудобство нередко вынуждали супругов устраиваться на ночь в летнее время в уединенном месте за кибиткой. В ряде случаев супружеские пары свою часть отгораживали на ночь занавеской — «шымылдык».

²² Правая и левая стороны в данном случае определялись не по их расположению от входа двери, а по расположению от места, отводимого главе семьи.

Не всегда семья имела возможность отводить каждой паре супругов с их детьми отдельное помещение. Н. Семенов писал о ногайцах Терско-Сулакской низменности, что в одной кибитке «зачастую одновременно помещаются и неоправившаяся после родов женщина со своим новорожденным, и какой-нибудь другой больной член семьи, и старая хозяйка дома со своими треногим очагом, с котлами, кувшинами, тазами, со всеми молочными продуктами, тут же подвергаемыми соответствующей переработке»²³. Об этом свидетельствуют и те же камеральные описи караногайцев, согласно которым 260 больших семей, насчитывавших 676 полных и 498 неполных пар, имели всего 519 кибиток, и приводимые ниже описания семей. Так, например, семья караногайца Эльмурзы Бекечева включала в свой состав по существу пять семейных ячеек: 1) Эльмурза с женой и четырьмя неженатыми детьми; 2) его сын Айболат с женой; 3) его брат — Тайболат с женой и тремя детьми; 4) вдова второго брата с двумя несовершеннолетними детьми; 5) сын вдовы с женой. Все пять пар размещались в трех кибитках²⁴. Совместно с Койбагаром Нуракаевым (б. Терик куб, Алаш-аул) в кибитке проживали его бабушка, мать, жена и дочь, семья брата (брат, его жена и двое детей), два неженатых брата, две незамужние сестры и внук дяди — всего 14 человек²⁵. Зато богатые семьи имели пять—семь и более кибиток, в том числе отдельные кибитки под столовую, кунацкую и т. д. Количество кибиток и их назначение, таким образом, зависело от социально-экономического состояния семьи. Согласно нашему полевому материалу, семья упоминавшегося уже Гаджибая из костековских ногайцев в период кочевания имела, например, 10 кибиток, так что у каждой супружеской пары была свой терме, что значительно изменило внутренний распорядок жизни семьи.

У богатых ногайцев имелись специальные кибитки для приготовления пищи, хранения продуктов, инвентаря, для слуг или наемных работников, а также для гостей. Но большинство ногайских семей, какой бы большой численный состав они не имели, вынуждены были жить в одной—двух кибитках. Малую неразборную кибитку выделяли молодой брачной паре, а большую использовали под жилье для всех остальных членов семьи. Оседлые ногайцы, как мы уже отмечали, жили в постоянных жилищах — домах. Жилище большой семьи у кубанских ногайцев, например, представляло длинный дом из нескольких комнат. Обычно каждая жилая комната имела и сени — «аят», «сенцо»²⁶.

²³ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 367.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 50, л. 156—159.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 355, оп. 1, д. 20, л. 31—41.

²⁶ Кубанские ногайцы сени называли «сенцо», комнату — «пеш» (от русского «печь»). Сени у караногайцев, перешедших на оседлость, где летом нередко готовили пищу, назывались «кара уй» («черная комната»), так как они первоначально, по-видимому, не имели дымохода.

В отдельных случаях две жилые комнаты имели одни сени. Со- стоятельные семьи старались выделить каждому женатому сыпу отдельную комнату (дома строились по типу жилищ местного русского населения и имели печи). В таком доме одна комната была большого размера и называлась поэтому «уыйкен уый» («большая комната»). Здесь жил глава семьи с женой. До же- нитьбы и замужества тут же проживали их сыновья и дочери. Здесь же готовили и принимали пицу все супружеские пары со своими детьми. После вечерней (основной) трапезы все супру- жеские пары расходились по своим комнатам. В зависимости от старшинства снохи, эти комнаты назывались «уыйкен кеншек пеш» («комната старшей снохи»), «кишкей кеншек пеш» («ком- ната младшей снохи») и т. д. Когда молодых пар было больше, чем комнат, старшие сыновья со своими женами и детьми пере- селялись к родителям в уыйкен уый, освобождая свои комнаты для молодых супругов. В помещениях имелись либо глинобитные из саманного кирпича лежанки — «орындык» (примерно 1,4 м ширины, 2,5 м длины), либо тахты — «тахтамет», «ялпак олтыр- гыш» из досок. Обычно они размещались вдоль одной из стен комнаты. Иногда в комнате сооружались две лежанки, покрытые войлочными коврами, на которых лежали подушки. Мебель была представлена диван-кроватью — орындык для супругов, круглым низким столиком — «сыпра», несколькими маленькими скамееч- ками — «шат». В богатых домах таких диванов было несколько (в каждой комнате по одному—два). На них обычно спали стар- шие, в том числе и женщины, а при их отсутствии — другие члены семьи. В комнатах женатых сыновей находилось и лич- ное имущество, приносимое в семью их женами (кошмы, по- стельные принадлежности, разные предметы обстановки, посуда, сундук из отцовского дома, одежда и оружие).

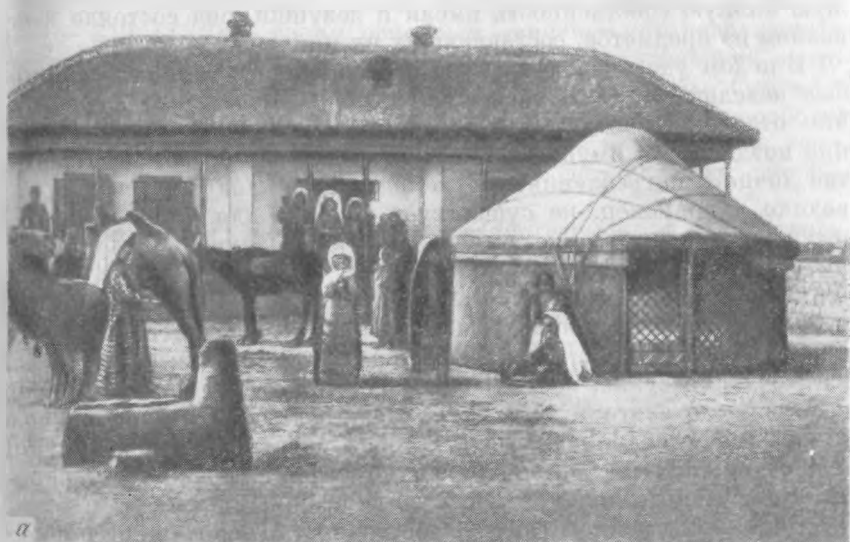
Имущественно-правовые отношения членов неразделенной семьи, основанные на общесемейной собственности, не исклю- чали наличия элементов и личной собственности отдельных лиц (одежда, оружие, предметы обстановки, лошади и т. д.). Личное имущество замужних женщин, например, состояло из прида- ного — «сеп», включавшего обстановку, утварь, посуду, украше- ния, а у кочевников — кибитку — отав или терме, свадебную арбу — «куыйме», которая потом превращалась в семье мужа в помещение для продуктов, а также подарки от семьи мужа.

Однако при этом необходимо подчеркнуть, что к той части приданого снох, которую составлял скот (верблюды, коровы, овцы, лошади) у погайцев было своеобразное отношение. С од- ной стороны, привести скот в дом мужа считалось делом похваль- ным, с другой — семья не очень любила подчеркивать наличие такой собственности в общем хозяйстве. Не желая роста индивидуальной собственности снох, богатые семьи под разными пред- логами старались продать, пустить в расход их скот. «Келининъ малынынъ тугги болмас» («Не будет шерсти на скотине снохи»),

Жилище оседлых караногайцев

*а) саманный дом и разборная кибитка
б) саманный дом*

«Келиннинъ малы мал болмас» («Не будет прока от скотины снохи»), — говорили ногайцы, оправдывая свое отрицательное отношение к личной собственности женщины в общей семье. Скот включался в общую собственность семьи, а предметы обстановки, украшения, одежда оставались пожизненно в распоряжении женщины и могли передаваться по наследству. Небольшую личную собственность имели и девушки, она состояла в основном из предметов, составлявших их приданое.

В целом удельный вес личного имущества в семейной общине был невелик. М. О. Косвен справедливо отмечал, что «образование отдельного имущества женщины в большой семье — явление позднее, это имущество состоит главным образом из предметов личного потребления, его экономическое значение весьма невелико, и, наконец, не существует условий для того, чтобы это имущество существенно умножалось и увеличивало свое влияние»²⁷.

Однако пока собственность у снох сохранялась, они явно старались ее сберечь и приумножить. В частности, они пытались использовать шерсть из принадлежавших им овец и верблюдов для изготовления сукна, войлочных ковров, продать лишний приплод собственного скота и т. д. Если жена получала развод по воле мужа, она имела право взять с собой обратно в отцовский дом все сохранившееся поголовье лично ей принадлежащего скота. После ее смерти личное имущество переходило детям.

Общинно-семейная форма собственности, основанная на коллективном труде всех трудоспособных членов семьи и кровных связях, вызывала сохранение общинного потребления. Однако потребление из общего котла в условиях кочевого общества имело свои особенности. В частности, в сезоны кочевания отдельные члены семьи, нередко супружеские пары со своими детьми, могли находиться на значительном расстоянии от семьи — летом остаться на зимней стоянке для заготовки топлива, уборки сена, посевов. Примером может быть семья Балтенкади из аула Уйкен-Кую, Караногайского участка. В последние годы жизни Балтен с женой жили оседло, в постоянном жилище в том же ауле Уйкен-Кую (бывшей зимней стоянке), а жепатые сыновья кочевали с отарой вдали от аула. Тем не менее питались все члены семьи за счет общих запасов, которые не делились по супружеским парам. Остальные расходы семьи также осуществлялись за счет общих доходов из единого источника.

издательство «Госиздат»

²⁷ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 61.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ В БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

Основным занятием большинства ногайцев, как уже отмечалось, вплоть до начала XX в. было скотоводство. Из упоминавшихся выше 260 больших семей ногайцев (главным образом караногайцев) — 219 (84,2%) своим основным занятием признавали скотоводство, 24 семьи (9,15%) — земледелие и дополнительно скотоводство, 34 (13%) — рыболовство и скотоводство. Основной доход 14 семей составляли постоянные или поденные заработки членов семьи (взрослых мужчин), в том числе три семьи занимались извозом и дополнительно скотоводством, пять семей — сапожническим делом и т. д.

Коллективная собственность, хозяйственное и потребительское единство большой семьи детерминировали коллективные формы труда всех трудоспособных ее членов.

Разделение труда основывалось на половозрастном принципе. Мужчины обычно занимались полевыми работами, пасли скот, ухаживали за ним, сооружали хозяйственные помещения, обеспечивали семью продуктами, приобретаемыми на стороне, реализовывали излишки хозяйства на рынке, занимались извозом, отбывали основные феодальные или казенные повинности, барщину на княжеских землях, подводные, конные (чапарские) повинности по требованиям администрации и т. д. Женщины же в основном были заняты работами по дому.

Как мы уже отмечали, семейную общину возглавлял обычно старший по возрасту дед — «дадай», отец — «атай», или (реже) старая женщина — бабушка — «аьем», мать — «абай». Однако на последней стадии разложения большой семьи, ее нередко и при наличии старших (отца, дяди) представителей старшего поколения, возглавлял сын, племянник или один из братьев. Так, в обследованных нами 260 неразделенных семьях в 28 главами семей были племянники при жизни дядьев с их потомствами.

Нередко глава семьи — «уьй иеси» («хозяин дома»), «аьел басы» («глава семьи») еще при жизни передавал одному из сыновей (чаще старшему) бразды правления хозяйством, хотя оставлял за собой право направлять хозяйственную деятельность семьи и следить за соблюдением ее членами морально-этических норм. Он мог отменять распоряжения нового главы семьи, мог отстранить его от всех дел, т. е. фактически сохранял за собой право полного контроля. Недаром ногайская пословица гласила:

*Ер ярылып коьк шыкпас
Аркасыннан куьн оьтпей
Уьйдинь наьсиби келмес
Каргы ясын коьз этпей.*

*Из земли трава не взойдет,
Если сверху не согреет солнце
В доме не будет благополучия,
Если старейший не наведет
порядок.*

Эту поговорку приводили ногайцы, подчеркивая важную роль, неизбежность авторитета старейшего в семье. Но она, очевидно, характеризует устой семейной общины периода ее господства, а не разложения.

Глава семьи нередко имел двух, а иногда трех—четыре жены, остальные члены семьи (за редким исключением) только одну. В целом многоженство в исследуемое нами время у ногайцев развито не было. В составе всех 1375 семей только 117 мужчин имели по две жены, 7 — по три, 2 — по четыре. В 260 учтенных больших семьях лишь 49 имели по две жены, 4 — по три и 3 — по четыре. Глава семьи — отец осуществлял обычно общее руководство, распределял трудовые обязанности и сам трудился (если не был дряхлым) наравне со старшими на главном участке работы, особенно если семья была бедной. Самые сложные поручения выполняли при этом старшие трудоспособные члены семьи, обладающие опытом и навыками.

В скотоводстве наиболее ответственными видами труда считались выпас скота (дневной и ночной), уход за ним, стрижка овец, кошение и уборка сена (там, где установилась традиция заготовки корма), строительство и уборка скотопомещений, рытье колодцев, перегон скота и т. д. Все эти виды работ закреплялись за отдельными членами семьи в зависимости не только от их способностей, личных качеств и призвания, но и от традиционного разделения функций. При этом в семьях, где трудоспособных мужчин было недостаточно, им приходилось совмещать несколько функций. У богатых скотоводов с большим числом взрослых мужчин несколько человек выделялись табунщиками — «йылкышы», пастухами — «туваршы», «бузавшы», чабанами — «койшы» и т. д. В сезон особых работ, стрижки, перегона скота основные силы сосредоточивались на самых важных участках работ.

В полеводстве (у оседлых ногайцев на Кубани и Терско-Сулакской низменности) основные хозяйственные процессы заключались в пахоте, севе, в поливе (у ногайцев Терско-Сулакской низменности), жатве, перевозке зерна. Главным землепашцем — «сабанши», «куйрыкшы» — был обычно глава семьи. От его умелой работы в значительной степени зависело качество пахоты. Следующий за ним был погонщик — «шыбыкшы», «шатакшы», он сидел на ярме первой пары быков. На ярмах других пар быков размещались подростки, помогая старшему погонщику. Один из работников (также опытных) должен был идти впереди быков, направляя их движение. Сев также доверялся самому опытному работнику хозяйства — главе семьи, его брату или сыну. Жатва и молотба требовали участия всех взрослых опытных работников, подростков и женщин для подсобных работ.

В зажиточных семьях на ответственных работах применялся и наемный труд. Нанятые пастухи — «туваршы» — ухаживали

за крупным рогатым скотом, табунщики — «атшы», «йылкышы» — следили за табуном лошадей, чабаны — «койшы» — за отарами овец. Кроме того, опытные работники нанимались для работы в полеводческом хозяйстве. Наемные работники могли жить у хозяина со своими семьями. Жены батраков доили коров, ухаживали за телятами, выполняли другую работу по хозяйству бая, получая в качестве вознаграждения продукты, еду и ношеную одежду членов хозяйской семьи. Мужчины-батраки получали за свой труд либо натурой (одного быка или телку за год), либо деньгами (в предреволюционные годы обычно до 50 коп. за каждую выращенную голову скота). Так, в семье Эсенбая, жившего в 90-е годы XIX в. в кочевом ауле Джелал-ага (теперь аул Артизиан-Мангит Нефтекумского района Ставропольского края), проживало шесть батраков с женами и детьми. Мужья получали 40—50 коп. в год за выращенных ими корову или быка, а жены их, которые доили ежедневно несколько десятков коров, — молоко от двух коров, а также время от времени ношеную одежду. Когда же батраками являлись бедные родственники хозяина или его жен, что случалось часто, то они, как правило, вознаграждались только едой и старой одеждой.

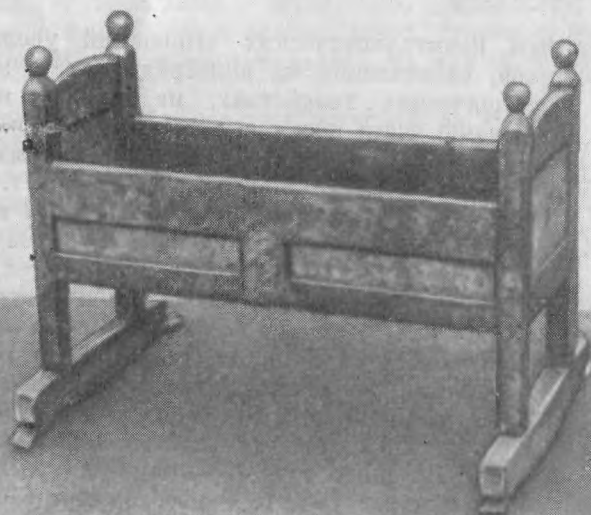
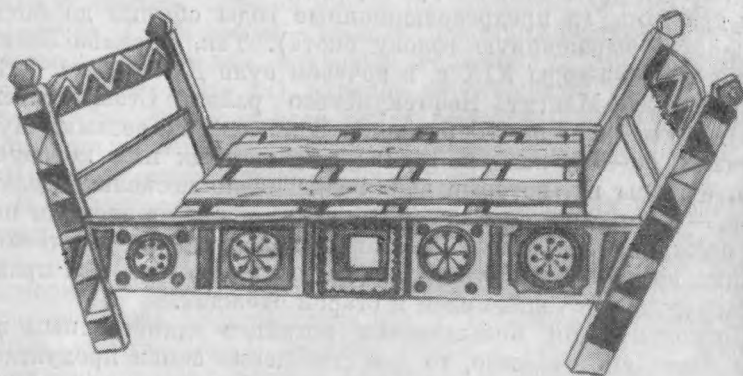
Поскольку для большинства ногайцев единственным занятием было скотоводство, то для снабжения семьи продуктами и промышленными товарами часть скота обменивалась или продавалась на хлеб на еженедельных базарах городов и станций Ставрополья, Терской, Кубанской и Дагестанской областей и на вырученные деньги покупалось все необходимое для семьи. Этим занимался обычно один из помощников главы семьи или сам глава семьи.

С развитием капиталистических отношений увеличивается число отходников, работающих на виноградниках, в земледельческих и скотоводческих хозяйствах, на рыбных промыслах и т. д. Их труд чаще всего носил сезонный характер. На отхожий промысел семья отправляла прежде всего опытных работников, заработки которых могли пополнить ее бюджет. Работали отходники от зари до зари и за тяжелый недельный труд получали 1—2 рубля. На вырученные деньги рабочие покупали семье чай, муку, иногда что-нибудь из одежды.

Ногайцы нанимались на временные работы и к крупным помещикам-овцеводам. Так, согласно нашим полевым материалам, перед первой мировой войной более 100 ногайцев Кизлярской степи ежегодно работали на хуторе помещика-овцевода Горбова, почти столько же — у помещика Устеменко.

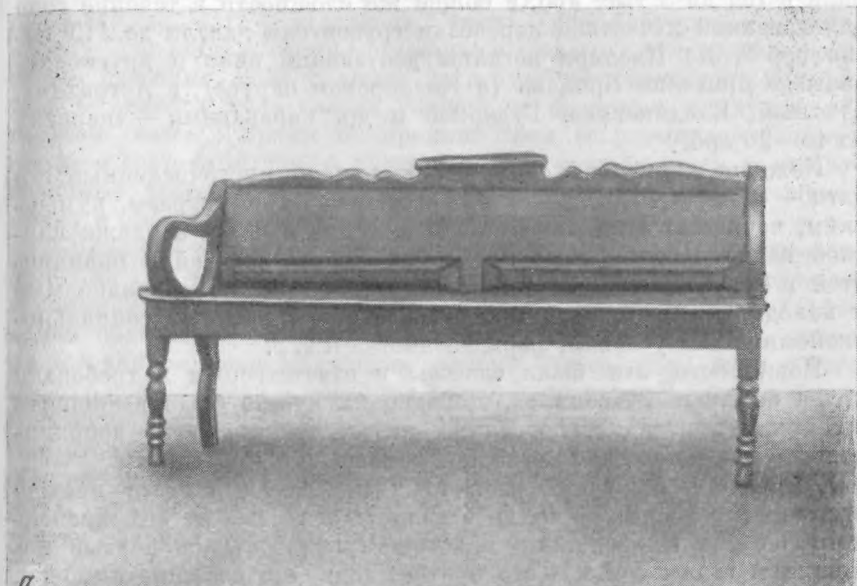
Большую роль в хозяйственной деятельности семьи играл и извоз — «кире». «Ногайцы в Ставропольской губернии, — говорится в одном документе 1859 г., — необходимое звено в цепи народного благосостояния от самого Пятигорского уезда до Кизляра с его уездом включительно. Вся почти сухопутная казенная и частная перевозка тяжестей на всем этом пространстве...

Деревянные кровати

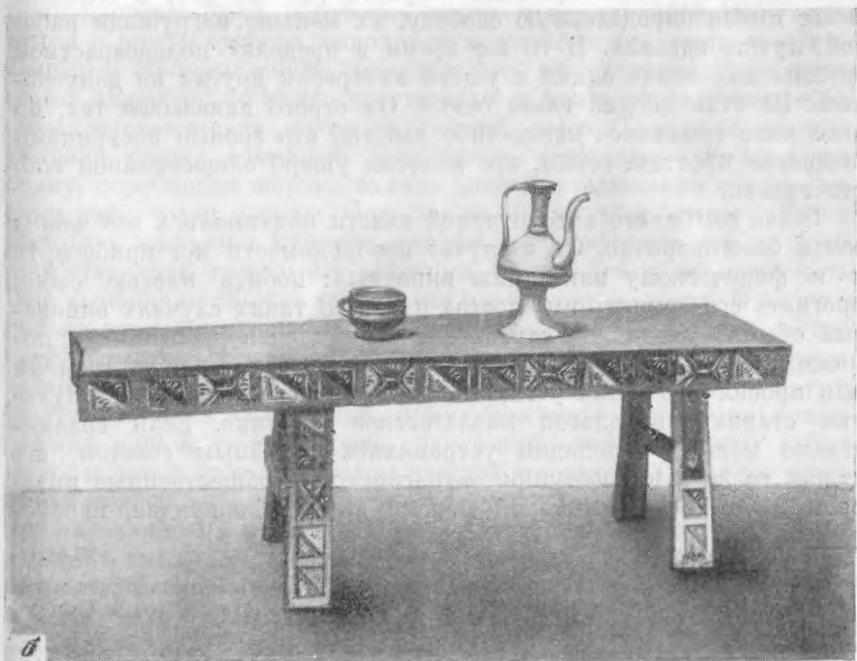

Предметы домашней обстановки

а) диван; б) подставка для посуды

а

б

производится ими»²⁸⁻²⁹. По данным за тот же год, только для перевозки товаров по найму частных лиц от Кизляра до Шандруковской пристани и из Кизляра в Астрахань погайцы выставляли в год до 5 тыс. арб, в общей же сложности в течение года для казенной и частной перевозки грузов они давали до 115 тысяч арб³⁰. Из Кизляра погайцы доставляли вино и другие товары до пристани Брянска (в Кизлярском округе), в Астрахань, Грозный, Владикавказ, Гудермес и др. караванами — «керван» из 15—20 арб.

Каждая погайская семья выплачивала многочисленные подати — «ясакъ», отбывала повинности — «бигер» мурзам, кумыкским, черкесским князьям за пользование земель, а также царской казне. Причем в разное время формы податей и повинностей и соотношения их в разных районах были неодинаковыми и находились в прямой зависимости от конкретных социально-экономических условий, форм хозяйства и т. д.

Повинности эти были сложны и ответственны и требовали труда опытных работников. Нередко их нужно было выполнить в самый разгар хозяйственных работ, что создавало дополнительные трудности для погайской семьи.

Авторитет каждого взрослого члена семьи зависел прежде всего от его усердного труда в общем хозяйстве, от его жизненного опыта. Наибольшим престижем пользовались первые помощники главы семьи — его братья, дяди, его старшие сыновья, племянники. Юноши брачного возраста (15—20 лет) в большой семье имели определенную свободу, их меньше нагружали работой, лучше одевали. В то же время в пределах половозрастной группы выделение одних в ущерб интересам других не допускалось. За этим следил глава семьи. Он строго наказывал тех, по чьей вине срывались какие-либо работы, кто своими поступками подрывал престиж семьи, кто наносил ущерб общесемейной собственности.

Главе семьи, его авторитарной власти подчинялись все члены семьи безоговорочно. Он в случае необходимости мог прибегнуть и к физическому наказанию виновных: побить плетью сына, прогнать его, лишить имущества и т. д. В таких случаях виноватый обычно уходил на заработки, нанимался в работники к помещику или баю. Бывали случаи, когда по истечении времени сын просил прощения у главы семьи, за него заступались аульные старики, предлагая маслагатское решение. Если сравнительно мелкие неполадки устранялись семейным советом, его судом, то дела и проступки, затрагивающие общественные интересы и устой традиционной морали или правопорядка, переходили

²⁸⁻²⁹ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение ипородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы, ч. 1. Ставрополь, 1883, с. 102.

³⁰ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение... с. 101.

дили в ведение совета старейшин кочевой аульской общины или суда князей.

Разделение труда существовало и среди женской части большой семьи. Мать — «тавквей», «ана» (или бабушка — «тетей», «ае») управляла всеми домашними делами, руководила женскими работами, ведала всеми запасами продовольствия. Символом ее власти была связка ключей от кладовых, сундуков, денежной кассы. Время от времени она информировала главу семьи о состоянии дел, о нуждах семьи, отчитывалась за произведенные расходы. Большие покупки (одежда, предметы обстановки и др.) совершались ими согласованно.

«Между женщинами существовали строгие иерархические отношения и чинопочитание. Младшая была обязана, согласно традиционному этикету, всегда слушать старшую, а жена хозяина повелевать всеми женщинами и, как отмечается в одном из источников, даже младшими женами своего мужа, если у него несколько», — писал о ногайцах анонимный автор³¹.

Главная хозяйка отпускала другим женщинам продукты на приготовление пищи. Готовила пищу либо она сама, либо первая ее помощница — жена старшего сына, брата — «уйкен келип», «уйкен келиншек». Готовую еду (суп, чай) разливала только главная хозяйка, она распределяла мясо, печенье, фрукты и т. д.

Обработка молочных продуктов, помол проса на крупу и муку, приготовление бузы, обработка овчин, прядение шерсти, тканье сукна и шитье одежды выполнялись также женщинами старшего возраста. Молодые снохи (сообща или по очереди) выполняли самые тяжелые, но менее престижные и менее ответственные работы: заготавливали кизяк на зимний период, стирали одежду, убирали общие семейные помещения, совершали обмазку, побелку, перебирали шерсть, валяли войлок и вышивали кошмы, носили воду, мыли посуду. Они же выходили на полевые работы, помогали мужьям в уходе за скотом, в уборке сена и т. д. Девушек старались тяжелыми работами по хозяйству не загружать. Они выполняли обычно несложные поручения старших. В богатых семьях девушки проводили свободное время за рукоделием, вышиванием золотой и серебряной капителью, разноцветными пилками всевозможных кисетов, сумок, тюбетеек, башлыков, обуви и т. д.

Что касается помещений, принадлежащих отдельным супружеским парам, то их уборка, равно как стирка одежды своего мужа и детей, являлась делом каждой женщины. Свекровь имела право подвергнуть снох физическому наказанию, могла поручить это наказание их мужьям. Недаром применялась пословица: «Келиннинъ аягыннан, кайын анадынъ таягыннан» («От ноги снохи, от палки свекрови»), смысл которой таков: порядок и согласие в доме будут зависеть от того, как поворотлива сноха и как

³¹ Кавказские жители. Природа и люди. СПб., 1879, № 6, с. 5.

властна, строга свекровь. Снохи без разрешения старшей не могли даже уйти спать в свои комнаты, особенно если оставались дела в общесемейном помещении. Отдать что-нибудь из своего приданого, пойти в гости к соседке, в отцовский дом — на все требовалась санкция хозяйки. Снохи не должны были уходить из дому, какая бы обида ни была им нанесена. Муж имел право найти ушедшую жену, избить ее и вернуть домой, усадив впереди себя на лошадь (жены чаще всего были родом из других, кочевых аулов). Здесь сказывалась неумолимая сила выплаченного калыма, который превращал женщину в собственность семьи мужа. Если старший сын находился в отъезде, наказание мог определять и выполнять его младший брат (старший брат не имел права бить жену младшего брата). Если какая-нибудь сноха была из бедной семьи и не имела влиятельных родственников, к ней относились хуже. И, наоборот, у снох богатых, с большим числом влиятельных родственников было больше прав, свекровь иногда попадала под влияние хитрой, ловкой снохи. Все это обостряло регламентированные взаимоотношения женщин в семье, иногда даже вызывало между ними вражду и соперничество. Недаром погайская поговорка гласила: «Апсын болган ерде куьндес со-рама» («Где снохи живут вместе, не спрашивай про соперницу», т. е. они живут хуже соперниц).

Пищу варили в общем котле, помещенном на треножнике. Этим занимался, как было отмечено, кто-нибудь из старших женщин, а разливала обязательно главная хозяйка, она же делала мясо, причем целыми костями — «тутас» (кости они не рубили, что, очевидно, связано с культом животных в прошлом). Самые лучшие части: ай багар — голову (правую сторону ее). куьн багар — лопатку или тесикли — тазовую кость она выделяла главе семьи. Следующие хорошие куски предназначались детям: сыновьям — бедровые части — «орта сан», части пожок — «ер басар», «бут», ребра — «кабырга»; дочерям — часть грудинки, сердце, почки и т. д., а остальные, куски похуже (шейная часть, самые нижние части ножки), доставались снохам и наемным работникам. Себе самой старшая отделяла часть грудинки или мякоть от ножки.

Особое значение в питании семьи погайца-кочевника имели калмыцкий чай и мясо. Из мяса молодых баранов готовили (особенно в весенний период) «къувирма» — жареное мясо с перцем, луком, «таба боьрек», «казан боьрек» (пирожки) и т. д. Из конины колбасу — «казы», «толтырма». Обычно ели мясо в вареном виде, из его бульона готовили суп с крупой — «сорпа». Из проса погайцы готовили кашу, лепешки и даже бузу. Пшеничный хлеб употребляли преимущественно зажиточные погайцы, бедные пекли его из проса — «малай» (хлеб в виде лепешек). На праздники готовили и «бавырсак» — круглые лепешки из кислого теста, зажаренные в масле, а также выпекали или жарили на сковороде «катлама» — своеобразные слоеные калачики из пресного теста.

Готовили также лукумы из пресного, раскатанного и разрезанного на куски теста и т. д.

Взять разливательную ложку — символ главенства женщины в доме — могла только старшая, а в ее отсутствие — только ее помощница. Когда не было ни той, ни другой или собирався в доме круг женщин из патронимической группы, происходил церемониал вручения разливательной ложки женщине, пользующейся почетом, одной из старших.

Для трапезы семья устраивалась в уйкен-уй (только повобрачная сноха не присутствовала, ей носили еду в отав, где она должна была находиться около года). Пищу принимали иногда поочередно, иногда одновременно, но группами, с учетом половозрастной структуры: старики, в том числе и жены главы семьи, принимали пищу, сидя на самом почетном месте — тёр — отдельно, взрослые сыновья — также отдельно, снохи — вместе со своими детьми, иногда и со взрослыми сыновьями и дочерьми. В разросшихся семьях трапеза организовывалась в две-три очереди. Подавали еду на четырехугольном столике на низких ножках — «сыпра». Однако при приходе гостей молодые люди уходили, уступив место пришедшим. Старые же женщины продолжали трапезу вместе с гостями. Остальные женщины при гостях и без них со своими мужьями за трапезу, как правило, не садились, а устраивались поближе к двери, на голом полу. Молодые снохи обычно садились подложив под себя куски кизяка, спиной к мужчинам, около двери. В отдельных семьях сперва ели мужчины, после них — женщины. Бывало и так, что когда к женатым сыновьям приходили их гости — друзья, угощение устраивалось в кибитках молодых супругов.

В семье мужа часто продолжали жить овдовевшие снохи, особенно в тех случаях, когда у них были дети. Часто такая сноха становилась второй женой младшего брата своего покойного мужа. «По старинному обычаю, — писал, например, о караогайцах в конце XIX в. Г. Малявкин, — вдова живет в доме родителей или родственников своего мужа и очень часто фактически становится женой брата умершего. Калым платится сообща, особенно у бедных, а потому вдова считается принадлежащею всему роду. Дети, рожденные вдовой от брата ее покойного мужа, считаются принадлежащими к роду мужа»³². Свое недовольство в отношении снохи свекор чаще всего выражал через свою жену — начальницу женской половины дома. Плохо испеченные лепешки, неаккуратно починенную или выстиранную одежду он мог также положить перед той или другой снохой, что без всяких слов означало суровое осуждение. Без свекрови или старшей снохи жены младших сыновей, даже если они прожили в данной семье 5—10 лет, не имели права помочь соседям, дать займы любую мелочь, даже

³² *Малявкин Г.* Караогайцы. — Терский сборник. Владикавказ, 1893, вып. 3, кн. II, с. 167.

закваску для теста. Старшая свекровь, таким образом, была все- сильной. Ее действия мог пресечь лишь свекор, глава семьи. Неда- ром один из дореволюционных авторов отмечал: «Каждый погаец может иметь нескольких жен, и все они... не только рабы своего мужа, но и старшего члена в семействе»³³. Это наблюдение под- тверждается этнографическими материалами. Вот как рассказы- вает о быте неразделенной семьи своего мужа Патимат Арсланова из бывшего кочевого аула Уйкен-Кую: «Всю домашнюю работу выполняли мы — снохи. Свекровь только распоряжалась и отпу- скала продукты. Иногда и присматривала за нашими детьми. Она была к нам очень строга. Мы жили по правилу: «Анай оьл десе — оьлип, кал десе — калып» («Если свекровь скажет умри, должны были умереть, если скажет остаться живыми — остаться жи- выми»). Мы заготавливали кизяк, доили коров, ухаживали за телятами, обрабатывали молочные продукты, ткали сукно, шили одежду из шерсти овчины, убирали помещения, стирали, готовили еду. Одежду покупали свекор и свекровь, причем всем одинаково, чтобы никто не остался в обиде. Деньгами мы не распоряжались, ими ведали наши мужья. Денежная касса была у свекрови под контролем отца. Даже лично нам, снохам, принадлежащий скот (верблюды, коровы, лошади) находился в полном распоряже- нии атай»³⁴.

Сходное с этим и воспоминание Курманалиевой Шопав (87 лет) из семьи, где были четыре снохи. «Отец мужа Эрен- берди, — говорит она, — умер до моего замужества. Главой семьи была жена старика — Эртуган. У нас было три терме и отав. Трое сыновей с женами и детьми жили в терме, а бездетный сын — в отаве. Старуха жила в терме старшего сына Теркбая. Их терме служила нам столовой, где мы находились пока рабо- тали, ели, а на ночь на отдых уходили в свои помещения. Всеми делами в семье распоряжалась мать, но основными мужскими ра- ботами руководил от имени свекрови старший сын, он распреде- лял все работы, сам брался за самые трудные, ежегодно ездил в Кизляр продавать скот для нужд семьи, привозил зерно и дру- гие товары, которые поступали в распоряжение матери. Другой брат Адилбай чаще смотрел за крупным рогатым скотом, третий Терекали — за отарой, мой муж Курманалиш больше занимался извозом и т. д. У нас среди женщин не было такого строгого за- крепления отдельных видов работ. Если была срочная работа, мы делали ее вместе (заготовка кизяка, обработка овчин и шкур, уборка, стирка, установка терме на новом месте и т. д.). Среди нас старшей была жена старшего брата Уразбийке. При болезни или отсутствии свекрови всем распоряжалась она. Обычно свек- ровь или старшая сноха готовила еду. Двое доили коров, в свобод- ное время я ткала сукно. Одевала нас одинаково, очень

³³ Кавказские жители... с. 5.

³⁴ Записано в 1965 г. в сел. Терекли-Мектеб у Патимат Арслановой. — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

экономно — старший брат покупал ткани, когда видел, что одежда рвется. Хотя еда готовилась в одном котле, часто ели мы в своих кибитках. Нам очень не нравилась такая жизнь, но мужья твердили: «Куртка сав турганша айырылув болмас — деп» («Не будет раздела, пока жива старуха»). Мне пришлось испытать и то, что муж мой после смерти Теркбая, старшего брата, взял его вдову в жены (в качестве второй) с тремя детьми. Она жила в своей терме, я в своей. Муж посещал ее, имел от нее тоже ребенка. Перед женитьбой на ней он мне сказал: «У нее дети, я вынужден жениться, но ты будешь хозяйкой». Действительно, когда наша большая семья распалась, я была хозяйкой. Я старалась не ссориться, она тоже. Мы знали, что муж не согласится, не станет терпеть и будет бить нас»³⁵.

Глава семьи являлся единовластным хозяином всего семейного имущества, которым мог распоряжаться самолично. По своему усмотрению он женил сыновей и выдавал замуж дочерей. Малейшее проявление своеволия со стороны других членов семейной общины, шедшее вразрез с патриархальными порядками и традициями, немедленно пресекалось. Наиболее бесправными были женщины.

Особенно тяжелым становилось положение женщины после замужества, когда она беспрекословно должна была подчиняться всем, кто старше ее в семье мужа, строго соблюдать обычай избегания.

Со старшими членами семьи ей не разрешалось говорить первой, на их вопросы она должна была отвечать шепотом или кивком головы. У ногайцев в этом отношении было много общего с запретами у народов Средней Азии и Казахстана³⁶.

С возрастом положение женщины постепенно изменялось, она становилась снова более самостоятельной в своем кругу. Часто после смерти главы дома его жене переходили его права.

Патриархальные порядки строже соблюдались в экономически сильных больших семьях. В бедных же деспотическая система семьи была слабее.

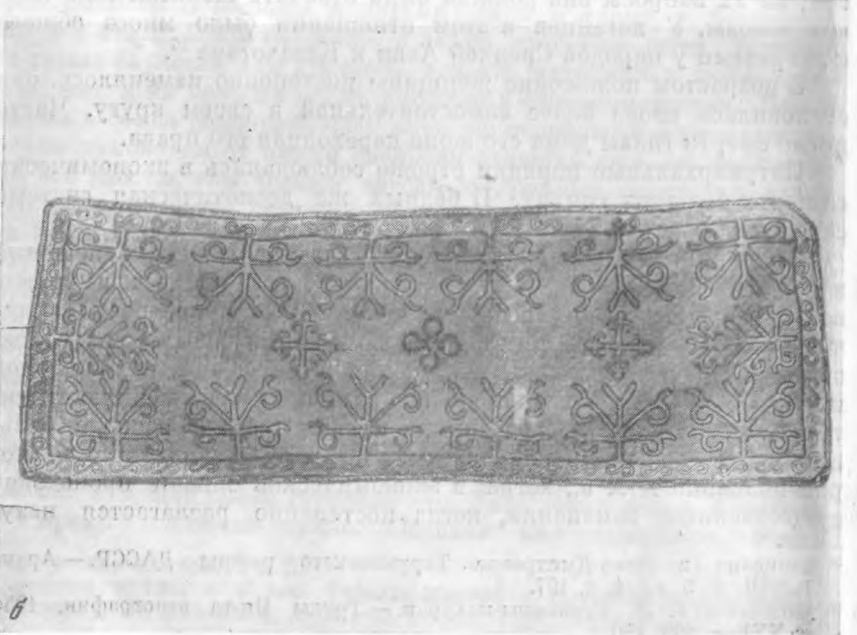
Под влиянием развивавшихся товарно-денежных отношений в конце XIX—начале XX в. стал усиливаться процесс имущественного и классового расслоения в ногайском ауле, росло количество семей, прибегавших к продаже и найму рабочей силы. Развитие капиталистических отношений в пореформенный период в Ногайской степи оказало большое влияние и на семейную структуру. Начавшийся в более ранний период процесс распада больших семей особенно усиливается и в основном завершается во второй половине XIX в., когда в экономической жизни происходят существенные изменения, когда постепенно разлагается нату-

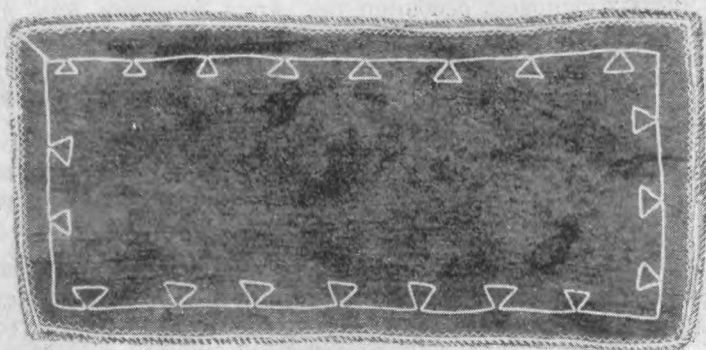
³⁵ Записано в Ново-Дмитровке Тарумовского района ДАССР. — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

³⁶ Васильева Г. П. Туркмены-нохурли. — Труды Ин-та этнографии, 1954, т. XXI, с. 189, 190.

Предметы домашней обстановки

а) сундук; б) — войлочный ковер

в

г

ральное хозяйство, все более увеличиваются рыночные связи, растет отходничество (промышленное и земледельческое), извозный промысел, увеличивается роль обособленной частной собственности, подтачивая устои патриархальной общины.

В этом процессе наблюдается, с одной стороны, стремление главы семьи сохранить во что бы то ни стало свою роль неограниченного и полновластного распорядителя семейного имущества, удержать семью от распада, с другой — все возрастающая тенденция женатых сыновей, особенно тех, труд которых или личные заработки (отходники, извозчики, сапожники, служащие) играли существенную роль в экономике семейной общины, к созданию своего самостоятельного хозяйства и разделению общесемейного имущества.

4.

МАЛАЯ СЕМЬЯ

Разложение натурального хозяйства, проникновение в ногайский аул капиталистических отношений приводили к постепенному распаду большой семьи, к изменению как численного состава семьи, так и характера внутрисемейных отношений. К началу XX в. большая неразделенная семья у ногайцев перестает играть сколько-нибудь существенную роль в системе социальных отношений. Преобладающей и по сути единственной формой семьи стала малая семья. Поводом для раздела семьи или выделения женатых пар в это время чаще всего служила смерть отца («сыновья при отце не делятся»), но за этим стояли трудности организации быта: жить вместе стало трудно из-за чрезмерного разрастания семьи — «уй тыгыс» («дом тесен»), сложности организации питания — «казанга авыр» («котлу тяжело») и т. д.

Однако, как об этом свидетельствуют наши информаторы, в начале XX в. известны факты раздела женатых сыновей и при жизни главы семьи. Отец мог выделять их постепенно — сперва одного, потом другого или двух сразу. К разделам большая семья готовилась заблаговременно и тщательно, чтобы создать материальные основы для каждого раздела. Предварительно делались сбережения для приобретения дополнительного рабочего скота, орудий труда, строились жилища и т. д. Делилась семья либо по шарияту, либо чаще по адату. К шарияту прибегали обычно в том случае, если раздел происходил после смерти отца, и особенно при наличии разногласий. В таком случае имущество делил кадий, который за свой труд получал кошму или одну голову скота. Если раздел происходил при жизни отца, то он осуществлял его, учитывая вклад того или другого сына в общую семью. Отделяя сына, семья совершала обряд «казан майлай» («котел смазывают маслом»), т. е. устраивала угощение, на которое приглашала близких родственников — членов патронимии. Родственницы приносили подарки, чаще предметы утвари, посуды, обстановки для бу-

душей отделенной семьи. Большая семья снабжала отделявшихся кибиткой (у кочевников) или выделяла комнату в общем доме (у оседлых), а также определенное количество поголовья скота, котел, утварь, зерно из семейных запасов и др. Землю же, пахотную и покосную, выделявшаяся оседлая семья не получала, так как последняя находилась в общинном пользовании, и лишь при новом переделе имела право на отдельный надел. Раздел после смерти отца осуществлялся по числу сыновей старшего поколения. Численный состав и степень участия в общесемейном хозяйстве их потомства не учитывались.

Надбавка делалась лишь из общесемейных запасов продовольствия, чтобы выделившаяся семья могла прокормиться до нового урожая. Выделялось имущество и для незамужних дочерей — приданое (если дележ происходил по шариату — половина доли одного сына). В процессе раздела отделяли приданое жен, снох (скот, домашние вещи, кибитки). Получала свою долю и мать, если она была жива (по шариату $\frac{1}{8}$ часть всего имущества семьи). Если же раздел семьи осуществлялся при жизни отца, то отец оставлял себе большую долю.

Выделение обычно происходило мирно, конфликты были редки, и сыновья, соблюдая волю отцов, старались к помощи аульной администрации не прибегать. Между сыновьями все семейно-общинное имущество, как наследственное, так и приобретенное, обычно делилось поровну. Нередко в соответствии с нормами обычного права старшему брату, труд которого оценивался выше, а также неженатому младшему брату делалась надбавка. В ее состав включалась лошадь с седлом или реже два быка. Кроме того, если делили дом, то старшему брату давали комнаты справа, а младшим — слева. Младшему (неженатому) могли выделить вдвое—втрое больше, чем остальным братьям, на расходы по свадьбе, на калым и т. д. Часто бывало и так, что выделившиеся из общины малые семьи продолжали жить в одном общем доме до постройки индивидуальных домов. Известны разные варианты разделов.

Небезынтересен рассказ, сохранившийся в памяти карагайца Кадыра Апшикова (1898 г. рожд.), основанный на воспоминаниях его покойного отца Апшика: «Отец рассказывал, что их было пять женатых братьев, когда умерли у них отец и мать: Кара-Хаджи, старший брат, у которого было девять душ семьи, мой отец Апшик, средний, семья которого состояла из восьми человек, Суьиндик — с семьей из шести душ, Куватай — с семьей из семи душ, Адийис — с семьей из пяти душ, всего в семье было 35 человек. Главой семьи был Кара-Хаджи, мой отец играл роль управляющего, выполнял все поручения брата вне хозяйства: доставал зерно, муку, продавал скот на базарах, нередко представлял хозяйство перед администрацией. Суьиндик в основном был «туваршы» — пастух, Адийис — «байталшы», «йылкышы» — табунщик, Куватай — «сабаншы» — крестьянин. Женскую часть

семьи возглавляла жена старшего брата — Аявлы. Брат сам очень много работал, всегда был при хозяйстве и доме. Так они жили примерно до 1912 г., а потом разделились. Поводом для раздела была ссора в семье: приехал к братьям гость, они предложили старшей снохе поставить чай. Старшая перепоручила другой, другая третьей и т. д. Так гость, не выпив чая, ушел. После этого старший собрал братьев и сказал: «До сих пор у нас не было недоразумений, а сейчас это случилось. Нам лучше жить отдельно. Возьмите по котлу и живите самостоятельно». Так состоялся раздел, хотя еще целый год скот находился в общем владении. А когда уже делили основное имущество, пригласили односельчан. Они собрали весь скот по видам поголовья. Потом за каждого брата (начиная со старшего) по очереди каждый аульчанин (у каждого было свое доверенное лицо) брал по голове скота и пускал в отдельные загоны. У нас было около 50 овец, поэтому каждое доверенное лицо подходило к отаре по очереди 10 раз и брало по овце десять раз. По тому же принципу делили табун. Но здесь старший предварительно называл лучших лошадей (лошади группировались по производителям). Старший брат выражал желание при этом иметь такого-то жеребца с кобылицей и жеребенком. Затем желание высказывал следующий брат и т. д. Крупный рогатый скот делили по тому же принципу. Таким образом, старшему нашему дяде и отцу выделили с избытком, остальные братья получили после них. После раздела каждый брат ставил свою метку на мелком скоте; тамга же оставалась общей. Но и после этой процедуры братья пасли скот вместе, но каждый вел строгий учет своего скота по меткам, цвету и т. д.»³⁷

После разделов члены бывшей большой семьи долго еще оставались связанными между собой не только родственными, социально-психологическими узами, но и продолжали владеть совместно некоторыми видами имущества. Таковыми, как мы уже отмечали, могли быть постройки на кочевках, хуторах, сад, плуг, мельница, лодки и т. д. В пользовании этим имуществом устанавливалась определенная очередность или ежегодно делился полученный доход. Разные хозяйственные работы (постройка скотопомещений, стрижка овец, заготовка шерсти и валяние войлока, а также пахота, жатва, молотьба и др.) нередко также осуществлялись с помощью межсемейной трудовой кооперации.

Члены родственных семей оказывали друг другу и материальную помощь во время женитьбы, в создании материальной базы хозяйства новой брачной пары, в уплате «калыма», денежной компенсации «за кровь» (при убийстве их сородичем члена другого тухума), первыми выражали соболезнование в случае горестных событий (смерть, болезнь, какая-нибудь другая беда). Семья часто и по многим поводам прибегала к совету родственников (при выдаче дочери, женитьбе сына и т. д.). Бывали слу-

³⁷ Записано 23 июля 1967 г. в сел. Кунбатар Ногайского района.

чаи, когда неодобрение родственников служило причиной отказа родителей в намечаемом брачном союзе сына или дочери и др.

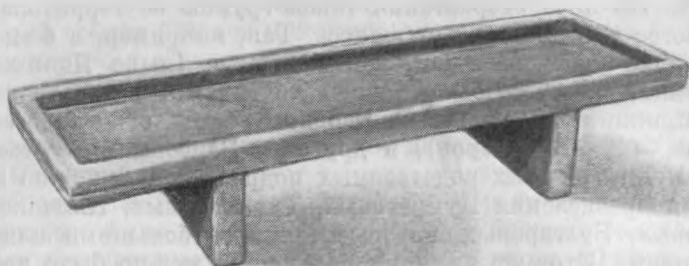
По возможности члены бывшей большой семьи поселялись компактно, вокруг отцовского дома, как в оседлых, так и в кочевых аулах, и только если условия этого не позволяли, строили дома на свободных участках, или (реже) уходили в другой кочевой аул. По мере разрастания такой группы ее территориальное единство постепенно нарушалось. Так, например, в большом оседлом ауле кубанских ногайцев Тохтамыс (ныне Икон-халк) в конце XIX в. можно было наблюдать тухумный и патронимический принцип расселения³⁸. В одном квартале располагались Кумуковы (10—15 дворов), в другом — Баисовы, в третьем — Карасовы. Внутри этих родственных подразделений можно было выявить подразделения Кумратовых, Туркменовых, Кипчаковых, Наймановых, Булгаровых, которые селились большими или малыми семьями. Этот же принцип расселения можно было наблюдать и в других населенных пунктах. Члены большой семьи долго еще сохраняли память об общем очаге, общем котле, называя себя «казан уylesкен кардашлар» («разделившие котел братья»), «ага-ини» («старший-младший братья»), «бир казаннан айрылганлар», «карындалар» («единоутробные братья»). Эти мелкие подразделения, близко связанные между собой общим происхождением, долго еще не растворялись в общем тухуме, сохраняя свое название по имени более близкого живого или покойного предка в третьем—пятом поколении. Каждый ногаец должен был знать своих предков от первого до пятого-седьмого колена, когда-то составлявших одну семейную общину (Исамет увылы, Иса увылы, Муса увылы и т. д.), объединяя в рамках каждого подразделения определенное число семейств. Такая патронимия, т. е. круг близких родственников, составлявших когда-то одну семейную общину, была известна у ногайцев и под названием «обрим» («Аьжияв обрим», «Нурмаммет обрим» и т. д.).

Малая семья обычно состояла из родителей и их неженатых и незамужних детей. Ее численность, согласно данным камеральной описи, достигала в среднем 4,8 человек. Структура внутренних отношений в малой семье также сохраняла характерные для семейной общины патриархальные нормы и отличалась чертами авторитарности и неравенства. Адат и нормы мусульманского права — шариата требовали полного повиновения женщины мужчинам, младших — старшим. Непререкаемым авторитетом и нераздельной властью был по-прежнему наделен отец — глава семьи, которому никто не имел права возражать, противоречить, высказывать самостоятельное мнение. В ряде случаев в такой

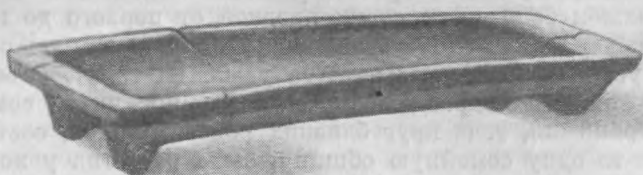
³⁸ О патронимии см.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия; Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации народов горного Кавказа. (В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи). — СЭ, 1968, № 5.

Домашняя утварь

а) чайный столик; б) корыто для теста;

а

б

семье вместе с сыном проживали старики-родители, мать или кто-нибудь из родственников одного из супругов, а также неженатый брат, разведенная или вдовствующая сестра, нередко с детьми, бездетный дядя или какой-нибудь родственник жепы. К этим разновидностям малой семьи Я. С. Смирнова удачно применила термины — «несложная» семья (семья, состоящая из родителей и неженатых детей) и «сложная» семья (семья, включающая в свой состав еще кого-нибудь из родственников мужа)³⁹.

³⁹ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт. — В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, с. 185.

Как показали данные посемейных списков караногайцев 1897 г., из 1375 семей 1115 (81,1%) были малыми. Из них 581 (42,2%) можно назвать несложными, а 534 (38,9%) — сложными. По мере женитьбы сыновей родители обычно выделяли их в самостоятельные хозяйственные единицы. При этом отделение новой супружеской пары происходило не сразу, а, как правило, через год—два, иногда и больше, что определялось необходимостью подготовить все нужное для существования малой семьи (скот, арба, жилье, утварь, запасы продовольствия, сельскохозяйственные орудия и т. д.). Нередко выделение происходило после женитьбы следующего сына. Глава малой семьи являлся

Домашняя утварь

а) кружки-ковши для калмыцкого чая; б) миска

единовластным хозяином всего семейного имущества. Он по своему усмотрению женил сыновей, выдавал замуж дочерей. «Отец, — писал Г. Малявкин в конце XIX в. о караногайцах, — имеет неограниченную власть над детьми, может распоряжаться ими по своему усмотрению и широко пользуется своим правом; только жизнь детей не принадлежит ему. Лишь между матерью и дочерью отношения несколько мягче и теплее»⁴⁰.

Малейшее проявление своеволия со стороны детей, жены, шедшее вразрез с патриархальными порядками и традициями, немедленно пресекалось. Семейную жизнь сковывали, кроме того, догмы ислама и многочисленные пережитки древних доисламских верований, представлений и предрассудков. В то же время патриархальный уклад жизни в малой семье предопределял и устойчивое сохранение половозрастного разделения труда. Ведущие отрасли хозяйства: пастбищное скотоводство (у большинства погайцев) и земледелие (у оседлой части) по-прежнему находились в основном в руках у мужчин. Женщины же занимались работами по дому, а также переработкой животноводческих продуктов, домашними промыслами (обработкой шерсти, овчины, шитьем одежды и т. д.). От полевых работ у оседлых погайцев женщины, как правило, были отстранены. Исключение составляли уборка хлеба и сбор сена. Положение женщины в малой семье оставалось тяжелым. Правда, в ее экономическом и правовом положении происходят значительные изменения. Женщина в малой семье освобождалась от многих обязанностей, которые она должна была безропотно выполнять в большой семье под началом старшей — «уьйбике» и ее помощницы — старшей снохи. Теперь она подчинялась только мужу. В то же время в малой семье женщине приходилось справляться со всеми делами одной, что значительно увеличивало объем ее труда; зато она становилась самостоятельной и единственной хозяйкой в доме, ее действия в пределах дома никем теперь не контролировались (кроме, может быть, свекрови); ключи от всех кладовых с запасами продуктов, разливательная ложка — символы главенства теперь безраздельно также находились в ее ведении. Только большие покупки делались с разрешения мужа. С возрастом женщина становилась еще более самостоятельной. Росло ее влияние не только в семье, но и среди родственников мужа, посторонних мужчин, с которыми она в малой семье общалась намного чаще, чем в большой. Возрастала и ответственность женщины, поскольку многими видами работ она должна была заниматься непосредственно, единолично. Уборка в доме, очистка проса в ступах, выпечка хлеба, приготовление пищи, снабжение водой (одна из трудных работ в условиях кочевого хозяйства), уход за молочным скотом (частично), доение коров, переработка

⁴⁰ Малявкин Г. Караногайцы, с. 168.

молочных продуктов, изготовление сукна, кошм и овчинных шуб, войлочной обуви, шитье, починка и стирка одежды — все это требовало ее усилий. Кроме того, она помогала мужу в некоторых видах работ (в уборке урожая, сена и т. д.). На женщине лежали все заботы и по уходу и воспитанию детей, особенно в ранние годы их жизни. Веками выработанный этикет не позволял ногайцу при старших или посторонних проявлять свои чувства к родному ребенку, ласкать его, брать на руки, даже если он плакал, качать люльку, если даже жена выполняла срочную работу по дому или отсутствовала. Лишь с подростками отношения отца становились более теплыми, хотя и сдержанными. Отец в отличие от матери обычно (особенно при посторонних) не называл своих детей по именам, а обращался к ним при помощи слов «а яш» («эй, мальчик», «эй, дитя») ⁴¹.

Характеризуя положение женщины в малой семье, М. О. Косвен справедливо отмечал, что «хозяйственное значение труда мужчины, занятого в основных отраслях производительной деятельности, все растет. Наряду с тем, вместе с развитием и дифференциацией домашнего хозяйства, труд женщины все более поглощается лишь работой по дому. Все это определяет общественную судьбу женщины. Довершает эту судьбу возникновение брака-покупки» ⁴². Находясь под единоличной властью мужа, женщина в малой семье всецело зависит от его произвола. Развод считался привилегией мужа, который мог в любой момент без всякого повода и причины оставить жену, привести вторую, третью, иметь одновременно несколько жен. Жена же, как правило, не имела права на развод, исключения составляли такие обстоятельства, как измена мужа, неумение обеспечить материально семью, неспособность к половой жизни или чрезмерно жестокое обращение с женой. Унизительные порядки закреплялись в наследственном праве. Наследование регулировалось и адатом, и шариатом, которые не предоставляли женщине равных с мужчиной имущественных прав. При разделе имущества родителей дочь, по шариату, получала наполовину меньше, чем сын, по адату же она фактически отстранялась от наследования недвижимостью (дом, сад, надел). Вдове умершего выделялась лишь восьмая часть всего семейного имущества, остальное в этом случае переходило к «асабалар» — самым ближайшим родственникам умершего по отцовской линии. После смерти отца, при отсутствии братьев и других наследников, дочь должна была также уступить половину имущества ближайшим родственникам отца, в то время как сын при тех же условиях наследовал все имущество.

⁴¹ Такое обращение более характерно для ногайцев Терско-Сулакского междуречья.

⁴² Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. Изд. 2-е. М., 1957, с. 213.

Унизительными для женщины были установки шариата по части развода: муж, если даже он сгоряча произнес трижды слово «талак» (развод), мог вернуть жену только после того, как она вступит во временный брак с каким-нибудь другим мужчиной. Бесправное положение ногайской женщины в доме мужа усугублялось еще и характером купного брака, уплатой за жену калыма — выкупа (его значение и в малой семье было велико). Муж считал себя полным владельцем купленной жены, рассматривая ее как собственность. Последнее обстоятельство заставляло женщину терпеливо переносить все несправедливости, произвол мужа. Даже если жена убегала в отцовский дом, муж мог прийти за ней и забрать обратно — родители не могли ему противоречить.

Стойко сохранялся в малой семье и обычай избегания. Жена не могла называть мужа и его родственников по имени. В частности, вместо имени употреблялись выражения «байым», «бийим» («мой богач», «мой князь»), «уйй иеси», «кожайыным» («хозяин дома»), а при посторонних — «ишуув» (в значении «слушай»); он же обращался к ней по жестче, со словами «эй» («слушай»), «э яс» (букв. «слушай, мальчик»), «кыска аяк» («коротконогая»), «куртка» («старуха», если она пожилая), «эй, пише» («эй, жена») и т. д. «Всякий мужчина в доме ногайца, — писал Г. Малявкин о тех же караногайцах, — считает себя выше женщины и всегда понукает ею... за стол женщина никогда не садится вместе с мужчиной... Во всех работах она только и должна надеяться на свои силы. Какова бы не была тяжесть работы, она не имеет права позвать мужа на помощь, он же всегда вправе свалить даже свое дело на плечи женщины. Отыскивать дрова, готовить кизяк, шить одежду, варить пищу — все это лежит на ее обязанности; работа по хозяйству, уход за скотом — тоже ее дело; всюду должна она успеть да еще и быть готовой к приему гостя. Масса работ быстро ослабляет женщину»⁴³. Он же подчеркивал, что у женщины «права ограничены насколько возможно, а обязанностей огромное количество»⁴⁴.

У ногайцев, как и у других в прошлом кочевых и полукочевых народов, в частности казахов, каракалпаков, затворничества женщин в полном смысле этого понятия не существовало. Ногайская женщина не закрывала лица при посторонних мужчинах, не носила паранжи, не накидывала халат на голову при выходе на улицу. Не было и прямого деления жилища на две половины — мужскую и женскую. Большинство ногайского населения имело на семью по одной кибитке, где жили мужчины и женщины вместе. Тем не менее ногайская женщина, как и женщины других стран и народов мусульманского Востока, была

⁴³ Малявкин Г. Караногайцы, с. 162.

⁴⁴ Малявкин Г. Караногайцы, с. 161.

очень стеснена и неравноправна по сравнению с мужчиной. На улице она прикрывала платком рот, не показывалась без головного покрывала, при встрече с мужчиной из родственной группы мужа она должна была отвернуться и быстро уйти с дороги. Если семья имела несколько кибиток, то при приходе мужчин-гостей женщины немедленно переходили в другое помещение. Обслуживала женщина стол мужчин молча, молча подавала кушанье, молча убирала. Приветствовать гостей, сидеть с ними за одним столом, участвовать в их разговорах, даже в том случае, когда речь шла о ее семье, о муже, считалось недопустимым. Если приходилось участвовать в трапезе, женщина садилась спиной к гостям. Ее жизнь в семье сковывали как догмы ислама, так и многочисленные пережитки древних доисламских верований, представлений и предрассудков, стойко удерживающихся в традиционном быту ногайцев. Если в семье проживал свекор или другой мужчина старшего возраста, молодая женщина должна была обращаться к нему только через третье лицо, обычно через своих детей, или младших братьев и сестер мужа. Она могла лишь отвечать на вопросы старшего, и то шепотом или кивком головы.

Подобные обычаи были характерны и для других тюркоязычных народов, в частности народов Средней Азии и Казахстана⁴⁵.

У ногайцев расторжение брака было явлением редким, что определялось самим характером покупного брака и строгими нормами обычного права. Расторжение брака носило, как правило, односторонний характер. Инициатором по большей части выступал муж. Разводы оформлялись по шариату кадием, который, если не признавал особой вины за мужем, отказывал жене в иске. Если все же жена уходила от мужа по своей воле в первые три года после свадьбы, то ее родня должна была вернуть мужу определенную часть свадебных платежей. Если она отказывалась выполнить эти условия, семья мужа была вправе оставить у себя приданое и вещи домашнего обихода. Отец терял власть над замужней дочерью и поэтому в процедуре развода не мог играть активной роли. При разводе он обычно говорил дочери: «Я сейчас ничего не могу сделать, твои кости мне принадлежат только посмертно, живая ты принадлежишь только мужу. Я получил калым, его воля делать или не делать даже какие-либо расходы на поминки, если ты при нем умрешь. Не возвращайся, пусть он научит тебя, как жить»⁴⁶. При расторжении брака дети чаще всего оставались у отца. Были и такие случаи, когда мать забирала детей с собой к отцу или брату, который воспитывал их, приобщал к труду, женил или выдавал замуж.

instituteofhistory.ru

⁴⁵ Васильева Г. П. Туркмены-нохурли; Толстова Л. С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX—начале XX века. Нукус—Ташкент, 1963; Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков; *Он же*. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана.

⁴⁶ Записано от Динмухаммеда Абдулгазиева (1884 г. рожд.) в сел. Бийсейаул Нефтекумского района Ставропольского края. — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА

У ногайцев в исследуемое время брачный возраст колебался в пределах: для девушек — от 13 до 15, для юношей — от 15 до 25 лет. Брачный возраст зависел прежде всего от имущественного положения семьи. Из-за недостатка средств для уплаты выкупа за жену многие ногайцы женились в возрасте 30—40 лет.

И. Бентковский, ссылаясь на поголовную перепись, проведенную у ногайцев Ставрополя в 60-х годах XIX в., пишет: «Поражает чрезвычайная непропорциональность обоих полов — на 100 мужчин у ногайцев было 50 женщин... При таком несоизмерном отношении полов, неудивительно, если по спискам мы встречали 13-летних замужних женщин, нередко имеющих детей, и 25-летних мужчин холостых. Были и главы семейств в 60 лет, имеющие 16-летних жен. Были, наконец, ногайцы, имеющие по 2 и по 3 жены. Таких, впрочем, было весьма немного — менее полупроцента. Отсюда понятно, что женщина у ногайцев... ценится весьма высоко и что многоженство, доступное только для богатых людей, еще выше поднимает ее цену... Вот почему многие из них женятся нередко под старость, а в худшем случае век остаются неженатыми»¹.

Для ногайцев сватовство малолетних в XIX в. все еще оставалось характерным, сватовство в колыбели («кудалык») и даже в утробе. Последняя форма практиковалась главным образом в тех случаях, когда стороны желали завязать между собой тесные родственные отношения, а также в том случае, когда дети подряд умирали.

О распространении у ногайцев обряда сватовства малолетних сообщил еще С. Г. Гмелин (1770 г.). «Случается также и то, —

¹ *Бентковский И.* Историко-статистическое обозрение инородцев-мусульман, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы, ч. I. Ставрополь, 1883, с. 110—111.

писал он о ногайцах Астраханской степи, — что жених и невеста находятся еще в отроческих летах, а их уже сговаривают, и я сам при совершении с великим празднеством... обручения был, при котором жениху не более осьми и невесте только четыре года от роду было, и в то время когда ее продавали, играла как ребенок, а взрослые девки, на сговоре бывшие, ее на руках носили»². То же отмечал и И. Г. Георги: «В обычае у них есть также и то, что зажиточные люди покупают своим четырехлетним сыновьям невест, на которых их через несколько лет и женят»³.

Когда девушка достигала брачного возраста, ее обычно изолировали от других членов семьи и вообще от окружающих. Об этом древнем обычае сообщал в середине XVII в. Жан Батист Тавернье: «Как только девушки достигают одиннадцати—двенадцатилетнего возраста, они более не выходят из своих повозок, даже для справления своих естественных нужд. Это продолжается до тех пор, пока они не выходят замуж. Повозку девушки узнают по цветам, в которые она выкрашена»⁴.

Брак у ногайцев был строго экзогамным. Экзогамия, как правило, не ограничивалась определенным числом поколений «арка» — родственников по отцу, а была общеродовой. Ногайцы в прошлом имели сложную родо-племенную структуру, которая, к сожалению, в настоящее время трудно поддается восстановлению. Бесконечные перемещения и чересполосица поселения отдельных групп осложняет задачу исследования этой проблемы. Однако устойчивое сохранение в ногайских этногенетических преданиях, эпических сказаниях и других фольклорных произведениях воспоминаний о былой структуре племен и родов, а также наличие такого важного для изучения родо-племенной структуры источника, каким являются родовые тамги, позволяет в определенной мере восстановить генеалогию и взаимоотношения ногайских родов и племен.

Большинство ногайцев в прошлом имели четкое представление о происхождении своих родов и племен. Это свидетельствует о значительной архаизации их общественного строя, в котором родо-племенные отношения продолжали играть существенную роль. Как писал К. Маркс, «система родства, соответствующая роду в его архаической форме... обеспечивала знание родственных отношений всех членов родов друг к другу. [Они с детских лет на практике усваивали эти чрезвычайно важные для них сведения]»⁵.

² Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777, с. 168—169.

³ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, т. II. СПб., 1799, с. 32.

⁴ Tavernier J.-B. Voyages de Tavernier en Turquie, en Perse et aux Indes, vol. 2. Paris, 1810, p. 69.

⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX. М., 1941, с. 138.

В памяти старшего поколения ногайцев до сих пор сохраняются такие названия родо-племенных групп, как «кыпшак», «мынъ», «конърат», «мангыт», «кенегес», «канълы», «найман», «уйгыр», «ыргаклы», «ас», «уьйсин» и др.⁶ Эти группы сохранили некоторые архаические черты, в том числе в значительной степени и экзогамию. Каждая из родо-племенных групп сберегла и свою тамгу. В частности, караногайцы еще в конце XIX в. сохраняли, хотя и формально, свои бывшие родо-племенные подразделения — кубы — «куьп», которых насчитывалось четыре: «кыпшак», «найман», «терик», «мынъ».

Ногайцы, как правило, кочевали смешанно. Такой характер кочевания не привел, однако, к полной потере социальной значимости кубов. Во второй половине XIX—начале XX в. ногайские кубы приобрели характер административных единиц, продолжая в то же время сохранять свое прежнее родоплеменное значение. Недаром караногайцы раньше утверждали: «Куьби бирдинъ туьби бир» — «Все, кто входит в один куб, это — люди одного корпя».

В ногайские кубы, которые были известны под названиями своих основных родо-племенных групп (кыпшак, найман, мынъ, терик), входили также и другие родо-племенные группы — «канълы», «мангыт», «кос-тамгалы», «казан-кулак», «ашамайлы», «кенегес», «уьйсин» и т. д. Некоторые из этих родо-племенных групп в свою очередь, делились на более мелкие подразделения — роды или патронимии, известные под названиями «тайца», «кавым», «тукым», «оьрим», «урув». Так, найман подразделялся на ряд «урув»: «мойнапа», «карналык», «казан улы», «шурша», «калимерден», «уьшкуьби», «оькреш», «бакай», «кели авыл» и др. Судя по полевому материалу, ногайцы-кыпчаки состояли из 11 подразделений: «казан кулак» (дужка котла), «шийира кыпшак» (разбросанный кыпчак), «куьдир кыпшак» (горбатый кыпчак), «туьйиншекли кыпшак», (малый кыпчак), «курама кыпшак» (сборный кыпчак), «шекли кыпшак» (сомнительный кыпчак), «тизгин шекли кыпшак» (кыпчак сомнительной уздечки), «аювшы кыпшак» (медведь-кыпчак), «оьтекай улы» (сын Отекая), «шабай улы» (сын Шабая), «картыш улы» (сын Картыша)⁷.

В памяти ногайцев, предки которых принадлежали к родо-племенной группе «ас», сохранились названия таких ее подразделений, как «шоьмишли ас», «дер-гулли ас», «таргу-улли ас»; у канълы: «ыргаклы канълы», «канълы ай» и т. д. По сведениям

⁶ О системе ногайских родов и родовых знаках см.: Баскаков П. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, с. 132—142; *Он же*. Тюркские языки. М., 1960, с. 100—101. О тамгах ногайцев см. также: Семенин Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 398—399.

⁷ Сведения записаны в сел. Кара-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края от М. К. Курманалиева (1894 г. рожд.). — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

Н. Семеева, только у ногайцев, кочевавших на западном берегу Астраханского залива и Терско-Сулакской низменности насчитывалось 40 различных родо-племенных наименований, 25 из которых он приводит с эмблемическими знаками в таблице⁸.

Имея определенное представление о структуре своего бывшего племени или рода, ногаец при встрече с незнакомым ногайцем обычно задавал вопрос: «Кай тамгадансынъ?» (Какая у тебя тамга?), и если тот оказывался из тамги его бывшего рода, принимал его как родственника⁹.

Круг экзогамных запретов у различных родо-племенных групп ногайцев на рубеже XIX—XX вв. был уже не одинаков.

У одних групп ногайцев браки запрещались лишь в пределах мелких родственных подразделений, у других же — внутри всего рода или племенной группы. Так, например, караногайцы, по данным наших информаторов, до недавнего времени строго придерживались экзогамии в пределах всей родо-племенной группы — «найман», «кыпчак» и т. д., а не только внутри каждого ее подразделения.

Члены родо-племенных групп и их подразделений имели свою тамгу (тавру) и называли друг друга «тамга кардаш» («брат по тамге»), «тувганым» («сородич»), хотя они могли совершенно не знать друг друга и жить в разных местах (на Кубани, Тереке и т. д.). Достаточно было двум ногайским семьям установить принадлежность к одной и той же родственной группе или ее подразделению, чтобы брак между их детьми мог не состояться. Если все же брак заключался, то нарушителей называли «тайпа бузган» («разрушившие род») и они во избежание сурового наказания должны были спастись бегством.

Несмотря на это у ногайцев в конце XIX в. можно было все чаще наблюдать отклонения в соблюдении бывшей родовой экзогамии. Степень нарушения экзогамии зависела от различных социально-экономических условий жизни той или другой группы ногайцев, от уровня развития товарно-денежных отношений, степени разложения родовых отношений, влияния соседних оседлых народов и т. д.

Так, у ногайцев Терско-Сулакской низменности в конце XIX—начале XX в. экзогамия строго соблюдалась лишь внутри узкого, близкородственного подразделения — «тукым» или «оьрим», объединявших родственников по отцу до 7—8-го колена — «ети арка» («семь хребтов»), «ети ата» («семь отцов») или просто «арка», «ата» («хребет», «отец»), а не между всеми родственниками по племени или роду — «кыпчак», «терк» и т. д.

⁸ Семеев Н. Туземцы северо-восточного Кавказа, с. 398—399 (и примечание). А. Ш. Джанибекову удалось выявить 51 тамгу (см.: Джанибеков А. Ш. Исторический очерк ногайцев. — Архив ИИЯЛ, ф. 2, оп. 1, д. 121, л. 97).

⁹ Записано в июне 1965 г. в сел. Кунбатар Ногайского района у Кадырбека Мусаева (1885 г. рожд.). — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

Однако, как свидетельствуют старейшие ногайцы, ограничение экзогамии 7—8-м поколением — явление позднее, получившее распространение уже на их памяти. В прошлом же внутри родового подразделения — «казан кулак» брачные запреты определенным числом поколений не ограничивались, а распространялись на весь круг родственников. При этом среди архаических пережитков, сохранившихся у ногайцев еще в конце XIX в., обращает на себя внимание наличие реликтов давно распавшейся здесь дуальной организации, в частности, указывающие на былую двухфратриальную структуру племени. Так, в ауле Геметюбе из четырех родовых подразделений («шекли-шоьмиш», «шаншки», «ыргак», «кайшы») браки по традиции чаще заключались между представителями родов: ыргак и шаншки, или шаншки и шекли-шоьмиш. В большинстве других ногайских аулов каких-либо пережитков дуальной экзогамии нам проследить не удалось.

У кубанских ногайцев со второй половины XIX в. известны фамилии, внутри которых сохранились строгие брачные запреты независимо от степени родства. Так, в ауле Верхний Мансуровский, он же Шабазаул (совр. Адил-халк Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области), брачные запреты распространялись на членов таких фамилий, как Казановы, Джазовы, Керейтовы, Канглыевы, Дюрменовы, Кудейнетовы, Келендиковы, Бирабасовы, Наймановы, Ураковы, Уракчиевы, Джелябиевы, Абубекижевы, Кубановы, Кумыковы.

Как видно из приведенного перечня, одни фамилии сохраняли наименования древних родо-племенных групп ногайцев (Наймановы, Канглыевы, Бирбасовы и др.), другие, по-видимому, образовались позднее и были связаны с именем общих предков, вышедших из адыгской среды (Ураковы, Кудейнетовы) или вышедших из Кумыкии или Лакии Дагестана (Кумыковы). Пережитки фамильной экзогамии сохраняются у этой группы ногайцев и в настоящее время.

Совершенно другое отношение мы наблюдаем у ногайцев к бракам среди родственников по материнской линии. Ногаец свободно (даже предпочтительно) мог жениться на дочери своего материнского дяди (кросскузенные браки) на том основании, что вступающие в брак принадлежат к разным патриархальным родам (тамги разные). Надо полагать, что здесь мы имеем дело с пережитками дуально-экзогамного брака, «когда брак заключался предпочтительно между двумя определенными семьями, принадлежащими к различным материнским родам»¹⁰. Это явление было характерно и для других тюрко-монгольских народов¹¹.

¹⁰ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 67.

¹¹ См.: Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 48; Дыренкова И. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков. — СЭ, 1937, № 4, с. 20—22; Косвен М. О. Авункулат. — СЭ, 1948, № 1, с. 32; Он же. Этнография и история Кавказа, с. 52—70; Потанов Л. П. Из исто-

У ногайцев существовали и брачные ограничения, связанные с искусственным родством, образовавшимся в результате аталычества, усыновления, побратимства, а также родства, установившегося с членами семей, в домах которых на время свадьбы останавливались жених и невеста. Следует при этом отметить, что внутри аула браки заключались редко, ибо ногайские кочевые аулы зачастую состояли из одной родственной группы с общей тамгой.

Калым. Непременным условием заключения брака у ногайцев вплоть до установления Советской власти была уплата калыма — «калым»¹², который рассматривался как компенсация за рабочие руки, потерянные для хозяйства родителями невесты, а в более отдаленном прошлом — для целой родственной группы. Калым выплачивался главным образом крупным рогатым скотом — «калым тувар» («калымный скот»), а с развитием товарно-денежных отношений частично или полностью деньгами.

Согласно литературным источникам XIX в., а также свидетельству наших информаторов, калым составляли 40 голов крупного рогатого скота — «кырк тувар». За разведенную и вдову платили половину этого количества скота. При рождении девочки одноаульцы, поздравляя семью, говорили: «Кыз баасы кырк тана, кырк туварынъ хайырлы болсын» («Цена девушки сорок бычков, да принесут пользу вам 40 голов скота»). Убаюкивая дочь, мать пела: «Кызым, кызым-кырк тана, кызыма келер юз тана, юзеви де ак тана» («Доченька моя, доченька моя — сорок бычков, да за мою доченьку да пригонят сто бычков, и все они будут белыми»). «40 голов» являлись обычным размером калыма, тогда как «сто бычков» были, по-видимому, когда-то высшей ценой.

Анонимный автор начала XIX в. пишет о ногайцах Таврической губернии: «За девку ногайскую, когда она хорошего рода и пригожа, дается от 30 до 40 коров ценою в 20 рублей каждая, с доплатою еще деньгами от 200 до 300 рублей. Редко весьма случается, чтобы невеста отдавалась дешевле 20 коров и 100 рублей деньгами»¹³. И. Бентковский в 80-х годах XIX в. отмечал, что у ногайцев Ставропольской губернии «калым, принятый адатом и маслагатом», состоял из 40 коров¹⁴. Богатые ногайцы платили значительно больший калым, чем это было обычно принято. По сообщению П. Небольсина, зажиточные ногайцы аулов Сеитовка и Хожитаевка Астраханской губернии «гонят в дом не-

---

при ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов). — СЭ, 1959, № 2, с. 26—30.

¹² Калым еще назывался «суыек сатув акша» или просто «суыек сатув» (букв. «деньги за кость», «продажа кости»).

¹³ Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии. — Телескоп, 1836, ч. XXXIII, № 11—12, с. 271.

¹⁴ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение..., с. 82—83.

весты лошадей целыми табунами, а баранов — огромными стадами»¹⁵.

Счет велся на коров, но в калым нередко включали также молодняк лошадей, быков, иногда и овец, при этом придерживались определенного эквивалента. По сведениям И. Бентковского, ногайцы Ставрополя «прежде принимали каждую корову с телком за 2 штуки, а стельную вместе с быком за три»¹⁶. У ногайцев Таврической губернии «яремный вол или конь» в начале XIX в. засчитывался «за двух коров»¹⁷. Вместе с тем И. Бентковский отмечал, что родители иногда «требуют от женихов непременно 40 взрослых коров»¹⁸.

С течением времени размеры калыма несколько сократились, а состав калыма видоизменился (мог исчисляться любым скотом, деньгами, вещами), но основным мерилom долго еще продолжал выступать крупный рогатый скот.

Величина калыма во многом зависела от социального и материального положения стороп, а также от личных качеств невесты и других дополнительных факторов. Вместе с тем размеры калыма и его состав значительно варьировались. По свидетельству стариков, у различных групп ногайцев средний калым за невесту у ачикулакско-джембойлуковских ногайцев составлял 25—30 голов скота, в том числе 5—10 коров с телятами (телята часто в счет не входили), 10 телок, 5—10 быков и 5—10 лошадей. У караногайцев калым был примерно такой же величины и такого же состава. Но число лошадей нередко доходило до 20.

У кубанских ногайцев калым составляли 10—11 стельных коров, 20—25 голов молодняка и лошадь — «бас ат» («главная лошадь») — со сбруей, седлом и другими принадлежностями всадника. Если калым вносился только молодняком (при этом лошадь должна была обязательно входить в состав калыма), то общее число голов несколько превышало 40. Мурза или другие богатые ногайцы вносили калым стоимостью 1000 и более рублей.

В ауле Канглы (совр. Минераловодский район Ставропольского края) жених обычно вносил за невесту 8—10 коров, 2 быка, 3—4 телки и одну лошадь¹⁹.

У ногайцев Терско-Сулакской низменности традиционный калым включал 6—7 коров, 5—6 бычков (двухлетних) и лошадь с богатым седлом и сбруей. Кроме того, в состав калыма здесь включался «куьмис кынжал» — кинжал в серебряной оправе, «куьмис белбав» — кожаный пояс с серебряным набором, два пуда сахара, несколько платков. В конце XIX—начале XX в. количество голов скота сократилось, вместо части скота вносились

¹⁵ Небольсин П. Очерки Волжского пизовья. СПб., 1852, с. 100.

¹⁶ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение... с. 83.

¹⁷ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение... с. 83.

¹⁸ Краткий обзор положения ногайских татар... с. 271.

¹⁹ Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. I, д. 197.

деньги (100—150 руб. и более), но «бас ат» (лошадь) неизменно оставалась в составе калыма²⁰. Наличие термина «бас ат» («главная лошадь»)²¹ дает основание полагать, что в состав калыма и у этих групп ногайцев в прошлом входило несколько лошадей («рядовых» без седла, без бурки, башлыка).

С переходом на оседлость изменялось хозяйственное значение лошадей, и в связи с этим сокращалось их количество в составе калыма. Крупные скотоводы, мурзы и другие знатные ногайцы повсеместно платили калым в размере до 100 и более голов скота, в том числе 10—50 лошадей. Среди бедных слоев населения калым не превышал 12—20 голов скота, причем у кочевых ногайцев в их числе были обязательно 2—3 лошади. Вот что рассказал об уплате калыма один из наших информаторов К. К. Казов — уроженец аула Нижний Мансуровский Баталпашинского отдела Кубанской области (ныне Эркин-халк Адыгехабльского района Карачаево-Черкесской автономной области): «Я слышал, что богатый ногаец вносил в калым 50 голов рогатого скота. Но я помню такой случай. В 1907 г. женился мой дядя (брат отца), и я сам перегнал в дом его невесты 22 головы крупного рогатого скота (коровы, быки, телки и бычки). Наша семья отдала тогда все поголовье, которое было в ее хозяйстве (отец и его два брата жили вместе и имели неразделенное хозяйство). Родители девушки требовали еще. Тогда дядя похитил свою невесту. Только после этого семья девушки ограничилась этим калымом»²².

Другой наш информатор, караногоец из аула Кунбатар Ногайского района Кадир Абшиков (1892 г. рожд.) рассказывал: «Я женился в 1914 году и внес в калым три коровы с телятами, шесть бычков (годовалых), пять лошадей»²³.

В отдельных случаях из-за отсутствия достаточного количества скота или денег семья жениха включала в состав калыма сено, кизяк и т. п. По сведениям некоторых информаторов, бывали случаи, когда брат жениха или уже молодожена отрабаты-

²⁰ Калым в последний период его существования у терско-сулакских ногайцев был по размеру и составу близок карачаевскому. Так, в сел. Уч-Кекен Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской автономной области калым включал в себя двух быков, верховую лошадь с хорошим седлом и сбруей, 200—300 рублей денег, кинжал, пояс, газыри для брата невесты, а также два мешка зерна, 10—15 кг меда или сахара. (Записано в 1956 г. в Уч-Кекен от Узденова Магомедали Гогуевича, 1905 г. рожд. — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197). Впрочем, А. Ш. Джанибеков приводит данные о гораздо большем размере калыма (см.: *Джанибеков А. Ш. Исторический очерк ногайцев.* — Архив ИИЯЛ, ф. 2, оп. 1, д. 121, л. 127).

²¹ «Бас ат» у ногайцев Терско-Сулакской пизменности и «бас етек» — у кубанских ногайцев.

²² Записано в Черкесске от К. Казова (1885 г. рожд.). — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

²³ Записано в сел. Кунбатар от К. Абшикова (1892 г. рожд.). — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

вал часть калыма в доме родителей невестки в течение года или больше²⁴.

Наряду с уплатой калыма жених должен был сделать родственникам невесты и значительные подарки. У караногайцев, кочевавших в Кизлярской степи, дом жениха должен был послать для родственников невесты до 40—50 (а богатые до 100 и более) меховых мужских и женских шуб: «тыйын тон» («беличьи шубы»), «туьлки тон» («лисы шубы»), «элтир тон» («шубы из мерлушек»), «боьри тон» («волчьи шубы»), «тавшан тон» («заячьи шубы»); шапки: «кундыз боьрк» («шапки из выдры»), «туьлки боьрк» («лисы шапки»); бешметы («каптал»), кошмы, ковры и др.

Кроме того, жених должен был сделать ценный подарок (скотом или вещами) матери невесты или ее кормилице — «суьт гьақы» («цена молока») — в качестве вознаграждения за кормление грудью и воспитание. Позднее этот подарок — «буршлык» (букв. «перцовые»)²⁵ вносили деньгами в размере от 3 до 20 руб. В тех случаях, когда невеста воспитывалась в другой семье или имела кормилицу, то вознаграждение «за молоко» получала не родная мать, а кормилица.

Собрать калым для ногайца бедняка было трудной задачей. Недаром в народной песне ногайцев говорится:

*Етеген ерге шаншылмай,
Куьзетши, сага тань кайда?
Етип малынь бергизбей,
Иигитим, сага кыз кайда?*²⁶

*Пока большая медведица не вонзится
в землю,
Где тебе зоря, ночной пастух?
Пока не перегонишь свой скот,
Где тебе невеста, мой джигит?*

Из-за отсутствия скота или других материальных средств многие ногайцы не женились до 35—40 лет. В ряде случаев жених вынужден был похищать невесту с ее согласия. И. Бентковский, как уже говорилось, отмечал, что женщина у ногайцев «ценилась весьма высоко», что многие из ногайцев «женятся нередко под старость, а в худшем случае, век остаются неженатыми»²⁷. Зато баи в качестве второй, третьей или четвертой жены брали часто несовершеннолетних, молоденьких девочек, так как имели возможность уплатить ее семье высокий калым. Судьба молодой девушки, с первых лет своей жизни обреченной на то, чтобы стать женой старика-бая, хорошо отражена в приводимой ниже ногайской песне:

*В год — по кибитке ходить я стала,
В два — говорить я с матерью стала,*

²⁴ Записано в сел. Икон-халк Адыге-Хабльского района от К. Байсовой (1905 г. рожд.). — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

²⁵ У ногайцев любимым напитком является калмыцкий чай, в который они добавляют черный перец — «бурш». Отсюда и его название.

²⁶ Текст песни любезно предоставлен мне А. И. Сикалиевым.

²⁷ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение..., с. 110—111.

В три — с подругами я играла,
 В четыре — играть перестала.
 В пять — меня золотом шить научили,
 В шесть — красоту мою расхвалили.
 В восемь — я наряжаться стала,
 В девять — первое горе узнала.
 В десять — баю сквозь щель показали.
 В одиннадцать — сваты его приезжали.
 В двенадцать — калым за меня прислали,
 В тринадцать — кончилась моя песня²⁸.

Высокий калым, распространенный среди ногайцев, породил переселение и временное проживание на их территории татар и калмыков. Так, авторы первой половины XIX в. отмечают, что татары из Крыма приезжают в ногайские аулы «со всеми семействами и живут там до продажи своих дочерей, что производится через нанятых сводников»²⁹.

Переговоры о калыме роднящихся между собой семей носили характер настоящей торговой сделки. Каждая сторона старалась заключить этот акт с наибольшей выгодой для себя: родственники жениха — добиться более или менее умеренной цены, а невесты — получить как можно больше выкупа. Указывая на этот торг у караногайцев, Г. Малявкин писал: «Высчитывается подробно число мелкого и крупного скота и лошадей в прибавление к определенной обычаем сумме 105 р. деньгами. Переговоры тянутся долго»³⁰.

Калым уплачивался или сразу, или по частям, в два приема (сперва денежная часть, потом — скот); осуществлялось это обычно за 20—25 дней до заключения брака по шариату. «У караногайцев есть обычай, — писал Г. Ананьев, — платить вперед деньги за невесту, а после отдавать скотину и другое добро»³¹. Но бывали случаи, когда жених из-за отсутствия средств получал право жениться и до полной выплаты условленного выкупа, дав отцу невесты письменное долговое обязательство часто на тяжелых, кабальных условиях. По этому поводу И. Бентковский сообщает, что если состояние жениха не позволяет ему внести все 40 голов скота полностью, «то на нем числится долг с соблюдением приращения, а именно: через год каждая корова должна быть уплачена с телком, через два с двумя и т. д., а через 4 года — с пятью, ибо тогда считается уже приплод от первого телка. Поэтому-то люди бедные остаются нередко в долгу за своих жен очень долгое время»³². Другой автор, писавший

²⁸ Песни ногайцев. Ставрополь, 1949, с. 32.

²⁹ Краткий обзор положения ногайских татар..., с. 271.

³⁰ Малявкин Г. Караногайцы. — Терский сборник, вып. 3, кп. II. Владикавказ, 1893, с. 163.

³¹ Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни. — СМОМПК, вып. XX. Тифлис, 1894, с. 52.

³² Бентковский И. Историко-статистическое обозрение..., с. 82—83.

о ногайцах Таврической губернии, также отмечал факты оформления брака между женихом и невестой до полной расплаты за невесту, но с условием, что калым жених «обязывался через муллу письменно уплачивать по определенным срокам, с тем, чтоб до совершенной выплаты, хотя б это простиралось на несколько лет, с невестою не видаться»³³.

Однако более ранние сведения позволяют предположить, что жених, выплатив часть калыма, фактически приобретал супружеские права. «Калым, — писал П. Небольсин о так называемых кундровских ногайцах Астраханской губернии, — вносится не весь разом, а частями; но, говорят, стоит внести первую его часть, чтобы иметь все права на невесту и посещать ее не в уроченное время, хотя посещения эти и прикрываются кажущеюся таинственностью от родных»³⁴. А. П. Архипов, наблюдавший брачные отношения караногайцев в середине XIX в., писал, что если жених и невеста не богаты, то первый «посещает свою невесту в ее собственном доме, до времени полной уплаты калыма, потом уже перевезет ее к себе»³⁵.

В конце XIX в. Г. Ананьев также отмечал: «У некоторых караногайцев принято, что пока жених сполна не уплатит калыма за невесту, венчание не совершается и жених не ездит к невесте; у других же и до выплаты калыма жениху разрешается после совершения обряда венчания ездить к невесте, жить у нее днями и даже неделями. Когда девушка уже обручена, то в кибитке с восточной стороны навешивается пестрая занавеска, за которой сидит и работает невеста во время приезда жениха; она при людях не может показаться жениху и должна быть за занавеской»³⁶.

Такой порядок был распространен у многих народов. «Наряду с покупкой на наличные, — писал М. О. Косвен, — возникает и покупка невесты на выплату, причем в тот или иной момент, обычно по уплате половины калыма, жених получает право на супружеские отношения, но лишь с полной выплатой жепа пересезжает в семью мужа. Другая форма — отработка жены личным трудом жениха. Здесь любрыптым образом сливается и пережиток магрилокального поселения и слагающаяся уже в новых условиях трудность уплаты обычно довольно большой суммы калыма»³⁷.

При колыбельной помолвке детей, что в прошлом также нередко практиковалось, калым также вносился постепенно. «Есть обыкновение у родителей, — писал анонимный автор о ногайцах Мелитопольского уезда Таврической губернии, — обручать детей

³³ Краткий обзор положения погайских татар. . . , с. 271—272.

³⁴ Небольсин П. Очерки Волжского низовья, с. 100.

³⁵ Архипов А. П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. — Кавказский календарь на 1859 год. Тифлис, 1858, с. 348.

³⁶ Ананьев Г. Караногайцы. . . , с. 53—54.

³⁷ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры, с. 214.

своих еще в колыбелях; в таком случае отец жениха подчас начинает вносить деньги по условию, и когда уплатится все положенное, то, по наступлению совершеннолетия невесты, полагаемого от 13 до 15-летнего возраста, брак совершается без всяких со стороны обрученных возражений. Такие торги дочерьми, девушками и вдовами служат часто поводом к бесконечным спорам и тяжбам... Разные несчастные приключения, смерть, увечье, порча здоровья и красоты... нарушают эти преждевременные брачные помолвки и влекут за собой разные иски на счет возвращения производимой предварительно женихом уплаты, которые производятся с таким ожесточением, что нередко обе тяжущиеся стороны доходят до совершенного разорения и потери чести»³⁸.

Следует отметить, что в большинстве случаев, особенно в бедных семьях, выплатить калым помогали родственники как по отцовской, так и по материнской линии. Для этого глава семьи, который женит сына или выдает дочь, обычно собирал на совет всю родню, устраивал ей богатое угощение и обращался с просьбой помочь уплатить калым. Приглашенные объявляли размер своего взноса (корова, телка, лошадь, подарки вещами) в зависимости от степени родства и своего имущественного положения.

Обычаем «взаимопомощи» при уплате калыма часто пользовались мурзы, аулбай, старшины и другие знатные люди, которым во время свадьбы рядовые общинники должны были делать большие преподношения. «Мурзам, — писал тот же анонимный автор о ногайцах Таврической губернии, — расход на покупку жен вознаграждается подарками, которые делает им простой народ на свадьбу, скотиной и разными другими вещами»³⁹.

При обменных браках — «обтелик» стороны калыма не платили, а делали лишь подарки. Если же обменные браки между семьями совершались одновременно, то калым сохранял свою силу. Калым не платили при женитьбе на вдове умершего брата, а также если разведенная выходила замуж за вдовца своей старшей умершей сестры. Если же вдовец женился на сестре своей жены — девушке, то он калым вносил (но такие случаи бывали редко, ибо девушку, как правило, за такого вдовца не выдавали).

Как свидетельствуют старейшие ногайцы, еще во второй половине XIX в. продолжала существовать практика, по которой калымный скот распределялся (полностью или частично) между членами близкородственной группы — «тухум», «тукым». В связи с этим у оседлых ногайцев (кубанские ногайцы) был обычай, согласно которому сторона невесты посылала специальное посольство в дом жениха, чтобы посмотреть калымный скот, и только после этого он перегонялся в дом невесты. При этом по-

³⁸ Краткий обзор положения ногайских татар... , с. 273.

³⁹ Краткий обзор положения ногайских татар... , с. 272.

сланцы дома невесты везли с собой подарки и сладости для укрепления брачной сделки. У других же групп ногайцев предварительного осмотра калымного скота не производилось.

Устанавливался день, когда стороны должны были собрать своих родственников: в доме жениха — для того, чтобы родственные семьи пригнали обещанное поголовье скота и принесли ценные подарки, вносимые в калым, а в доме невесты — для отправки за калымом. Иногда в заранее устроенный загон поступало значительно больше скота, чем требовалось для калыма, но такие случаи были характерны лишь для семей, имевших состоятельных и многочисленных родственников. Отправляя за скотом своих родственников, отец невесты сообщал каждому предполагаемый для него подарок (лошадь, корову, телку), который он мог выбрать в загоне у жениха дочери.

Таким образом, калым в определенной степени принадлежал всей близкородственной группе, в которую входила семья невесты, точно так же как он и складывался с участием близких родственников жениха. При разделе поголовья калымного скота отец учитывал не только степень родства, но и размер подарка, который та или другая семья вносила в состав приданого невесты.

Бывали случаи, когда семья жениха прятала лучшую часть полученного от родственников калымного скота, но посланцы невесты обычно требовали заменить плохой скот лучшим. Ссоры преимущественно касались лошадей. Калымные лошади, особенно бас ат (главная лошадь), обязательно предназначались ближайшим и самым уважаемым родственникам: отцу, дядьям, братьям, иногда и братьям ее спох. Но у ногайцев Терско-Сулакской низменности бас ат — единственная лошадь, входящая в калым, — ни в коем случае не оставлялась в доме отца невесты, а обязательно вручалась ближайшему родственнику (чаще сыну дяди) или же аталыку невесты или аталыку ее братьев. Факт присвоения бас ат, например, родным братом невесты рассматривался как отступление от норм адата. Осуждая такого брата, ногайцы говорили: «Кызкардашын берип ат мипген» (букв. «отдав сестру, сел на коня»). Конечно, это явление объяснялось дальнейшим разложением патриархально-родовых отношений. Попытку сохранения бас ат в семье девушки нельзя рассматривать в отрыве от роста тенденции сохранить большую часть калыма в малой семье, что свидетельствовало об ослаблении кровно-родственных связей и укреплении моногамной семьи.

Надо отметить, что многие ногайцы до Октябрьской революции добивались решения об ограничении размеров калыма. Основываясь на решении сходов ногайских обществ, караногайский пристав Ф. И. Капельгородский издал письменное распоряжение, в котором ограничивались размеры калыма до четырех лошадей, трех коров с телятами, шести бычков, а брачный возраст повышался до 18 лет. Согласно этому распоряжению при оформлении

акта бракосочетания официальное духовное лицо должно было брать клятву на Коране от сторон (два человека со стороны жениха и два — со стороны невесты), что они не превысят установленных размеров калыма и что вступающим в брак исполнилось 18 лет. Но эта процедура часто носила формальный характер. В результате калым и браки несовершеннолетних девушек продолжали существовать вплоть до установления Советской власти.

Следует еще отметить, что в случае измены молодой жены или ее нежелания жить с мужем калым возвращался полностью семье мужа. Обычай возврата калыма назывался «шаш алув» («бритье кос», «бритье волос»). Название «шаш алув», по-видимому, указывает на существовавший некогда обычай отрезания волос у отважившейся на развод женщины. Аналогичный обычай имел место и у народов Дагестана⁴⁰.

Махар. Согласно шариатским установлениям, жених должен был, кроме уплаты калыма, выделить в пользу будущей жены определенную сумму денег или имущество — «махар», «мегер» или «кебиц акы» в качестве обеспечения ее на случай вдовства или развода по инициативе мужа. В денежном выражении махар составлял 50—300 и более рублей. Выплачивался он перед бракосочетанием далеко не всегда. Нередко махар (частично или полностью) оставался в качестве зафиксированного в брачном договоре долга за мужем, который выплачивался жене лишь в указанном выше случае. Выданный же частично или полностью наличными махар невеста тратила обычно на приданое и домашнее обзаведение.

Можно предполагать, что у ногайцев, так же как и у народов Средней Азии и Казахстана⁴¹, махар в прошлом играл не столь важную роль, как калым, хотя и имел тенденцию к увеличению в размерах. Неслучайно, что на вопрос, платили ли они в прошлом махар, многие ногайцы отвечали: «У нас был только калым», «У нас был калым и небольшой махар деньгами», «Махар то же самое, что и калым». По нашим наблюдениям, махар больше знали ногайцы, проживающие на Кумыкской плоскости. Очевидно, это объяснялось влиянием соседей-кумыков. Судя по всему, махар (там, где он существовал) чаще всего выделялся за счет некоторого сокращения калыма, шедшего в пользу родственной группы или семьи невесты. Таким образом, он составлял как бы часть калыма, но уже выделяемого в пользу жены, в ее полную собственность.

Приданое. Родители при выходе дочери замуж давали ей приданое — «сеп», «муьлк», исходя из своего имущественного состояния. Многие предметы, входящие в приданое, мать начинала собирать еще задолго до совершеннолетия дочери. Однако основная

⁴⁰ См.: Гаджиева С. Кумыки. М., 1961, с. 261.

⁴¹ Кисляков И. А. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, с. 154, 164; *Она же.* Очерки по истории семьи и брака..., с. 81—82.

часть приданого приобреталась во время сватовства и особенно в период подготовки к свадьбе.

Приданое невесты составляли постельные принадлежности, мебель, кошмы, ковры (у богатых), посуда, утварь, сундуки (большой и малый), зеркала, а также особая свадебная арба — «куйме» с двумя волами или лошадьми. У ногайцев-кочевников семья готовила дочери еще и новую кибитку — «отав» или «терме» (у богатых), покрытую белыми кошмами.

Состоятельные родители, кроме двух волов, давали дочери верблюда, корову, буйволицу, лошадь, привязав последнюю к свадебной арбе. Богатые родители давали иногда дочери в приданое много ценного скота. Так, например, в предреволюционные годы ачикулакский богач Еселей, по словам наших информаторов, послал с дочерью вслед за свадебной арбой 40 белых верблюдов⁴².

Выделение скота в качестве приданого для дочери не везде было обязательным. Поэтому иногда даже волы, которые впрягались в свадебную арбу, по завершении свадебной процессии перегонялись обратно в дом родителей невесты.

В приданое входила также и личная одежда невесты⁴³, различные вещи, предназначенные для внутреннего убранства жилища новобрачных (семья жениха у караногайцев могла выделить для новобрачных лишь пустую кибитку, по покрытую кошмой, а все вещи, составляющие внутреннюю домашнюю обстановку, должна была доставлять семья невесты). Невеста везла с собой подарки родне жениха, преподносимые ею на разных этапах свадебного церемониала, приобщения к дому и семейному хозяйству мужа, а также после рождения первенца. В подарки входили головные платки, меховые шубы, шапки (мужские и женские), тибетейки, бешметы, вышитая обувь, пояса, предметы женского рукоделия, кисеты, «бохша» (матерчатая вышитая сумочка), всевозможные женские серебряные украшения — браслеты, пояса, нагрудные застёжки и т. д.

Размеры приданого отец девушки определял, исходя из своего имущественного положения и по своему усмотрению. Хотя обычно устанавливался целый перечень входящих в приданое предметов обстановки для жилища новобрачных, подарков для родни жениха, одежды для самой невесты, тем не менее о размерах приданого стороны, как правило, заранее не договаривались. Отец девушки был волен поступить, как ему заблагорассудится. Размеры приданого могли быть равнозначны, меньше или больше размеров уплаченного калыма. Только очень богатые люди давали своим дочерям приданое размером намного превышавшим

⁴² Записано от Койлубаева Рамазана из сел. Ново-Дмитровка Тарумовского района ДАССР.

⁴³ От трех до десяти рубах, две-три пары штанов, от двух до пяти бешметов, меховая шапка, от двух до пяти платков, две-три пары кожаной обуви, множество серебряных украшений.

калым. Этикет не позволял семье жениха выразить открыто свое недовольство малым размером приданого, его составом и качеством входящих в него вещей.

Как же складывалось приданое и имело ли оно отношение к калыму? Как свидетельствуют полевой этнографический материал и данные письменных источников, приданое или его определенную часть семья невесты нередко приобретала за счет полученного калыма. «Внесенный женихом калым, — писал П. Небольсин в середине XIX в. о кундровских ногайцах Астраханской губернии, — невеста приносит с собою в дом молодого мужа в качестве приданого; на эти именно деньги для будущего хозяйства приобретаются покупкою новая кибитка из белых кошем, пара или штуки три волов, из которых каждый впрягается в особую арбу с приданным скарбом, платьем, посудой и всеми принадлежностями хозяйства»⁴⁴. По сообщению наших информаторов, приданое обычно состояло из имущества, купленного на калымные средства (частично или полностью), а также на средства отца (если не хватало калымных денег). Для приобретения приданого дочери отец мог продать целиком или частично полученный за дочь калымный скот, если же отец был состоятельный, то он мог готовить приданое на свои средства и калымный скот оставить у себя дома⁴⁵.

Была и другая форма создания приданого, также связанная с калымом. Как уже говорилось, калымный скот в прошлом нередко распределялся между близкими родственниками невесты (они даже ездили за ним в дом жениха и пригоняли его), которые в свою очередь должны были дарить невесте предметы домашней обстановки, одежду, украшения и т. д. Все эти подарки включались в состав приданого.

Особенно многочисленными были свадебные подарки — «кийитлер», предназначенные для родственников жениха. Сторона невесты должна была дарить им по 10 штук шуб из каждого вида меха (мерлушек, волка, лисы), халаты, «астраханские» меховые шапки, вышитые золотой или серебряной канителью тюбетейки, бешметы, широкие пояса, молитвенные коврики⁴⁶. Женщинам дарились бешметы, беличьи шубы («тыйын тон»), шубы из мерлушек («элтир тон»), шелковые рубахи, платки, шапки из выдры («кундыз боьрк») или из лисы («туьлки боьрк»), серьги, колечки, нагрудные серебряные украшения и пояса. Разумеется, рядовому ногайцу справиться все это силами одной своей семьи было невозможно. Поэтому на помощь приходили все сородичи. Такой обычай составления приданого ярко отражал живучесть

⁴⁴ Небольсин П. Очерк Волжского низовья, с. 100.

⁴⁵ Записано в сел. Нариман-аул Ногайского района (личный архив автора).

⁴⁶ Дорогие меха богатые ногайцы приобретали у торговцев, которые скупили у них скот, шерсть, шкуры.

пережитков патриархально-родовых отношений в ногайском обществе еще в конце XIX и начале XX в.

При заключении брака каждая родственная семья вносила в приданое определенную долю, о чем она заранее ставила в известность семью невесты. Арба с приданым — «юк арба» — отправлялась в дом жениха вместе с невестой или (у караногайцев) на два-три часа раньше ее приезда.

Приданое, за исключением подарков, предназначенных для родственников будущего мужа, считалось (по крайней мере юридически) собственностью жены, и муж предъявлять на него свои права не мог. Однако с согласия жепы нередко продавались лично ей принадлежавшие скот, ковры и т. д., особенно, если семья попадала в затруднительное положение. В случае смерти жепы, приданое переходило к ее детям. Нередки бывали случаи, когда мать свое приданое делила между детьми сама еще при жизни.

Как мы уже отмечали, феодально-патриархальные порядки не допускали при вступлении в брак возможности свободного выбора невесты или жениха. Он полностью зависел от воли родителей. Упомянутый анонимный автор отмечал, например, что браки у мелитопольских ногайцев «обыкновенно заключаются с девицами отдаленных селений, потому что жениху вменяется в большую честь не знать и не видать невесты до самого дня свадьбы»⁴⁷. Тот же автор писал: «Желание девицы при выдаче замуж вообще не спрашивается... Редко бывает, чтобы дочери делали возражения. С равнодушием, по старинному обычаю, повинуются оне судьбе своей»⁴⁸.

Нельзя, однако, согласиться с тем, что ногайские юноши и девушки при вступлении в брак всегда безропотно подчинялись воле родителей. Данные фольклора и многочисленные рассказы представителей старшего поколения ногайцев свидетельствуют о разных формах протеста молодых людей против брака поневоле, особенно со стороны девушек.

Вот песня молодой женщины, второй жены старого бая, в записях А. и М. Джанибековых и в переводе Н. Капиевой:

*Влез ты в шубу меховую.
Знать, боишься холодов?
Взял к жене жену вторую
Значит, будь к беде готов!..
Я ведь в девушках твердила,
Что порог⁴⁹ высок у вас,
Что входить в твой дом постылый
Буду с гневом всякий раз...
Псы залают — я уж знаю:*

⁴⁷ Краткий обзор положения ногайских татар..., с. 271.

⁴⁸ Краткий обзор положения ногайских татар..., с. 272.

⁴⁹ Высокий порог — символ богатства дома (прим. Н. Капиевой).

*Друг — за мной издалека,
Я гвоздикой натираю
Красный краешек платка.
Может, в красном непригожа?
Лучше белый повяжу!
Друг мой молод, я моложе
Все исполнит, что скажу!
Очи — терн, дождем омытый,
Лоб мой — полная луна.
Эй, старик! Я для джигита
Быть подругой рождена!*⁵⁰

Часто бывало так, что девочка-подросток становилась одной из жен 60—70-летнего бая и попадала под власть его первой жены.

Ногайцы заключали браки, как правило, внутри своей народности, хотя нередко невесту выбирали в далеких аулах и даже областях (кизлярские ногайцы — у кубанских или астраханских, и наоборот). Известны были и браки ногайцев с карачаевцами, черкесами, абазипами, кабардинцами, кумыками и с представителями других соседних с ними народов, но обязательно мусульманского вероисповедания. Подавляющее большинство смешанных браков при этом составляли браки ногайцев-мужчин. Это, вероятно, прежде всего объяснялось тем, что ногайцы платили сравнительно большой калым за невесту.

Самым распространенным был брак по сговору родителей, желавших породниться между собой. Браки посредством насильственного умыкания или тайного увода были довольно редким явлением.

2.

СВАДЕБНЫЙ ЦИКЛ

Прежде всего отметим, что цикл свадебных обрядов представляет сложное переплетение пережитков древних дислокальных и матрилокальных форм брачного поселения с поздними уже почти безраздельно господствовавшими патрилокальными формами. Все эти пережиточные формы сохранялись и проявлялись в свадебных обрядах у разных этнографических групп ногайцев. Сравнительно более стойкими они были у караногайцев и ногайцев Ачикулакско-Кизлярских степей, менее, чем другие группы населения, подвергавшихся влиянию обычаев и нравов соседних народов Северного Кавказа.

У ногайцев, как и у многих других народов, обряды и церемонии, связанные с бракосочетанием, начинались сватовством. Когда сын достигал брачного возраста, родители начинали присматривать для него подходящую невесту.

⁵⁰ Поэзия народов Дагестана, т. I. М., 1960, с. 155—156.

Свадебный церемониал включал в себя несколько этапов. Первый этап — сватовство — «айттырып келуьв» («ходить просить»). Функции свата — «айттырып келген» осуществляли чаще всего отец (у караногойцев), старший брат, дядья по отцу или матери. Женщина в качестве свахи обычно не выступала. Исключение иногда делалось для вдовы, которая заменяла отсутствующего родственника — мужчину старшего возраста.

Семья невесты согласия на брак сразу не давала, даже если была готова принять предложение, ибо должна была предварительно получить согласие своей родственной группы — «кардаш тувганларыннан». Свага в этом случае угощали калмыцким чаем и провожали. Через 7—10 дней он повторял свой визит, но и на этот раз, по обычаю, возвращался ни с чем. Только во время третьего визита, который наносился примерно через неделю после второго, сват получал положительный или отрицательный ответ.

Если семья девушки отвергала предложенный брак, она обычно аргументировала это тем, что якобы тот или иной влиятельный представитель родственной группы выражал несогласие. Если же один из ближайших родственников действительно был против данного брачного союза, родители, как правило, без дальнейших размышлений отклоняли сватовство.

Второй этап церемониала открывался официальной помолвкой молодых — «бегитуьв», «белгилев», «келисуьв», «айттырув». Помолвка происходила либо в воскресенье вечером («каты куьн кеше»), либо в среду («саьрсемби куьн кеше»). При проведении семейных церемоний ногойцы отдавали предпочтение определенным дням недели (иногда и времени суток), месяцам, временам года. Для оформления акта обручения наиболее счастливыми днями считались вторник, четверг и пятница. Помолвка проходила без особых торжеств. Как в семье невесты, так и в семье жениха собирались лишь самые близкие родственники старшего возраста — главы семей патронимической группы. Основным угощением служил калмыцкий чай. Во время помолвки свага («куда» — мужчина и «кудагай» — женщина) приносили в подарок невесте большой головной платок, реже кольцо, серьги. Иногда вместе с этими подарками посылали еще 10—20 рублей серебром (для матери невесты) — «буршлык» (букв. «перцовые», т. е. на чай). Этот акт иногда называли «шайтан оьтпес» («чтобы шайтан не помешал задуманному делу»).

Свага должны были договориться о величине калыма, времени малой свадьбы — «кичкей той» и решить другие вопросы, связанные с заключением брака. Для согласования всего этого могли назначить и другой день. Во время переговоров о размере калыма семья невесты поименно перечисляла всех своих родственников, с указанием кому из них какой подарок требуется дать от жениха, а затем уже определялось, сколько коней, быков, коров, телок и денег в целом должно было войти в состав калыма, когда и какую часть его должна была получить семья невесты.

С этого дня обе стороны называли друг друга «куда» (мужчины), «кудагай» (женщины)⁵¹. После помолвки девушка уже официально считалась невестой — «айтылган» («пазванная»), «берилген» («отданная»); она старалась не показываться родне жениха, хотя теперь не пряталась, а гуляла с подругами. При стоворе малолетних («кудалык») обряд помолвки ограничивался надеванием на девочку платка — «явлык байлав» или дарением ей кольца, серег.

Третий этап в заключении брака состоял из «кишкой той» («малой свадьбы»). В это время происходила передача калыма в дом невесты. На эту процедуру в доме невесты и жениха собирались близкие родственники.

Родственники жениха пригоняли в его дом скот, приносили деньги, подарки, которые включались в состав калыма; родственники же невесты дарили ей ценные вещи (шубы, бешметы, шапки, пояса, кисеты и т. д.), которые должны были быть отправлены в дом жениха во время осмотра калымного скота — «мал коьрме». Вместе с калымным скотом семья жениха посылала в дом невесты хурджины, заполненные подарками для женской родни невесты, и в первую очередь для ее матери: два-три платка из набивного шелка — «хара явлык», несколько отрезов на платья, несколько платков и плитку калмыцкого чая.

Более торжественно «малая свадьба» отмечалась в доме невесты, где происходило одаривание родственников калымным скотом и другими подарками, поступившими от жениха. Момент, связанный с привозом калыма, хорошо описал в своей работе Г. Малявкин. По его словам, в это время «молодежь гуляет, джигитует, борется, а невеста, если она взрослая, окруженная сверстниками и молодыми замужними женщинами, плачет с тоскливыми причитаниями... Подруги стараются развлечь ее песнями»⁵².

Срок от помолвки до самой свадьбы колебался в пределах от месяца до нескольких лет, в зависимости от разных обстоятельств (готовности сторон, наличия калымных средств и т. д.).

Как известно, для ногайцев в XIX в. была характерна патрилокальность брачного поселения. Однако пережитки матрилокального брака, равно как примачество — «уйь куев», «янъы увыл», имели место и здесь. После помолвки или внесения части калыма жених у караногайцев мог (в одних местах легально, в других — тайком) посещать свою невесту, находиться в ее доме целые дни и даже недели. Родители могли знать о визитах жениха,

⁵¹ Термин «куда» («куда») в таком же значении употреблялся еще у древних монголов (см.: *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов, Монгольский кочевой феодализм, с. 48. Отношения свойства, возникшие в результате брака, обозначались термином «куда» и у ряда других народов (см.: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 215.

⁵² *Малявкин Г.* Караногайцы, с. 163—164.

но делали вид, что ничего не замечают. Свидания молодых устраивали жены братьев невесты. За свое посредничество они требовали от жениха при каждом его визите вознаграждение, обычно деньгами. Факт добрачных свиданий жениха с невестой подтверждается многими авторами.

Большой интерес представляют сведения, сообщенные С. Г. Гmeliным. Он писал, что жених мог приходить к своей невесте, но «за первое совокупление должен платить деньги, ибо хотя ему и позволено со своею невестою спать на одной постели, однако сидят подле оной по две старухи, держа в руках горящие свечи, и всячески примечают, не пожелает ли жених чего-нибудь непозволительного. Как скоро они что-нибудь такое приметят, то тотчас вступаются за невесту, однако, чтоб они не очень свято должность свою исполняли, дарит им жених несколько рублей на то уже прежде приготовленных; а как они их с охотою примут, то погашают свечи, уходят и оставляют жениха с невестой одних»⁵³.

Однако уже С. Г. Гмелин замечал, что обычай близких добрачных связей у ногайцев постепенно исчезает и причину этого видел в заинтересованности стороны жениха сохранить за собой право вернуть калым в случае смерти жениха или невесты. «Ибо, — пояснял Гмелин, — если прежде свадьбы девства лишенная невеста, или также если и сам жених умрет, то весь калым пропадает, в противном же случае по смерти невесты родители оной без всякого противоречия обратно отдать должны, а если умрет жених, то или тож самое делается, или его брат, ближний приятель, или сродственник вместо его вступает в супружество»⁵⁴.

Встречи жениха и невесты устраивались либо в общей, либо в отведенной ей специальной кибитке (у богатых ногайцев еще в XIX—начале XX в. сохранялась традиция отведения взрослой дочери отдельной кибитки), где она проводила свободное время, занималась вышиванием, веселилась с девушками и т. д. В первом случае в большой кибитке с помощью пестрой ширмы отделился специальный угол, где во время посещения жениха находилась невеста. С паружной стороны кибитки, там, где имелась ширма, войлок у стенки нередко оставался приподнятым, чтобы жених мог войти сюда «незамеченным». А. П. Архипов отмечал, что если жених и невеста небогаты, то «жених посещает свою невесту в ее доме до времени совершенного выплачивания калыма и потом уж привозит свою суженую к себе. Тогда стекаются отовсюду гости обоих полов»⁵⁵.

⁵³ Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II, с. 188.

⁵⁴ Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II, с. 188.

⁵⁵ Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах А. П. Архипова. — Кавказ, 1852, № 30.

Г. Ананьев сообщает, что после оформления акта бракосочетания, по шариату, жениху разрешалось ездить к невесте и даже жить у нее»⁵⁶.

Известны случаи, когда невеста переходила в дом мужа беременной или с ребенком на руках, ибо фактические супружеские отношения начинались еще во время пребывания ее в доме своих родителей. «Я слышал в молодости от своих односельчан, — вспоминал наш информатор Зеид Абдулхалимович Койбалиев (1898 г. рожд.), — что в прошлом новобрачная до года жила в доме своих родителей и переезжала в дом мужа после рождения первенца. За это время муж мог ее навещать, но трудно теперь сказать: открыто или тайно»⁵⁷.

Дети, рожденные в доме родителей невесты до официальной свадьбы, назывались «йиен», или «матай» (у ногайцев Терско-Сулакской низменности термин, очевидно, позднего происхождения).

Если в старину аналогичные факты были распространены и не осуждались, то позже отношение к ним изменилось.

Четвертый этап свадебного цикла, самый важный и сложный по структуре и содержанию представляла «большая свадьба» — «уллы той» («свадьба, связанная с обрядом бракосочетания» — «неках той»).

Как свидетельствуют авторы XIX в., а также наши старейшие информаторы у ногайцев-кочевников вплоть до начала XX в. акт бракосочетания, а в ряде случаев и основная часть свадебной церемонии, происходили в доме невесты. Так, А. Павлов, сам участвовавший в середине XIX в. в свадебном торжестве ногайцев, кочевавших в Кизлярской степи, сообщает, что акт бракосочетания оформлялся муллою в свадебной кибитке невесты, где она, богато наряженная, ожидала жениха и где присутствовали родня жениха и невесты. «Духовный отец, — пишет он, — соединил их руки (жениха и невесты. — С. Г.) и, прочитав над ними молитву, велел сесть новобрачной подле ее любезного... Юная дева, по обыкновению их, была отведена ее любезным в особый угол, занавешенный коленкором... Перед захождением солнца родные жениха невесту и приданое ее повезли в свой аул»⁵⁸. Сведения об исполнении обряда бракосочетания «обязательно в кибитке невесты» применительно к началу XX в. сообщает Г. Ананьев о караногайцах⁵⁹. Г. Малявкин, свидетельствуя о совершении акта бракосочетания в доме невесты, вместе с тем отмечает, что при совершении этого обряда жених и невеста сами

⁵⁶ Ананьев Г. Караюгайцы, их быт и образ жизни. — СМОПК, 1894, вып. XX, с. 53—54.

⁵⁷ Записано 20 июня 1970 г. в сел. Кара-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края. — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 197.

⁵⁸ Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842, с. 38—39.

⁵⁹ Ананьев Г. Караюгайцы... с. 53.

не присутствуют; их функции выполняют уполномоченные — обыкновенно отец и мать девушки и кто-нибудь из родственников жениха. «Мулла спрашивает родителей, — отмечает Г. Малявкин, — в присутствии посторонних лиц, желает ли их дочь выйти замуж за такого-то. Они отвечают — да. У родителей же жениха мулла спрашивает раньше, когда угоняют последний скот для уплаты калыма... Затем читаются молитвы, и обряд закончен»⁶⁰.

Многие наши информаторы сообщают, что нередко после официального бракосочетания и свадьбы в доме невесты молодые в течение длительного времени (иногда более года) оставались каждый в своем доме, и муж посещал свою жену в доме ее родителей как бы тайком. Родители жены только делали вид, что они его не видят. Рано утром, на заре, муж уходил, стараясь быть незамеченным. В их свиданиях, как и до свадьбы, активную роль играли снохи, на которых возлагались обязанности организации встреч, приема и провожания гостя.

Довольно длительное проживание новобрачных отдельно друг от друга, в доме своих родителей, по-видимому, отражало порядок, известный в литературе под названием дислокального поселения.

Анализируя подобный порядок брачного поселения, существовавший в XIX в. у многих народов Кавказа, М. О. Косвен писал, что «хотя дислокальное поселение, вообще говоря, свойственно матриархату, фигурируя наряду с матрилокальным поселением, разбираемый нами порядок в той форме, которая рисуется кавказским материалом, должен быть истолкован не как пережиток матриархата, а как особая форма, свойственная переходу от матриархата к патриархату»⁶¹.

Перед свадьбой семья отправляла дочь-невесту в сопровождении снохи и подруги навестить всех своих родственников по отцу и матери («кыз кыдыртув»), где бы они ни проживали. Этим она как бы наносила прощальный девичий визит и приглашала их на свою предстоящую свадьбу. Каждая родственная семья, которую посещала невеста, оказывала ей почетный прием и одаривала чем-нибудь, чаще украшениями из серебра и одеждой. Крупные подарки — предметы убранства («уй турман»), скот — родственники, отправляясь на свадьбу, везли сами. Такие поездки за подарками совершал у некоторых групп ногайцев и жених. Так, например, еще в конце XIX — начале XX в. у терско-сулакских ногайцев перед свадьбой жених со своим дружкой объезжал близкородственные семьи, которые клали ему в хурджин подарки, необходимые для преподнесения родне невесты.

Свадьбу («той») устраивали чаще всего осенью или весной. Прежде чем назначить день свадьбы, ногайцы, как правило, об-

⁶⁰ Малявкин Г. Караногайцы... с. 163.

⁶¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 51.

ращались к своим астрологам, которые по расположению планеты Сафарюлдиз («звезда путешествия») ⁶² «определяли» наиболее благополучные дни для бракосочетания. Считалось, что свадебную поездку невесты нельзя совершать в сторону, где виднелась звезда Сафарюлдиз, она должна была находиться позади или сбоку. Существовала также примета, что если звезда окажется впереди арбы невесты, направляющейся в аул жениха, счастья в семье не будет. В таких случаях свадьбу обычно откладывали до «благоприятного» расположения звезды. Когда все препятствия были устранены и день свадьбы был назначен, жениха и невесту почти одновременно (перед самой свадьбой) переселяли из родительских домов в дома односельчан или родственников. Эти дома назывались «туьскен уй» ⁶³, что значит «дом, где сделана остановка» или «дом, где остановился жених (остановилась невеста)». Это мог быть дом ближайшего друга, который играл большую роль во всем свадебном цикле. У некоторых групп ногайцев таким домом мог служить и дом зятя (мужа сестры). Здесь жениха и невесту принимали с большим почетом, окружали особым вниманием, для сопровождающих их лиц устраивали богатое угощение, делали дорогостоящие подарки. Особенно большую роль играл «туьскен уй» жениха. В отличие от невесты, которая через два-три дня, вечером перед брачной ночью покидала «туьскен уй», жених, как правило, оставался в нем более месяца. Хозяева этого дома брали на себя значительные расходы по организации отдельного пиршества для жениха и его сопровождающих у себя дома, принимали жениха как родного сына.

Забегая вперед, отметим, что, начиная со дня свадьбы, между молодыми супругами и семьей, в доме которых жених находился в период свадьбы, устанавливались самые тесные отношения, почти равные отношениям между родителями и детьми. Молодожены всю жизнь почитали этот дом, называли хозяина дома — «ата» (отец), его жену — «ана» (мать) и т. д. Те в свою очередь называли юношу сыном — «улым», его жену — дочерью («кызым») и относились к ним наравне с родными детьми.

Думается, что «туьскен уй» у ногайцев в прошлом мог служить временным жильем новобрачных, где начинались их супружеские отношения и откуда они потом переселялись в дом родителей жениха. Отсюда и большая роль семьи «туьскен уй» жениха в организации свадьбы. Об особой роли этого дома в прошлом говорит и тот факт, что у кубанских ногайцев его хозяева

⁶² Очевидно, это Меркурий, которого еще древние римляне считали покровителем путешественников, купцов, торговли.

⁶³ Ср. карачаево-балкарский термин того же значения — «болуш уй» («дом пребывания»), кумыкский — «тюшген уй» («дом, в котором остановился») или «бель чегген уй» («дом, где снял поясную одежду, пояс»), адыгейский — «теше рыпе» («место для введенной») и др. Подробнее см.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 52—76.

устраи́вали для повобрачного прощальную «большую свадьбу» — «уййкен той», сопровождавшуюся сборами денег, скота и т. д. для молодой пары.

Возвращаясь к вопросу об организации самой свадьбы, отметим, что в назначенный день торжеств семьи жениха и невесты (каждая отдельно) созывали своих родственников, друзей, кунаков из соседних аулов и станиц. У кочевников близкие родственники приезжали со всей семьей, с кибитками, скотом для подарков и на убой, для угощения гостей, располагаясь тут же рядом с жилищем хозяев торжеств. Они брали на себя часть забот по организации свадьбы (приглашенные обычно устраивались в домах или кибитках, поставленных или снятых для этой цели представителями родственной группы).

В первый день свадьбы у некоторых групп ногайцев в течение двух—семи дней обычно в доме невесты присутствовала и родня жениха (кроме матери) численностью до 50—100 человек, со своими кибитками и угощением. Так, у караногайцев, у которых в прошлом свадьба в основном проходила в доме невесты, родственники жениха гостили у невесты пять—семь дней, во время которых их поочередно приглашали родственники семьи невесты и богато угощали. По словам Г. Малявкина, свадебным

пиршеством у караногайцев распоряжаются братья жениха или невесты, смотря по тому, в чьем ауле совершается свадьба. Перед свадьбой в аул невесты перебирался и жених со своей свитой. Чуть подалее двора невесты ему ставили специальную кибитку, где он принимал гостей и веселился с друзьями⁶⁴. Традиция празднования свадьбы сначала и в основном в доме невесты, пережитки которой еще наблюдались у караногайцев на рубеже XIX—XX в., очевидно, очень древняя и генетически связана с матрилокальным брачным поселением. Для новобрачных ставили новую, нарядно убранную свадебную юрту или кибитку — «отав» — дар отца невесты. Отав был покрыт белым войлоком, который опоясывался широкими узорчатыми лентами с бахромой. Белым войлоком убирали и решетчатые стены кибитки изнутри. Над дверью свешивался с крыши вышитый «манглашай» — кусок кошмы, вырезанный в форме треугольника и даже несколько напоминавший человеческую фигуру, а если взять отдельно верхнюю часть, то баранью голову с рогами. По обе стороны двери в определенном порядке навешивали полосы вышитого войлока прямоугольной — «иныг» и квадратной — «биеле» формы. Отав имел и богато украшенную аппликацией войлочную дверную занавеску — «эсик кийиз», или «эсик серпик» (142×88 см). Войлок сперва обтягивали светлой однотонной тканью, на которую нашивали аппликации с разными узорами.

Ярко выраженной особенностью юрты новобрачных был ее «тунглик» — свадебный флаг из войлока (62×97 см), обшитый с лицевой стороны белой хлопчатобумажной тканью или красным бархатом, а с оборотной — ситцем. Лицевую его сторону покрывали аппликациями из цветных тканей. Края обычно обрамляли широкой полосой материи другого цвета, тоже украшенной вышивками или аппликациями. Флаг привязывали к длинной жерди, проходившей через дымовое отверстие. На ночь жердь ставили наклонно, чтобы флаг закрывал верхнее отверстие.

В убранстве свадебного жилища невесты, которое потом перевозилось в аул жениха, большое место занимали постельные принадлежности и различного рода сумки, развешанные по стенкам. Важным элементом свадебной юрты был и «шымылдык» — большое прямоугольное полотнище, украшенное цветными аппликациями и вышивкой, которым в виде ширмы отгораживали часть юрты, обычно противоположную от входа или налево от него. По прибытии свадебного поезда за эту ширму сажали невесту, там же стелили и постель для новобрачных.

По сведениям некоторых авторов, еще в середине XIX в. можно было наблюдать у ногайцев крымских степей такой обычай: при переезде невесты в дом жениха двое верховых специально везли впереди свадебного поезда флаг, укрепленный на

⁶⁴ *Малаякин Г. Караногайцы*, с. 165.

двух шестах⁶⁵. Подобного рода занавеси типа полога, известные под различными названиями, были характерны и для свадебного жилища многих тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Кавказа⁶⁶.

У погайцев такого рода полог устанавливался для молодой девушки еще в доме ее родителей, в специально для нее построенном отаве. Здесь нередко происходили первые свидания с женихом.

По обычаю погайцев свадебная юрта, предметы убранства этой юрты, свадебный наряд должны быть вышиты или украшены руками самой невесты. Это служило характеристикой ее трудолюбия и умения. Когда все гости были уже в сборе и родня жениха заняла полагавшееся ей почетное место, начинался мусульманский обряд бракосочетания. Кто-либо из духовных лиц — эфенди, мулла или кадий с участием свидетелей сторон оформлял «неках» — письменный брачный контракт⁶⁷.

Во время свадьбы гости рассаживались по старшинству, причем мужчины обязательно отдельно от женщин; невеста со своей свитой находилась отдельно от собравшихся гостей в свадебной кибитке, жених со своими друзьями и молодыми родственниками невесты тоже отдельно — в своей. Общество жениха отличалось от всех других свадебных компаний свободой развлечений, участием молодых снох и других женщин.

На свадьбе погайцев-кочевников специальной обрядовой пищи не было. Готовились традиционные мясные блюда, для чего забивали коров, баранов, а богатые — лошадей и верблюдов. Большое место в свадебной пище занимал калмыцкий чай, а также хвост — «локым» и другие печения. Из напитков мужчинам подавались кумыс, брага, иногда водка.

На свадьбе обычно исполнялись старинные народные песни, отрывки из поэм и сказаний об эпических героях — «Батыр йырлар», «Кыска казак йырлар», особенно песни «Мамай батырдынъ йыры», «Шора батырдынъ йыры», «Таргун батырдынъ йыры»,

⁶⁵ Бонч-Осмоловский Г. А. Свадебные жилища турецких народностей. — Материалы по этнографии, т. III, вып. 1. Л., 1926, с. 104.

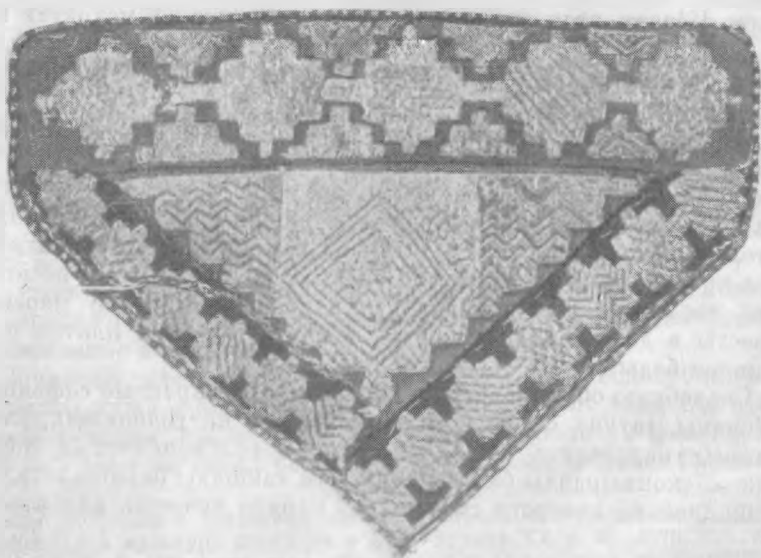
⁶⁶ Бонч-Осмоловский Г. А. Свадебные жилища турецких народностей, с. 103, 109 и др.; Фиельструп Ф. Свадебные жилища турецких народностей. — Материалы по этнографии, т. III, вып. 1. Л., 1926, с. 117—121; Гаджиева С. III. Кумыки, с. 276.

⁶⁷ У погайцев, проживающих на Кубани и в Терско-Сулакской низменности, «неках», или «неках той», как правило, проводился за несколько дней или недель до свадьбы и только в доме жениха с участием доверенных семьи невесты. Число представителей от семьи невесты у кубанских погайцев доходило до 30—40 человек, возглавлял их обычно дядя невесты по матери. Последний выступал с добрыми пожеланиями и вручал «капшык» — переметные сумки с подарками, получая взамен от семьи жениха почетный подарок — фарфоровую пиалу — «шыпаяк», завернутую в большой шелковый, или атласный платок — «казбалы». Невеста у погайцев этой группы совершала обход родных после заключения акта неках, но до свадьбы.

Элементы убранства свадебной кибитки

«Эдигединъ йыры» и другие, широко известные также и у других тюркоязычных народов.

Знатные и богатые ногайцы за песни, прославлявшие их род, одаривали певцов скотом, деньгами и другими подарками. Некоторые заранее договаривались с певцами, чтобы те на свадебном торжестве воспевали их.

Пению героических песен ногайские сказители обычно предпочитали большие прозаические вступления. Песни сопровождалась игрой на музыкальных инструментах — домбре, комызе, реже — на русской балалайке. Передко участники свадебного пира вступали в поэтические состязания — «эрисувъ йырлав», сочиняя экспромтом шуточные куплеты. Богатые свадьбы, кроме того, сопровождалась «борьбою силачей, скачками и стрельбою из ружей»⁶⁸. Танцев у кочевников, как правило, не было, или они занимали незначительное место. В конце первого дня свадьбы, вечером, невесту в свадебной кибитке подруги и снохи тщательно наряжали в одежду повобрачной.

Наряд новобрачной обычно состоял из длинной шелковой рубахи-платья (чаще красной), шелковых длинных штанов, шелкового яркого цвета бешмета длиной ниже колен, украшенного на рукавах, полах, груди серебром, с широким поясом, большими серебряными пряжками. Волосы невесты гладко причесывали, заплетали в две косы и вплетали в них ленты — «шаш бав», украшенные мелкими монетами и бляхами. На голову невесты надевали особую шапочку — «силауш» с серебряными украшениями или с налобной подвеской из бус, блях — «бастурман-маржан». Поверх этой шапочки надевали большую меховую шапку — «кундыз боьрк» и большой красный платок — «акшалы тастар», обшитый мелкими монетами по краю, обрамляющему голову.

После брачной ночи молодая должна была сменить красный платок на белый — признак замужества. Иногда невесте тут же заменяли красный платок белым, особенно в тех случаях, когда она фактически вступила в брачную жизнь уже в доме своих родителей. В большинстве же случаев замена красного платка белым происходила после первой брачной ночи или через несколько дней после нее. Как отмечал Г. Ананьев, обычно «до перевозки невесты в дом жениха красный девичий головной платок не заменялся белым»⁶⁹.

Свадебную обувь повобрачной составляли красные сафьяновые ноговицы «атув» с цветной аппликацией на голенищах, поверх которых надевались кожаные туфли с колокольчиками на каблучке — «конъыравлы баьпишлер», или «акшалы баьпишлет», с аппликацией из цветного сафьяна. В наряде невесты, как правило,

⁶⁸ Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах А. П. Архипова. — Кавказ, 1852, № 30.

⁶⁹ Ананьев Г. Карапогайцы. . . , с. 54.

преобладал красный цвет — цвет радости, цвет, по народным представлениям, отгоняющий зло.

Весь комплект одежды новобрачной справлял ее отец⁷⁰. Жених в качестве подарка никакой одежды невесте не присылал. Костюм невесты содержал множество серебряных украшений: пояс, серьги, кольца, нагрудные застёжки и т. д. В XVIII в. невеста у ногайцев носила еще в носу особую серьгу. По описанию И. Г. Георги, у многих терских ногаек «кольцо сие достигает до нижней губы»⁷¹.

Отправляясь в дом жениха, невеста на голову набрасывала свадебную накидку — «буьркеншик» и, кроме того, нередко закутывалась еще в шымылдык.

Костюм невесты у разных этнографических групп ногайцев имел свои локальные особенности. Так, невесты кубанских ногайцев одевались по черкесскому (адыгскому) образцу — в длинную рубаху, кафтанчик — «зыбын», длинное распашное платье — «шыба», шапочку, либо плоскую матерчатую — «кырым боьрк», либо высокую галунную — «ока боьрк», поверх шапки носили шарф. У кубанских ногайцев во многих знатных семьях девочку семи-восьми лет облачали в сафьяновый корсет — «коьн шыба», «куьбе», чтобы задержать развитие груди и придать фигуре стройность и изящество. Подружки и молодые снохи затягивали невесту в специальный свадебный матерчатый корсет с 40 и более петлями. При этом концы шнура прятали так, чтобы жених в брачную ночь сразу не смог их найти и снять корсет.

У ногайцев Терско-Сулакского междуречья невесту наряжали в костюм кумыкского типа (длинное платье-рубаха, распашное платье, мешкообразный головной убор — «шуткы», платок и др.).

Жених одевался, как и все участники свадьбы, обычно в новый костюм, состоявший из бешмета, черкески, папахи из шкурки молодого барашка, сафьяновых сапог с мягкой подошвой. Бешмет или черкеска опоясывались кожаным поясом, к которому спереди прикреплялся кивжал. Отличительной особенностью костюма жениха был его нарядный башлык, чаще красный или белый, который он обязательно накидывал поверх черкески или бешмета, даже если свадьба проходила летом. В руках или у пояса у него был кнут — «ялав», которым во время первой встречи с невестой он наносил ей, согласно обычаю, легкий удар, символизирующий установление в семье власти мужа.

Значение церемониала переезда невесты и ее водворения в дом будущего мужа в значительной мере зависело от того, где происходила главная свадьба, где молодая вступала в фактический брак — в доме ли своих родителей или в доме жениха. Своим тор-

⁷⁰ Более подробно о свадебной одежде ногайцев см.: *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М., 1976.

⁷¹ *Георги И. Г.* Описание всех обитавших в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав... т. II, СПб., 1799, с. 40.

Кубанская ногойка в свадебном костюме

Караногойка в свадебном наряде

жественностью этот факт отличался у оседлых ногойцев (кубанских, минераловодских и терско-сулакских), у которых в исследуемое время мы находим прочно утвердившийся порядок патрилокального брачного поселения и лишь некоторое сохранение пережитков более ранних форм.

Переезд невесты в дом жениха не отмечался особыми торжествами у караногойцев, где, как уже указывалось, родственники обеих сторон справляли свадьбу обычно в доме невесты. Когда свадьба подходила к концу (на второй или третий день после фактического вступления жениха и невесты в брак), новобрачная в сопровождении участников свадьбы, и в первую очередь своих родственников, включая нередко и отца с матерью, отправлялась

в дом своего мужа. На полпути навстречу поезду новобрачной для выманивания подарков выезжала свита жениха. Это называлось «явлыкка шыгув» («выходят за платками»). Получив подарки, свита тут же возвращалась обратно. Встречать поезд с новобрачной выезжала и группа родственников мужа.

Что касается ногоайцев, проживающих на Кубани, в районе Минеральных Вод и Терско-Сулакской низменности, то здесь в XIX и начале XX в. за невестой специально снаряжалось посольство, в которое входили мужчины и женщины. У кубанских ногоайцев в него входило до 40—50 человек, у терско-сулакских — несколько меньше. У кубанских ногоайцев за невестой нередко ехал и жених, который вез подарки ее родне. У ворот дома невесты инсценировалась борьба с приехавшими, которые как бы старались ворваться в дом, а родственники невесты, в том числе ее отец и мать, с палками и кольями в руках препятствовали им в этом. Наконец сторона жениха платила выкуп деньгами, и «борьба» прекращалась. Н. А. Кисляков вслед за М. О. Косвеню, объясняя аналогичные явления у таджиков «пережитками родовых традиций, естественным желанием сородичей получить свою долю в сделке, каковой является брак в форме купли-продажи невесты», относит возникновение этих порядков ко времени перехода от матрилокального брачного поселения к патрилокальному⁷².

Когда все «препятствия» были преодолены, гостей приглашали в дом. И тут происходил церемониал обмена приветствиями в форме поэтического состязания. Например, старшая сноха — «енге», обращаясь к послам жениха и приветствуя их, не забывает восхвалять и невесту. Она говорит:

*Хош келдинъиз, кудалар, тойымызга, яр-яр,
Сизди алып туры эдик ойымызга, яр-яр,
Кишкенеден аьруьвим, камка кести, яр-яр,
Оьз тенъининъ янында артык оьсти, яр-яр,
Кийгени аьруьвимнинъ ал шугадай, яр-яр,
Оьз тенъининъ касында каршыгадай, яр-яр⁷³.*

*Добро пожаловать на свадьбу, сваты,
О вас как раз мы и думали.
С малых лет наша красавица шелк кроила,
Среди своих сверстниц она росла выше,
Одежда нашей красавицы из алого сукна,
Среди своих сверстниц она как ястреб.*

В это состязание вступает сторона жениха, потом отвечает подруга невесты — «кудаша»:

⁷² Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков, с. 207.

⁷³ Ногоай халк йырлары. М., 1969, с. 114 (на пог. яз.); «яр» — в тюркск. яз. — друг, соговариц, сподвижник, возлюбленный (см.: Бу-

*Кел-кел, куда, кел, куда, манълайыма, яр-яр,
Табтли юзим салайым танълайынъа, яр-яр,
Ковзенекли ал явлык тартысайык, яр-яр,
Кел-кел, куда, кел, куда, айтысайык, яр-яр*⁷⁴.

*Иди, иди, мой сват, иди, мой сват,
Подходи ко мне поближе,
Положу тебе в рот сладкий виноград,
Давай потянем узорчатый розовый плажок
Иди, иди, сват, иди, сват, давай состязаться в песне.*

Такие состязания могли продолжаться довольно долго. После чего гостей усаживали за праздничный стол и угощали, развлекая песнями и музыкой. Приехавшие за невестой могли оставаться и на ночь, до следующего вечера (в глубокую старину иногда даже до семи дней). У кубанских ногайцев в составе поезда, отправляющегося за невестой, находились пять-шесть девушек — близких родственниц жениха. По обычаю этих девушек — «кудаша енге» сразу же после угощения вводили в другое помещение и заставляли снять с себя дорогие свадебные костюмы, при этом слегка щипали и били. Девушки оставались в нижнем белье и ждали, пока родня жениха присылала им другую одежду. В более поздний период эти девушки брали с собой запасное платье. Когда наступало время отъезда невесты из родительского дома, ее торжественно выводили из «тускеп уй» (у оседлых ногайцев) или специальной свадебной кибитки, наряженную и укутанную в два покрывала («буъркеншик» и «шымылдык»). Эта церемония сопровождалась игрой на домбре или кумузе и пением. Именно в этот момент молодые снохи обычно совершали над невестой акт «прятания», не выдавая ее до тех пор, пока послы жениха или старшие енге, сопровождавшие молодую в дом мужа, не внесут за нее плату.

В момент расставания невеста с плачем бросалась к матери, цепляясь за нее. Это была не только дань обычаю, не простая формальность. Часто невеста выражала этим свое искреннее горе, свой протест против того, что родители выдавали ее замуж вопреки желанию.

Об этом говорит, например, текст песни, записанный известным ногайским просветителем и фольклористом А. Ш. Джанибековым, в котором невеста, обращаясь к отцу, упрекает его в том, что она стала ему в тягость, что он отправляет ее в далекий чужой аул.

*Айланайым, куват, элинънен,
Ак кув ушсын коьлинънен,
Ак кувлайын занъырап
Кетгим, куват, элиннен.*

дагов Л. Э. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, с. 323).

⁷⁴ Ногай халк йырлары. М., 1969, с. 114—115.

*Етегеним ети юлдыз етгим, акам,
Авырмалынъ менде болса, кеттим, акам
Яз келуьвим, кыс келуьвим коймам, акам,
Аьвелгидинъ бир куюнндей болман, акам.
Эсигим алды татавыл,
Ойнаганым ят авыл,
Ак буьркешник ер суьйреп
Мен де болдым ят авыл*⁷⁵.

*Обойду я твой родной аул,
Пусть белая лебедь улетит с твоего озера,
Как лебедь, издав звон,
Ушла я из своего родного аула.
Я до Большой Медведицы дошла (выросла), отец,
Если я была для тебя в тягость, я ушла, отец,
Летом, зимой навестить дом не забуду, отец,
Но не стану такой, как прежде, отец.
У порога моего — канава,
Попаду в чужой аул.
Белым покрывалом волоча по земле
И я стала чужой, из другого аула.*

После прощания с родителями и папутственного слова родителей или старшего в роде невесту сажали на свадебную арбу⁷⁶. При этом опять инсценировалась попытка задержать невесту. У караногайцев снохи в этот момент нередко делали попытку увести невесту обратно, а старшие сестры невесты, тетки ее по отцу и матери оказывали им сопротивление. Накопец появлялся молодой родственник невесты, который брал ее на руки и сажал в арбу. У кубанских, терско-сулакских и минераловодских ногайцев роль последнего играл кто-нибудь из посольства жениха, обычно его шафер — «акасы» (сын хозяина дома, где останавливался жених на время женитьбы).

Следует заметить, что у караногайцев послы жениха, присутствующие на свадьбе в доме невесты, уезжали раньше, чем от-

⁷⁵ Ногай халк йырлары... с. 114.

⁷⁶ Свадебная арба «куйме», которую обычно дарил отец, была двух видов: закрытая с дверцей и обыкновенная арба, над которой обычно делался навес, покрытый сверху войлочным ковром. Одновременно со свадебным поездом невесты или заранее доставляли во двор жениха и свадебную кибитку невесты. Если жених и невеста жили в одном кочевом ауле, то, как отмечал А. П. Архипов, эту кибитку переносили «обыкновенно на руках... при большом стечении народа». Обычай дарения отцом новой юрты новобрачной, очевидно, отражает пережиток матрилокального брачного поселения. Описывая аналогичный порядок у тувинцев, Л. П. Потапов указывает, что при смене матрилокального брачного поселения патрилокальным «и возник как дань старой традиции обычай везти новую юрту, сделанную родственниками невесты в аул жениха» (Потапов Л. П. Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции. — СЭ, 1959, № 5, с. 112).

правлялся поезд невесты, и поэтому они во всей этой шуточной борьбе участия не принимали. У кубанских ногайцев в тот момент, когда невеста была уже посажена на арбу и весь свадебный кортеж готов был тронуться в путь, опять возобновлялась «борьба». Около ворот дома родственники невесты преграждали путь свадебному поезду, хватая за узды коней, они с кольями в руках или сняв свои пояса бросались на послов жениха, срывали с них папахи. Особенно охотились за шапкой главного вожака процессии — «баскуда», или «тавькыше басшысы». Отобрав шапки у 5—10 человек, они требовали денежного выкупа. Считалось позором, если кто-то из людей жениха не сумеет выкупить свой головной убор. Наконец поезд трогается в путь, обычно с песней «Орайда», широко распространенной и у соседей ногайцев — черкесов, кабардинцев и др.

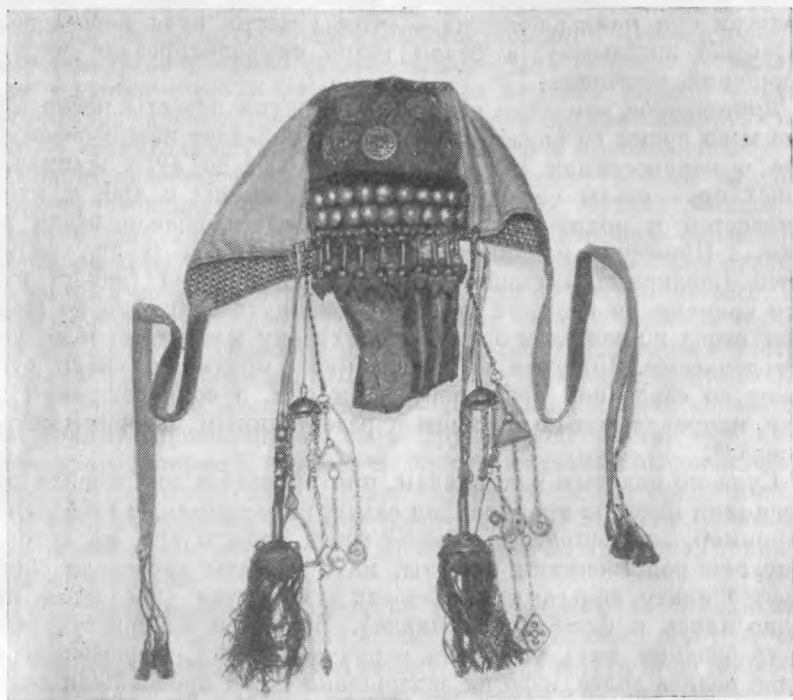
Численность свадебного поезда у разных этнографических групп ногайцев не была одинаковой. Как свидетельствует наш полевой материал, с самой большой свитой направлялась в путь караногайская невеста. Ее сопровождало нередко 50—100, а иногда и больше мужчин и женщин, т. е. почти все основные участники свадебного торжества в доме невесты. Одних только енге бывало от пяти до десяти. Это были жены дядей, старших братьев, близких родственников. Из них две считались главными, они садились вместе с невестой в свадебную арбу. Ехали также с невестой две-три ее подруги — «кыймаслар». На других арбах размещались мать невесты и остальные женщины. Мужчины, в том числе и отец невесты, сопровождали ее на конях.

За два-три часа до отхода свадебного поезда в дом жениха посылали отдельную арбу с приданым — «юк арба». Если жених и невеста жили в одном ауле (а это бывало очень редко при экзогамных браках, так как маленькие кочевые аулы состояли, как правило, только из родственников), то участники свадебного шествия, кроме невесты, отправлялись пешком. Свадебная же арба с невестой в этом случае делала большой круг вокруг аула.

У терско-сулакских ногайцев невесту сопровождали около 30—40 человек. Обычно численность свиты невесты зависела у них от величины рода, экономического состояния семьи. У кубанских и минераловодских ногайцев свита невесты включала не более пяти-восьми человек. Это были несколько енге, молодой родственник невесты — «кыз агасы» и две ее подруги. Родня девушки в большем составе должна была нанести визит в дом жениха через несколько дней по особому приглашению.

Примерно на полпути к аулу жениха свадебный поезд встречали, джигитуюя и перегоняя друг друга, жених и его свита. Они останавливали поезд невесты и требовали подарки — кисеты, тубетейки, носовые платки, пояса и т. д. Если енге одаривала их недостаточно щедро, то ее били плетью (в ряде случаев женщинам, выполнявшим роль енге, доставалось по-настоящему). Получив подарки, всадники тут же возвращались к себе, чтобы изве-

стить родню о приближении свадебной процессии. После этого поезд невесты продолжал двигаться без особых остановок.

Когда свадебное шествие невесты подходило к дому жениха, вся родня последнего выходила навстречу, приветствовала гостей и тут же угощала их бузой, забрасывала свадебную арбу конфетами, просом и мелкими монетами. Вблизи жилища, предназначенного для новобрачных (чаще это была свадебная кибитка невесты), енге останавливали поезд и требовали вознаграждение деньгами или вещами за «куйме туварув» («распряганье волов») ⁷⁷. Затем енге получали «капашар» — вознаграждение за открывание двери. После этого до жилища невесты стелили бараньи шкуры, по которым она должна была пройти и войти в дом (позднее ограничивались одной овчиной, но зато стелили поверх нее белую ткань). Главные енге брали невесту за руки и выводили из куйме. Невеста должна была ступить на шкуру сперва пра-

⁷⁷ Эта плата у терско-сулакских погайцев, как и у кумыков, называлась «арбабаш гьакъ».

вой ногой, потом — левой и подойти по застланной дорожке к дверям. Соблюдение этого обряда, генетически связанного с культом животных, по мнению ногайцев-кочевников и скотоводов, должно было обеспечить новобрачной жизнь в достатке («барган ери майлы болсын» — «чтобы место, куда пошла невеста, было жирным»), а белая ткань символизировала чистоту отношений, честность.

Достоверное описание очередного выкупа невесты после приезда и во время ее водворения в дом мужа дает нам в своей работе о карапогайцах Г. Ананьев. «Доехав до аула жениха, — пишет он, — сваты слезают с коней, женщины с арб, а куйме с невестой и подругами ее останавливается вблизи отава жениха... Приезжие женщины кричат, поднимают гвалт, требуют дарей (шелковые материи), теры (овчины), акча (денег) и до того времени не выдадут невесту, пока путь от куйме до женихова отава не застелят овчинами, а сверху материями и не усыпят деньгами. Получив вышеназванные предметы, свахи отпускают со свадебной арбы невесту, и она, в сопровождении подруг, направляется по овчинам и разостланным материям к отаву мужа»⁷⁸.

Судя по полевым материалам, при приезде в дом жениха родственники невесты предъявляли самые разнообразные требования. Например, за распрягание быков своей арбы и арб, на которых приехали родственники невесты, мать невесты требовала специальную плату деньгами и сладости — «шашув» (последние преподносились в фарфоровой пиале). В случае неудовлетворения ее требования мать угрожала вернуться назад. Переговоры нередко велись долго, и до их завершения гости продолжали сидеть на своих арбах. Лишь получив требуемое, мать сходила со своей арбы. Тогда ее примеру следовали другие спутницы. Но оставалась еще одна арба, на которой продолжали сидеть сестра невесты и дочери ее дяди. Они тоже требовали себе особую плату, которая также называлась капашар⁷⁹. В ряде карапогайских аулов эти родственницы после увода невесты в дом пересаживались в ее арбу и продолжали сидеть в ней до тех пор, пока не получат подарок (денег или отрезы на платья).

В свадебной обрядности большую роль играли сладости, употребление которых, по представлению ногайцев, способствовало установлению дружбы и сладкой жизни. На арбу невесты, а также на арбу ее матери обязательно должны были сыпать

⁷⁸ Ананьев Г. Карапогайцы..., с. 54—55. Отметим, что у кубанских ногайцев невесту обычно брал из арбы и нес на руках в отведенное для нее помещение родственник или шафер жениха (см.: Керейтов Р. Х. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев. — СЭ, 1973, № 3, с. 86).

⁷⁹ Это, очевидно, какой-то трансформированный обычай открывания двери или ворот. У других народов, в частности у кумыков, енге получала плату от жениха — «эшик ачар» за открывание ему двери в помещение невесты в первую брачную ночь.

«шашув» — конфеты вперемешку с просом и мелкими монетами. У входа в свадебную кибитку старшая в роде жениха женщина преподносила невесте «балаяк» — пиалу с медом (иногда смесь меда с маслом). Пиала с медом подавалась и каждой гостье из рода невесты после традиционного угощения мясом и калмыцким чаем. Одновременно со входом невесты в ее отаве устанавливали высокий шест — «сурык», на его верхний конец, который выходил на крышу, привязывалась треугольная вышитая полость — «туынглик». Туда же прикреплялся и колокольчик⁸⁰.

Родню невесты принимали в доме жениха весьма радушно и щедро угощали мясом, калмыцким чаем, бузой. Женщинам подавали еще сладости. Наиболее почетный прием оказывался матери невесты. После традиционной трапезы перед ней ставили деревянный поднос — «табак» с подарками от матери жениха. Подарки обычно состояли из семи-восьми аршин дорогой ткани, трех аршин белой ткани на платок, большого шерстяного платка, грудинки барана — «тос», 10—15 рублей денег и сладостей. Подносы с подарками в количестве 5—10 (в зависимости от состояния родни) преподносили ей и другие родственники жениха. Оставив себе первый поднос, подарки с остальных высокая гостья раздавала своим спутницам. Мать невесты в свою очередь должна была послать подарки семье и родственницам жениха (бешметы, серебряные пояса, серьги, кольца и другие украшения), положив на те же подносы.

Родня караногайской невесты, по сведениям Г. Малявкина, по этому случаю дарила дому жениха: «отцу жениха шубу из черных курпеев (мелких), халат, шапку астраханскую, пояс широкий и белый широкий платок; матери жениха — кафтан, канаусовую рубашку, кольца на руки, шапку из лисицы и серебряные серьги, старшей снохе — колечко, старшему брату — кафтан и шапку, другу жениха — кафтан, племяннику — кафтан, жене брата — чулки и носки, остальным участникам в свадьбе — одному платок, другому кусок ситцу, третьему пояс и т. д. Родня невесты ничего не получает. Только женщины, привезшие молодую в аул жениха, получают в подарок по шелковой рубашке и материи на штаны»⁸¹. Заметим, что матери невесты и после этого требовалось неоднократно делать богатые подарки семье зятя.

Все гости из дома невесты оставались ночевать в кибитках родственников жениха, поставленных специально для них, и только утром после угощения уезжали к себе домой.

Как уже отмечалось, невесту, угостив медом у самого входа в кибитку, усаживали за занавеску или ширму на сундук или табуретку. У караногайцев в свадебном отаве невесты устраивали две ширмы: одну из них, поменьше размером, — «этек шымылдыкъ» («этек» — букв. «подол», «низ») — налево от входа в ки-

⁸⁰ *Ананьев Г. Караногайцы...*, с. 55.

⁸¹ *Малявкин Г. Караногайцы*, с. 165.

«битку», вторую — «тоббе шымылдык» («тоббе» — «макушка», «верх»), побольше, в виде полога — на самом почетном месте, т. е. у стены, что напротив двери. По прибытии невесту усаживали за малой ширмой; там она пребывала все дневное время в течение целой недели. За второй ширмой находилась постель для новобрачных. С невестой за ширмой устраивались две ее подруги, две енге садились впереди ширмы, остальные — где было свободное место.

Поздно вечером первого или следующего дня после приезда невесты (в зависимости от того, сколько дней продолжались свадебные торжества в доме невесты) жениха приводили в ее кибитку, где молодые и находились первую брачную ночь.

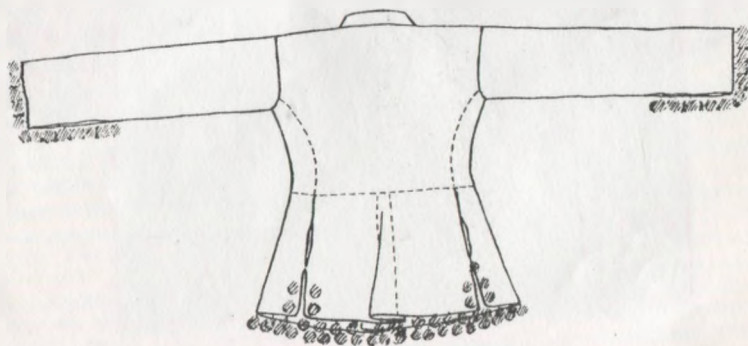
Вход жениха в кибитку за ширму к невесте, равно как и другие действия жениха по сближению с невестой, сопровождался целым рядом обрядов. От него прежде всего требовали взнос за «капашар» («открывание двери») ⁸², за право входа в свадебную кибитку. Второй взнос платил жених снохе за то, что она снимала с него мягкие кожаные сапоги или войлочные чулки. За это она забирала его новые шелковые портянки — «шылгав», специально приготовленные для этой цели. В более позднее время за эту процедуру жених платил деньгами. Затем он «выкупал» у снох право пройти за ширму к невесте, платил за «орын басар» («за то, что наступал на постель»), за «юркан ябув» (за «накрывание одеялом»), за «сойлесер» («чтобы невеста вступила в разговор с женихом») и т. д. Кроме того, жених должен был послать матери невесты 2—5 рублей денег — «бала улис» («пай ребенка»).

Интересное описание встречи жениха с невестой в первую брачную ночь у караногайцев дает Г. Малявкин. Он пишет, что после обряда бракосочетания, который происходит без участия вступающих в брак, жених «должен сам отыскивать свою будущую жену среди девушек. После венчания он инкогнито приезжает ночью в аул, входит в помещение, где спят девушки, и должен ударить плетью по той, которая назначена ему в жены. За ошибку платит штраф в пользу девушек. Сваха «енгей», постоянно сопровождающая девушку, помогает жениху, конечно, за известный подарок, найти невесту. Жених ударяет плетью по плечам девушки, та встает, жених хватает ее за руку, и они вместе идут в отдельный утов, где и проводят первую ночь... В других аулах обычай отыскивания невесты совершается несколько иначе. Жених, также ночью, приезжает и отыскивает свою невесту не в кибитке, а между девушками, которые неподалеку от кибиток гуляют и поют песни. Отыскав невесту, жених отправляется с нею в утов. Там же все время присутствует и «енгей». Случается, особенно когда новобрачная слишком мо-

⁸² Ср. с обычаем взимания платы за право входа в комнату невесты у кумыков «эшик ачар» («открывание двери»).

Свадебная шапочка невесты — «силауи»

Женский нарядный бешлет — «кантал»

Вышитый кисет для табака — «хонша»

лода, что «енгей» занимает ее место... Конечно, это держится в строгой тайне»⁸³. Этот обычай «нахождения» и «хватания» невесты женихом, широко практиковавшийся и у ряда других восточных народов, П. А. Кисляков интерпретирует тоже как пережиток, характеризующий переход от матрилокальности к патрилокальности⁸⁴.

Вызывает интерес сообщение Г. Малявкина и об особой роли жены брата невесты — енге, или енге⁸⁵, в частности о возможной ее сексуальной связи с женихом, когда невеста малолетняя. Полевые этнографические материалы не содержат данных, указывающих на существование этого обычая. Если все же допустить его бытование в отдаленном прошлом при каких-то определенных условиях, то этот обычай надо отнести к пережиткам древних форм брака, искать его исходные формы в дуальной организации. Обращает на себя внимание ряд моментов, связанных с особой ролью енге. В первую брачную ночь она все время находилась в помещении молодых. В народе это объяснялось тем, что енге должна была научить невесту подчиниться мужу и выполнять свои супружеские обязанности, особенно если невеста была несовершеннолетней. Помогая жениху, енге применяла даже физическую силу (недаром слово «енгей» ногайцы производят от глагола «енгмек» — побеждать, сломить сопротивление). Следует заметить, что енге не только первую брачную ночь проводит с молодыми, но и переезжает даже на некоторое время (на 10—15 дней) в дом новобрачных, обслуживает их, учит молодую женщину обязанностям жены, хозяйки.

Нечто подобное С. Г. Гмелин в свое время отметил у астраханских (юртовских) ногайцев, сообщая, что «сама сваха... изготавляет постелю, и за сей труд от жениха получает награждение. Она раздевает невесту, кладет ее на постелю, на которой жених со своею молодою женою три дни быть должен, и никто из них из сей спальни выходить не смеет, разве к тому приведед будет природною нуждою. Та ж самая женщина, которая делала брачную постелю, подает во время этих трех дней бракосочетавшимся есть, пить и воду для омовения»⁸⁶.

Утром после первой брачной ночи молодой муж получал от жены в подарок полный свадебный наряд: «куев кийит» —

⁸³ Малявкин Г. Караногайцы, с. 164.

⁸⁴ См. рецензию Н. А. Кислякова на работу В. В. Антроповой «Культура и быт коряков» (СЭ, 1972, № 5).

⁸⁵ Роль погайской енге во многом сходна с таковой у многих других народов Востока, особенно Средней Азии. По исследованиям Г. П. Васильевой, у туркмен обязанности енге выполняла «жена двоюродного или родного брата невесты», но она «при дуальной экзогамии происходила из того же рода, в который уходила невеста, поэтому не была чужой здесь» (см.: Васильева Г. П. Туркмены — нохурли. — Труды Ин-та этнографии, 1954, т. XXI, с. 198—199). Однако на ногайском и кумыкском этнографическом материале (по крайней мере на позднем) родство енге с родом жениха как традиционное явление не прослеживается.

⁸⁶ Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II, с. 191.

бешмет, украшенный золотым или серебряным галуном, черкеску с газырями, войлочные чулки, также вышитые или украшенные галуном на голенищах, папаху, по возможности из мерлушки. По обычаю, новобрачный все это передавал своему шаферу — «досу» с тем, чтобы тот разделил его между главными друзьями. После первой брачной ночи муж должен был уйти из свадебной кибитки незаметным. И впредь в течение 5—10 дней (иногда и месяца) он продолжал посещать свою жену почью, тайком.

У минераловодских погайцев (сел. Капглы) в первую брачную ночь жених в комнату невесты влезал через окно. С невестой за ширмой прятался обычно ее двоюродный или троюродный брат. Он требовал от жениха выкуп в 5—10 руб. за право входа в комнату сестры.

Заключительным этапом свадьбы был «бет ашар», «бет ашар той» («открывание лица», «свадьба открывания лица»). Этот обряд был посвящен приобщению молодой жены к семье и всей родне мужа. У караногайцев, терско-сулакских погайцев его проводили через два—пять дней или даже на следующее утро после первой брачной ночи молодых, а у кубанских, минераловодских, частично ачикулакских погайцев — через 10—15 дней или месяц после водворения невесты в дом жениха. В течение всего этого времени свадебные торжества продолжались. Нередко этот заключительный этап свадьбы даже превосходил своей пышностью предыдущие. Играла музыка, молодые танцевали, пели песни, устраивались призовые скачки и другие состязания.

Проводился «бет ашар» с участием всей родни и близких молодоженов. В ряде мест именно в этот день везли на арбах приданое новобрачной. Родственники новобрачной везли также бузу, кумыс, различные подарки, в основном предметы одежды (вышитые бешметы, башлыки и т. д.), которыми мать одаривала родственников мужа своей дочери.

В день «бет ашар» в разгар пира, музыки и танцев новобрачную выводили в свадебном наряде с закрытым лицом во двор в сопровождении двух енге, причем главная из них с флагом в руках держала ее с правой стороны. Новобрачная должна была недолго постоять во дворе, иногда она танцевала с тамадой или с другом своего мужа, но не открывала лица. Затем ее вводили в дом родителей мужа (порог его она переступала сперва правой, потом левой ногой) для совершения обряда. Там ее ждали женщины пожилого возраста из рода мужа и аульные старухи⁸⁷. «Келин вас приветствует», — обращалась к присут-

⁸⁷ У кочевых погайцев при обряде, носившем название «келин коорсетув» (показ невесты) в кибитке родителей мужа обычно присутствовали и мужчины старшего возраста, в том числе дед, отец, дядя и другие родственники мужа. Поблагодарив новобрачную за ее добрые пожелания, передавшие им через енге, они тут же называли свои подарки.

ствующим сопровождающая невесту енге. Присутствовавшие отвечали ей хором: «Пусть будет здорова и счастлива наша невестка». В этот момент сюда входили и представители дома, где во время свадьбы находился жених. По обычаю, один из них подводил к стоящей у стенки новобрачной мальчика (в знак пожелания, чтобы она рожала только сыновей), который палочкой или руками приподнимал с ее лица накидку или платок⁸⁸. За это мальчик получал подарок. Затем к невестке подходила сестра, тетя или мать ее мужа, которая, дав отведать ей меду, присланного из «туьскен уй», высказывала добрые пожелания. После совершения этого обряда новобрачную уводили в ее помещение, где енге спинала с нее свадебный костюм и украшения (у караюгайцев здесь же девичий красный платок сменялся на белый) и вместе с другими подарками из отцовского дома невестки приносила в помещение, где сидели женщины. Главная енге открывала сундук невестки и, вынимая из него все подарки (бешметы, платки, отрезы, украшения и т. д.), показывала их всем присутствующим, после этого, сложив вещи в том же порядке обратно, она ставила сундук перед старшей женщиной, которая тут же раздавала подарки приглашенным с учетом степени родства, материального участия в свадебных расходах, возраста и т. д. Свадебный же наряд новобрачной обязательно посылался в «туьскен уй» ее мужа.

В этот же вечер новобрачного выводили из «туьскен уй» и торжественно, в сопровождении большого числа молодых людей вели домой. Молодые люди шли с факелами в руках, с песнями, в которых говорилось, что они нашли и ведут домой «пропавшего сына». Недаром это шествие и весь церемониал, связанный с водворением новобрачного в дом его родителей, кубанские и минераловодские ногоайцы называют «куев шыккан той» — «свадьбой выхода новобрачного».

Новобрачного приводили к дверям комнаты, где сидели те же старые женщины и где утром открывали лицо его жены. По обычаю, принимала юношу самая старшая из патронимической группы семьи с щербетом, бузой и мясом. Она ласково называла его бродягой, заблудившимся, говорила, что все соскучились без него, напоминала, что ему пора начинать работать по хозяйству. Переступив порог дома с опущенной головой и низко надев на лоб палаху, новобрачный принимал от старой женщины дары и, пригубив щербет или бузу, тут же передавал все своему шаферу или тамаде. Затем он пытался, как можно быстрее, убежать в помещение жены. Но его хватали и начинали инсценировать «избиение» палками.

⁸⁸ Обряд открывания лица у ряда групп ногоайцев осуществлялся в свадебной кибитке двумя—четырьмя подростками (два мальчика и две девочки как символ многодетности). Такой же обряд существовал и у кумыков, исполнялся он на утро после брачной ночи и только девочкой, которую подводила старая женщина.

Затем новобрачного и членов его свиты приглашали снова в помещение и обильно угощали.

Из цикла церемоний, связанных с приобщением новобрачной к семье мужа, обращает на себя внимание обряд «бет йылыткап» («утепление, или согревание лица»). На следующий после обряда «открывания лица» день енге приводила новобрачную в то же помещение, где она была во время «открывания лица». Здесь она должна была стоять у стены, но уже с открытым лицом. Каждая из родственниц, начиная с самой старшей, поочередно подходила к ней и наступала правой ногой на ее ногу. Это символизировало пожелание родни новобрачного, чтобы молодая жена крепко обосновалась в семье, чтобы она была вынослива, терпелива, подчинялась порядкам семьи. Новобрачная обнимала каждую из женщин, прикладывая ко лбу ее руки (символ того, что невестка будет покорна, будет служить верой и правдой, уважать и угождать каждой). Свекровь избегала участия в этой церемонии, но ее «ловили» и приводили в комнату. Только по настоянию старших она в числе последних подходила к своей невестке и тоже наступала ей на ногу. Новобрачная не принимала участия в угощении, организованном для приглашенных женщин. Сразу же после окончания церемонии она уходила в свой отав.

Спустя некоторое время после свадьбы (от одного до двух месяцев) новобрачную торжественно «выводили за водой». Это был завершающий церемониал — «сувга пыгув» по приобщению ее к хозяйственной деятельности семьи мужа.

Как уже отмечалось, новобрачные имели свою отдельную кибитку, которую обычно снаряжал отец невесты. Эта кибитка доставлялась в аул жениха и ставилась позади кибитки его родителей. У некоторых групп ногайцев свадебную кибитку со временем стали ставить уже не родители невесты, а родители жениха. У оседлых же ногайцев жилищем для новобрачных служила одна из комнат в общем доме, но имеющая отдельные вход и сени. Так или иначе, но новобрачная на довольно длительное время (часто до года) бывала изолирована от семьи мужа. Доступ посторонним в ее жилище был почти закрыт. С мужем она виделась только в ночное время, когда он приходил к ней тайком от родни и всех посторонних.

После осуществления обряда «утепления лица» новобрачная начинала выполнять некоторые работы по дому. Месяц—два, иногда и более ей в этом помогали енге — жены братьев, одна из которых даже жила у нее до 12—20 дней. До года в обязанности новобрачной входили доставка воды, уход за телятами, стирка, уборка помещений, занятие рукоделием. Она вставала на рассвете, откидывала войлок — «серпик» с верхнего отверстия всех кибиток семьи (а иногда и соседей-аульчан), готовила теплую воду и умывальный прибор старикам до того, как они встанут. Всю работу делала она молча и вообще держалась обо-

собленно от других членов семьи. Даже оказавшись на кухне при приготовлении пищи, она не могла есть в кругу женщин. Для этого она шла в свое жилище. В отдельных случаях есть с ней оставались девочки, приносившие ей еду. Вообще, находясь в доме мужа, новобрачная больше всего общалась с детьми, особенно с девочками, которые служили как бы связными между пришедшей из чужого аула невесткой и всей остальной семьей.

Только по истечении известного времени (чаще года) молодая жена включалась в хозяйственную жизнь семьи полностью, но на ее долю по-прежнему приходилась самая тяжелая работа. С этого времени она могла бывать со всеми вместе в общей столовой — «уйкен уй», есть в кругу снох и других женщин.

Некоторыми особенностями отличался свадебный церемониал в случае умыкания девушки. Он был проще, многие звенья свадебного цикла вообще опускались.

Надо отметить, что брак умыканием был у ногайцев сравнительно редким явлением. В литературе отмечалось два вида такого брака: насильственное похищение (умыкание) и «похищение» с согласия девушки.

Г. Малявкин писал, например, о караногайцах, что «молодой погай, выбрав заранее себе невесту, подговаривал приятелей и ночью нападал на кибитку, где помещалась девушка... схватывал намеченную жертву и увозил ее, только не к себе, а в чужую кибитку и там проводил с нею первую ночь. После «первой ночи» девушка считалась женой увезшего парня и обычай не допускал обратного возвращения»⁸⁹. Констатируя существование обычая похищения девушки у ногайцев в середине XIX в., А. П. Архипов писал, что «это считается особым удальством, за которое, хотя оно и во всяком случае должно быть произведено с обоюдного согласия, дорого расплачивается иногда отважный наездник, если еще не успел вступить в короткие права»⁹⁰.

Похитивший, как правило, увозил девушку в другой аул, в дом влиятельного соплеменника, чаще всего аул бая (богача и главы общинной администрации) или мурзы. Последний, используя свое влияние, должен был не допустить кровопролития, оказать покровительство искавшим у него поддержки, сделать все для мирного разрешения конфликта. Большую роль в примирении сторон играли старейшины, которые выступали посредниками. Родня девушки, согласно этикету, сначала долго не соглашалась идти на мир, но в конечном счете уступала, ссылаясь на авторитет посредников. Бывали случаи, когда дело похищения вызывало трагические последствия — убийство и кровную месть.

Размеры калыма при браке увозом зависели от ряда обстоятельств. Согласно полевым данным, в отдельных случаях, особенно когда была похищена девушка из влиятельной семьи,

⁸⁹ Малявкин Г. Караногайцы, с. 162—163.

⁹⁰ Три отрывка из сочинения о погайцах и туркменах А. П. Архипова. — Кавказ, 1852, № 30.

требовали двойной калым. Имели место случаи, когда родители девушки были вынуждены идти на уступки, на меньший выкуп, чаще при уходе девушки с ее согласия.

С заключением соглашения о прекращении вражды назначалась свадьба в доме похитителя.

Обратимся опять к основному свадебному церемониалу. Через 10—20 дней после свадьбы мать новобрачной приходила (иногда посылала сноху) к ней и, попросив разрешения у свекрови, забирала дочь к себе домой. Этот обычай назывался «тоъркиине барув», или «тоъркинлей барув» (букв. «идет отдыхать в гости»)⁹¹. Срок ее пребывания в доме родителей обычно был непродолжительным. Она там оставалась не более месяца. По обычаю, в родительском доме ее принимали с почестями, устраивали угощение с участием родственников, делали подарки. Дочь в свою очередь раздавала родственникам гостинцы, которые посылала ее свекровь. Молодая женщина всячески делала вид, что она не замужем, старалась подчеркнуть, что в ее семейном положении не произошло каких-либо перемен. Она скрывала свой белый тастар — признак замужества и носила на голове бешмет. Из аула мужа она уходила незаметно, пешком, а к аулу отца подъезжала уже на арбе. Из отцовского аула она также уходила пешком, чтобы не привлекать к себе внимания, и только за аулом садилась на арбу. Подъезжая к аулу мужа, она снова сходила с арбы и шла пешком улочками, стараясь оставаться незамеченной. При последующих посещениях родительского дома это скрывание уже не соблюдалось.

Надо сказать, что новобрачная не должна была часто отлучаться из дома, посещать без особой надобности своих родителей, особенно если ее матери не было в живых. На этот счет у погайцев существовала пословица:

Атадан сонъ эркин йокъ, Анадан сонъ тоъркин йок.

(Без отца нет свободы, без матери нет поездки в гости в родной дом.)

В одних случаях вслед за дочерью, а чаще через 3—6 месяцев, родители новобрачной приглашали в гости и зятя — «куъев коъринмеге келсин» («Пусть придет зять, чтобы показаться»). Молодой человек отправлялся туда обычно со своими друзьями и вез хурджин с подарками (отрез на платье и платок для тещи, сладости). В доме родителей жены ему и его свите оказывали самый радушный прием, обильно угощали, а также делали значительно более дорогие подарки, чем те, которые привозил он:

⁹¹ О первоначальном значении этого термина в форме «törqüd», «törün», «türkün», «törgin», «törgün», «törküла» и др. см.: *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов, с. 48, 59; *Радлов В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 1. СПб., 1905, с. 1256—1257; *Кононов А. П.* Опыт анализа термина «türk». — СЭ, 1949, № 1, с. 44; *Потапов Л. П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений. — СЭ, 1959, № 2, с. 26—27.

рубашку из дарая, чепкен (для него самого), серебряный пояс (для его матери), кисеты, носовые платки и т. д. (для его друзей). Если зять не уезжал в тот же день, а в отцовском доме продолжала гостить дочь, то молодые супруги могли ночь провести вместе, но с соблюдением тайны. Утром зять уезжал с друзьями, оставив здесь свою жену. За женой (по крайней мере официально) он не приезжал. Как правило, она возвращалась в дом мужа в сопровождении какой-нибудь родственницы.

У некоторых групп ногайцев торжественный вывод новобрачной за водой нередко осуществлялся после ее возвращения из родительского дома. Многодетная сноха или другая родственница мужа водружала на плечи молодухи коромысло с наполненными водой ведрами. Этим актом завершались основные церемонии, связанные с бракосочетанием жениха и невесты и водворением новобрачной в доме мужа.

3.

ИЗБЕГАНИЯ И ЗАПРЕТЫ, СВЯЗАННЫЕ С БРАКОМ И СЕМЕЙНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Помимо свадебных обрядов, существовала целая система обычаев и запретов, которые, по традиции, продолжали соблюдать новобрачные и члены их семей.

Среди них особое место занимали у ногайцев запреты и ограничения, известные в литературе под названием обычаев избегания и связанные своим происхождением с древнейшими отношениями полов и формами брака, но сохранившиеся и в более поздние периоды истории развития семьи.

Прежде всего отметим, что обычаи избегания, запретов и ограничений у ногайцев были сходны с такими же обычаями многих других народов, прежде всего широкого круга тюркоязычного населения Средней Азии, Казахстана, Алтая, Поволжья и Северного Кавказа. Сущность их глубоко раскрыта в трудах М. О. Косвена⁹², Н. А. Кислякова⁹³, Л. П. Потапова⁹⁴, С. М. Абрамзона⁹⁵, Я. С. Смирновой⁹⁶, Г. П. Васильевой⁹⁷ и др.

Мы рассмотрим лишь формы запретов и избеганий («кашув») в отношениях между новобрачными, между новобрачной и род-

⁹² Косвен М. О. Этнография и история Кавказа.

⁹³ Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков; *Он же*. Очерки по истории семьи и брака...

⁹⁴ Потапов Л. П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков — «Кушграт». — Научная мысль, 1930, № 1.

⁹⁵ Абрамзон С. М. Свадебные обычаи киргизов Памира. — Труды АН ТаджССР, т. 120, Душанбе, 1960.

⁹⁶ Смирнова Я. С. Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. — СЭ, 1961, № 2.

⁹⁷ Васильева Г. П. Туркмены-нохурли. — ТИЭ, 1959, т. XXI.

ней мужа, повобрачным и родней его жены. Действие этих запретов наступает обычно со времени сватовства молодых. Именно с этого момента встречи их строго ограничиваются и облакаются тайной. Если где-либо появляется жених, невеста тут же должна уйти, то же самое делает и жених.

После заключения брака и свадьбы молодожены продолжали избегать друг друга, причем муж некоторое время жил еще вне своего дома. В это время свидания новобрачных происходили тайком и только ночью. После того как молодой муж возвращался домой, он почти все время должен был проводить в общей семейной комнате. Здесь могла присутствовать (после официального приглашения) и его жена, выполняя различные работы по дому, но супруги ни в коем случае не должны были разговаривать друг с другом и не имели права оставаться в этом помещении наедине. «Ногаец только в случае крайней необходимости станет говорить с своею женою при посторонних, а новобрачный как будто боится и совестится взглянуть днем на жену», — писал в 70-х годах прошлого столетия анонимный автор⁹⁸.

Запрет разговаривать друг с другом при людях (особенно старших родственниках) продолжался очень долго, нередко до тех пор, пока супруги не достигали солидного возраста или не стали как старшие возглавлять всю семью. Это особенно строго соблюдалось в тех случаях, когда молодожены жили в большой семье, включающей несколько супружеских пар, в том числе родителей и старших братьев.

Супруги долгое время общались друг с другом через подростков или говорили «в пространство», рассчитывая, что их услышит тот, кому адресовались слова.

Супруги никогда не называли друг друга по имени. Муж о жене обычно говорил: «она», «живущая в этом доме», «мать детей», а жена о муже: «мой князь», «мой хозяин», «отец детей», «мой бай» и т. д. Но если молодые супруги жили в большой семье, то и это не разрешалось. Обычай не позволял супругам проявлять внимание друг к другу, вместе появляться на улице, сидеть рядом в общественных местах, на свадебных пирах и т. д. Точно так же нельзя было вести речь при людях о своих детях, супруги делали вид, что их дети к ним никакого отношения не имеют, они стеснялись проявлять о них заботу. Если супруги куда-нибудь отправлялись вместе, то рядом никогда не шли: муж всегда шел впереди, а жена позади, на некотором расстоянии от него. Родительские чувства всячески скрывались. Молодая женщина не могла брать на руки своего ребенка при родственниках и посторонних, не могла покормить его грудью, успокоить, если он плакал. В таких случаях старшая в семье женщина должна была дать указание невестке подойти к ре-

⁹⁸ Кавказские жители. Природа и люди, № 6, СПб., 1879, с. 7.

бенку и накормить его. Ребенка молодая мать кормила обычно в своем помещении, а если условия не позволяли, то в углу общей комнаты. После рождения второго или третьего ребенка избегание матерью своих детей соблюдалось менее строго, иногда только в присутствии особо почитаемых стариков.

Наиболее соблюдались избегания между новобрачной и родней мужа. Правда, в отношении младших родственников мужа срок избегания ограничивался одной-двумя неделями. Что же касается избеганий между невесткой и старшей родней ее мужа, особенно по отношению к мужчине старшего возраста, то они соблюдались в течение многих лет. Особенно строгим было соблюдение норм избегания между невесткой и свекром. Невестка не только не говорила с ним и не могла назвать его по имени, но не произносила даже названия предметов, напоминающих имя свекра (Темир, Батыр, Отар и т. д.) и должна была этим предметам придумывать особые названия. Обычай «тил тутув» («язык держать») невестка должна была соблюдать до тех пор, пока не последует официальное разрешение от свекра. Получив такое разрешение, невестка делала свекру подарок — обычно бешмет, который ей для этого специально присылали из отцовского дома. У некоторых групп ногайцев (кубанские ногайцы и др.) существовал обычай, согласно которому в этом случае и свекор делал в свою очередь подарок невестке. После этого она могла свободно заходить в общее помещение семьи, в том числе и в спальню свекра, стелить ему постель, производить уборку, приносить ему воду и т. д. Но все-таки ее непосредственное общение со свекром ограничивалось до минимума. Если старики имели свою отдельную комнату и туда заходила невестка, то свекор обычно сразу же покидал помещение. Когда в семейном помещении находились свекор или другой старший родственник, невестка с другими членами семьи должна была разговаривать шепотом. Свое недовольство поступком невестки свекор мог выразить ей либо через свою жену, либо делая вид, что он обращается к дочери, жене или другим своим родственникам, но так, чтобы слышала невестка, которой эти слова адресовались. Недаром существовала пословица: «Кызым, сага айтаман, келиним, сен тынгла» («Дочь, тебе говорю, но слушай невестка»). Менее строгим и значительно более коротким по сроку было избегание между невесткой и старшими братьями мужа, невесткой и свекровью. После официального приглашения в столовую невестка сразу включалась в работу по дому и, следовательно, переставала прятаться от женской родни. В одних случаях она не разговаривала с матерью мужа вплоть до рождения первого ребенка, в других — до истечения пяти-шести лет. Бывали семьи, особенно большие и со строгими патриархальными порядками, где невестка не разговаривала со свекром и свекровью всю жизнь.

Тот же порядок соблюдался по отношению к бабушке, тетям и другим старшим родственникам мужа. «Приличия» требовали,

Чтобы инициатива снятия запрета исходила от старших — бабушки, матери, тети мужа, от которых зависел и срок избегания. Во многих семьях считали, что длительный срок обычая избегания свидетельствует о более высокой степени почета старшим, покорности.

Обряд «разрешения» невестке говорить — «келин сойле-тувь» — проводился в торжественной обстановке. Свекровь, приняв решение прекратить избегание, заранее сообщала об этом невестке через других женщин дома или через соседку, если в доме не было больше женщин. К этому дню готовили взаимные подарки и угощение. В назначенный день собирались родственницы, соседки, и перед тем как сесть за трапезу, невестка и свекровь обнимались, причем невестка прикладывала к своим губам и лбу двоекратно руку свекрови. К свекрови подходила ее енге (жена брата, дяди) и наматывала на ее правую руку платок (обычно шелковый, атласный) из родительского дома. Ответный подарок (отрез на платье) делала и свекровь. В течение одного-двух месяцев после этого обряда невестка говорила со свекровью очень робко, еле слышно, затем между ними устанавливалось нормальное общение.

Равным образом соблюдались разговорные запреты и избегания между мужем и родней его жены. Еще будучи женихом молодой человек не показывался родственникам своей невесты, прятался при встречах с ними, не подходил близко к дому, где жила ее семья. Если же обстоятельства вынуждали его встретиться с представителями семьи его невесты, то он должен был оказывать им всяческие услуги, обычно молча или ограничиваясь несколькими фразами. В целом же круг избегаемых им родственников был уже, а запреты мягче. В дальнейшем, после свадьбы, он избегал встречи с близкими родственниками своей жены только до тех пор, пока его не приглашали на специальный торжественный прием — «куев шакрыув». Этому приему, который происходил нередко через два-три года после свадьбы, предшествовал официальный визит родителей новобрачных вместе с близкими родственниками друг к другу. Интересно отметить, что в разгар пира в родительском доме мужа в помещение вводили одну из дворовых собак, на шею которой главная гостья — мать жены — повязывала большой шелковый платок — «казбалы». Значение этого обряда пока не выяснено, но, по-видимому, он символизировал прекращение отношений отчуждения.

После завершения этих взаимных визитов с обменом подарками родня жены приглашала зятя с его друзьями и оказывала им торжественный прием. Хотя после него с молодого человека снимались предписания избегания и разговорные запреты, его дальнейшие визиты к родственникам жены происходили редко и носили характер кратковременного и сдержанного общения. Так же сдержанно вели себя и родители новобрачной в доме

зятя, который они без особой нужды не посещали. Теща первое время без крайней необходимости (болезни, несчастье) избегала ночевать в комнате дочери, особенно когда зять дома. Однако запреты произносить имена родни жены зятю не предписывались. Исключение составляли запреты лишь по отношению к самым старшим почетным свойственникам, которых он уважительно называл дядей, отцом, матерью и т. д. Вся взрослая родня жены называла зятя «куев», а младшая родня «ездей». В разговорах о нем вместо его имени обычно употребляли термин, обозначавший по смыслу «домашний» их дочери, ее хозяин.

Вообще запрет на произнесение имен родственников был весьма характерной чертой быта ногайцев. Особенно такие запреты касались женщин. Остановимся на этом подробнее, так как ногайский этнографический материал в этом отношении чрезвычайно интересен. По существу для женщины имена всех родственников мужа находились под запретом. Для невестки был обязательным запрет называть по имени своего мужа, свекра, свекровь, их родителей, братьев и сестер, всей старшей и младшей родни мужа, старших снох и т. д. Более того, она не могла произносить имена не только живых родственников мужа, но даже и давно умерших. Ею не произносились также названия каких-либо предметов, созвучные с именами его родни. Так, по словам нашего информатора Д. Батыргазиева (сел. Тамазатюбе Бабаюртовского района), женщины, вышедшие замуж в родственные ему семьи, не произносили слова «гъажибудай» (кукуруза), так как оно было созвучно с названием его патронимической группы «Гъажибайлар» (Гаджибай), поэтому они заменяли его словом «сары зат» («желтая вещь»). По отношению к ряду старших родственников мужа невестка вместо их настоящих имен употребляла соответствующие термины родства, например, для свекра — «ата» (отец), или «атай» (то же самое, но ласкательно); дяди мужа — «ака», «акай», «ага» (господин — одинаково по отцу и матери), «атай»; свекрови — «ана», «апай» (если она не старая), «абай», «аьем» (если старая); тети мужа, так же, как мать мужа, — «абай»; старшего брата мужа — «ага» («дядя», «господин»); младшую сестру мужа — «атай кыз» (дочь отца) и т. д. Часто невестка придумывала родственникам мужа почтительные (старшим) и ласкательные (младшим) прозвища, соответствующие их полу, возрасту и положению в семье, а в ряде случаев эти прозвища она добавляла к терминам родства. В отдельных случаях уменьшительные и ласкательные прозвища или термины родства добавлялись к терминам свойства и социальной принадлежности. Так, свекровь она называла — «шешем», «бийим» («княгиня», «госпожа»), старших братьев мужа и дядю — «бий ага» («дядя», «князь»); тетю — «кайын бийке» (термин «кайын» применялся ко всем своякам, «бийке» — «княгиня», «госпожа»); младших братьев — «мурзавыл» («молодой князь», «мурза»), «кайын ини» («ини» —

младший брат), «куват» («сила»), «амал» («надежда»), «акыллы» («умный»); самого маленького брата — «алтын топ» («золотой мяч»), «шам шырак» («свеча», «светильник»), «кишкей яс» («маленький мальчик»); сестер моложе мужа — «ботагоз» («глаз верблюжонок»), «кайын бийкем» («госпожа»), «биргине» («единственная»), «акыллы» («умница»), «эрке» («баловница»), «сичълим» («ясновидящая»), «алтын шаш» («златокудрая») и т. д.

Если кто-нибудь из членов семьи мужа послал одинаковое имя с именем близкого родственника невестки (отца, брата, дяди), то последняя давала ему прозвище «аты уйкен» («большое имя») в знак особого уважения и к тому и к другому. Молодая невестка называла ласкательными именами или прозвищами и старших спох. Только с возрастом, после рождения ребенка, она приобретала право называть определенных родственников мужа, особенно младших, по именам. Здесь же отметим, что для обозначения свойства погайцы, как и другие тюркоязычные народы, употребляли термин «кайын», к которому, уже применительно к конкретному лицу (близким, старшим и младшим родственникам мужа или жены), добавляли и термин родства: свекру, тестю — «кайын ата», свекрови, теще — «кайын ана», дяде — «кайын ага» и т. д.

В свою очередь молодую невестку старшие родственники ее мужа называли обычно «келин», «келиншек», а младшие — «кешек», «енге».

Со временем старшие родственники мужа к названию «келин» добавляли ее настоящее имя, например, Асият келин, а младшие (подростки, дети), рожденные при ней, называли ее уважительно — «абай» (мать, тетя). Родня женщины для обозначения ее мужа применяла термины: «куьев», «езде», «джезде»; погаец называл сестру жены — «балдыз», ее дядю — «кайын ага»; мужья двух сестер называли друг друга — «бажа», снохи друг друга — «келин», «келиншек» (младше себя), «апсын» (равных по возрасту), «шешей» (старше себя) и т. д.

Таким образом, у погайцев в обозначениях свойства не трудно проследить классификационный принцип, деление на старших и младших, мужчин и женщин. Изучая семейно-брачные избегания и запреты у погайцев применительно к XIX—началу XX в., т. е. стадиально более поздние и пережиточные, мы можем заключить, что эти порядки по своему происхождению очень древние и отражают различные этапы развития истории их семьи и брака, продвигают свет на ранние отношения полов и формы брака, на линейность рода и формы локальности брачного поселения.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ, ПЕСНИ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Рождение ребенка ногайцы воспринимали как радостное, торжественное событие в жизни не только семьи, но и всех родственников. Многодетность рассматривалась как признак семейного благополучия и счастья. Однако в условиях отсталого кочевого быта далеко не всем ногайцам удавалось спасти своих детей от смертоносных эпидемий (оспа, тиф), опасных заболеваний. «Смертность детей до трехлетнего возраста превосходит всякую меру, — читаем мы в журнале «Телескоп». — Причина тому худое одевание в ненастную и холодную погоду, от чего рождаются лихорадки, простуды и чахотки, лишаящие их жизни... По этой причине, ежегодное число рождающихся превышает число умирающих в весьма незначительном количестве, и редко очень встречаются семейства многочисленные»⁹⁹. Многие авторы также отмечали, что рождаемость мальчиков у ногайцев была выше, чем девочек, что, возможно, было связано со вступлением в брак женщин в более раннем возрасте (12—15 лет), чем мужчин (20—25 лет). В связи с тем, что у ногайцев практиковался довольно высокий калым, рождение девочки встречали радостно, поздравляя с будущей калымной прибылью.

В доме мужа беременная женщина от тяжелого труда по хозяйству освобождалась редко. Рожала она в тяжелых, антисанитарных условиях. «Если женщине час рождения приближается, — писал С. Г. Гмелин о ногайцах Астраханской степи, — то отходит она на свою по земле разостланную постелю, на которой бывает в таком положении, что нижнюю часть тела садится к земле, а между тем крепко под пазуху подвязанными веревками безпрестанно ее в верх поднимают, ибо думают, что таким образом родить способнее. Место повивальной бабки заступает или мать роженицы, или свекровь, или искусная в том родственница»¹⁰⁰. Аналогичные сведения сообщал в более поздний период И. Т. Мутенин применительно к ачикулакским ногайцам. По его сведениям, женщина здесь рожала на куче сена, застланной куском войлока¹⁰¹. Какая-либо медицинская помощь отсутствовала, зато существовало много религиозно-магических обрядов, которые соблюдали неотступно, полагая, что они охраняют женщину. Так, по представлениям ногайцев, к роженице могла прийти «албасты» (демоническое существо), убить ее, проглотить или подменить младенца, поэтому, полагали они,

⁹⁹ Краткий обзор положения ногайских татар... с. 218.

¹⁰⁰ Гмелин С. Г. Путешествие по России, ч. II, с. 182.

¹⁰¹ Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы. — Архив ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 67, с. 42.

надо тщательно охранять помещение роженицы, ни на минуту не оставлять ее одну, не допускать, чтобы беременная женщина вышла из комнаты на зов, так как ее может вызвать албасты, имитируя голос знакомой и т. д. Согласно сообщению одного из авторов, в прежние времена при рождении ребенка родственники становились у входа в помещение, где лежала роженица, и «производили ужасный шум и бряцанье молотками в пустые котлы, чтобы тем, как говорят ногайцы, утратить и прогнать от дитяти дьявола»¹⁰².

По представлениям караногайцев, младенец появлялся на свет, держа в руках свое счастье. Но ангел, присутствующий при этом, брал из рук ребенка счастье и далеко его забрасывал. Вот поэтому-то, говорили караногайцы, «счастье свое человек находит далеко от того места, где родился»¹⁰³.

Рожать женщина уходила в дом своих родителей за месяц или два до родов. В одних местах (караногайцы) всех своих детей женщина рожала в родительском доме, в других (едишанцы — едишкульцы, ногайцы современного Нефтекумского района Ставропольского края) только первенца — «тунгыш». У кубанских же ногайцев этот обычай возвращения женщины в дом отца для деторождения, очевидно, исчез очень давно, так как о нем никто из информаторов, старейших ногайцев этого района, не помнит.

Роженица оставалась в доме своих родителей, пока ребенку не исполнится 40 дней¹⁰⁴. Муж в течение этого времени навещать жену не имел права. У караногайцев, по свидетельству некоторых информаторов, первенца после отнятия от груди воспитывали родители матери. Рожала женщина в той же юрте, где она жила. При родах присутствовали мать роженицы (у кочевых ногайцев), ее енге, но роль акушерки выполняла опытная бабка-повитуха — «киндикши», «эвана бийке», которая за свой труд получала подарок. Обычай требовал, чтобы, кроме самых близких, в помещение роженицы никто не заходил. В этот день все мужчины должны были непременно уйти из дома.

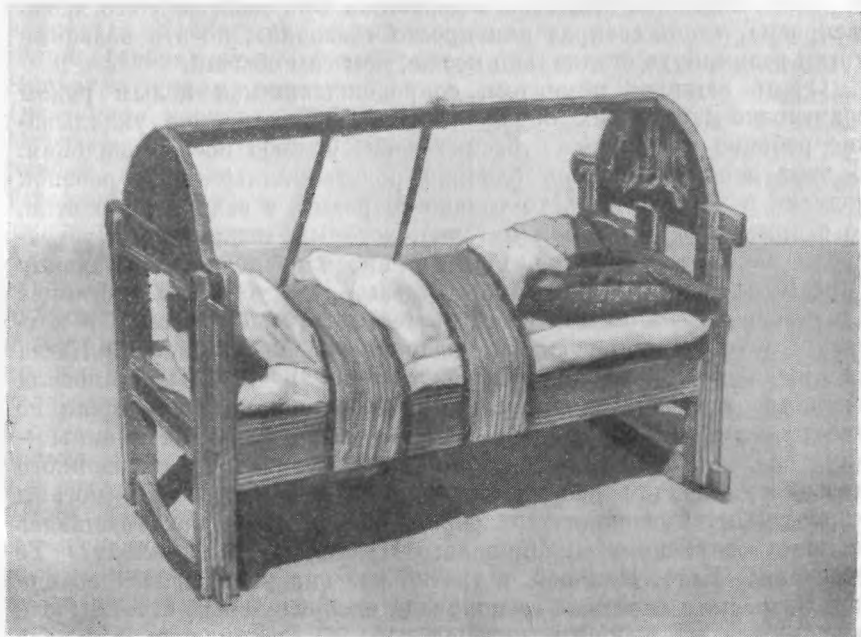
У кубанских ногайцев, где женщина рожала в доме мужа, последний уходил на одну-две недели к родственникам. Неудачные роды, смерть ребенка, роженицы обычно приписывали силе вредоносной магии (порче, напусканию вреда и т. д.), которую, по их представлению, могла применить какая-нибудь злая сноха или соседка.

С появлением на свет ребенка подростки спешили к родственникам сообщить радостную весть и получить подарок. Отцу

¹⁰² Кавказские жители. Природа и люди, № 6, с. 7. Об этом же обычае см.: *Малявкин Г.* Караногайцы, с. 166.

¹⁰³ *Малявкин Г.* Караногайцы, с. 166.

¹⁰⁴ Записано автором 1 июля 1967 г. в сел. Терекли-Мектеб Ногайского района от Арслановой Патимат (1894 г. рожд.).

ребенка сверстники крутили уши, и тот должен был откупиться, устроив им угощение с бузой.

Отрезав и завязав пупок ребенка, бабка опускала его в соленую воду, пеленала и, соблюдая обычай «аналык» («материнство»), передавала пососать грудь другой женщине из дома или соседке, у которой было молоко. Эта женщина получала от семьи подарок — серебряное кольцо. «Авызлаган бийке» — «женщина, грудь которой пососал младенец», «суьт ана» — «молочная мать» становилась как бы второй матерью ребенка и была почитаема им всю жизнь. Этим обычаем, уходящим, несомненно, своими корнями в глубокую древность, и подчеркивалась родовая общность детей¹⁰⁵.

С материнско-родовым началом можно, пожалуй, связать и обычай, согласно которому родители, после того как ребенок их дочери (внук) отнимался от груди, нередко воспитывали его сами¹⁰⁶. Этот же смысл имел и порядок, по которому в ряде слу-

¹⁰⁵ О переходе детей в род своей матери у ряда народов см.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 116—119.

¹⁰⁶ Ср. обычай, распространенный в Меланезии, согласно которому бабушка пользуется привилегией усыновить первого ребенка своей дочери (см.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 117).

чаев родители с выходом дочери замуж не отпускали ее в дом мужа, пока она не родит ребенка¹⁰⁷. В какой-то степени в связи с этим может быть истолкован и обычай, согласно которому мать не могла называть имя своего первенца. Она называла его «дочь свекрови», «дочь свекра» или просто «девочка», но эти названия могли возникнуть стадильно позже, чем сам обычай.

Очень важным моментом, сопровождавшимся целым рядом религиозно-магических обрядов, было торжественное укладывание ребенка в люльку — «бесик» через неделю после рождения. В этот день собирались близкие родственники (если ребенок родился в доме матери, то только ее родня, а если в доме отца, то с приглашением родни матери), которым хозяева дома устраивали богатое угощение. Гости приносили подарки младенцу (предметы одежды) и бабушке (отрезы). У кубанских ногайцев близкие родственники роженицы несли готовые кушанья в котлах, к которым привязывали подарочные шелковые платки. Когда все были в сборе, одна из родственниц роженицы приносила младенца в столовую семью (сама роженица в церемониале не участвовала) и передавала его в руки старшей женщины — «куртка», которая торжественно укладывала поворожденного в люльку, причем два раза специально неправильно (ногами к подушке). Совершая этот обряд, она каждый раз, обращаясь к присутствующим, спрашивала: «Правильно ли я кладу?» Те отвечали: «Нет». Наконец, в третий раз она укладывала ребенка как надо, и на свой вопрос получала одобрительный ответ. После этого одна из женщин, которая заранее специально держала в руках кошку, тут же клала ее на грудь ребенка, чтобы он спал «много и спокойно, как кошка». В этот же момент другая трижды подкатывала под люльку куриное яйцо со словами «юмырткадай тыгырсын» («пусть катится, как яйцо», т. е. рано начнет ходить). Обряд этот завершался тем, что одна из присутствующих женщин, имевшая ребенка грудного возраста, давала младенцу свою грудь.

На этих же торжествах ребенку давали имя. Обычно имя, заранее одобренное семейным советом, кричали в ухо ребенка, а присутствующие при этой процедуре хором говорили: «поздравляем». Имена выбирались преимущественно из мусульманского именника. Но нередко давались и чисто народные имена, как, например: Яраш, Кураш, Калсын (их значение: «чтобы дети остались живыми»), Къшбийке («княжна кочевья»), Кушбийке («солпечная княжна», «родившаяся во время восхода солнца»), Буранкыз («девушка, родившаяся во время бурана»), Элбийке («княжна парода»), Айбийке («луная княжна», «родившаяся в лунную ночь»), Къшааруув («красавица кочевья»), Къшеген («кочующая»), Джумакан («родившаяся в пятницу»),

¹⁰⁷ Записано нами у Зеида Койбалиева из Кара-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края в 1969 г.

Акиналы («денежная»), Каракыз («смуглая девочка»), Улан-герек («нужен мальчик»), Акбийке («белая княжна»), Мынълыбийке («грустная княжна»), Наъсипли («счастливая»), Асылбийке («благородная княжна»), Кувандык, Суыйиндик («обрадовались»), Койбагар («охраняющий овец», «чабан»), Гаджигелди («вернулся Хаджи»), Зармухамбет («долгожданный»), Черувхан («хан ополчения»), Батыр («богатырь»), Рамазан (название месяца), Темир — («железо»), Ак-Мурза («белый Мурза»), Алыпкет («возьми», «унеси»), Савкат («подарок»), Терикбай («терский бай»), Кудайберди («бог дал»), Эдилбай («волжский бай») и т. д. Рожденному в доме родителей матери передко давали имя Иен с добавлением еще другого имени: Иен Али, Иен Вали и т. д.

Если дети часто умирали, то, полагая, что семью преследует дух смерти, через пять-шесть дней, а иногда через год после рождения ребенка инсценировался обряд его похищения («кашырув») или усыновления («аталай», «аталык»). В таких случаях кто-нибудь из соседок или родственниц уносил ребенка к себе. В новой семье ему меняли имя, надевали на левое ушко кольцо. Родители инсценировали поиски «пропавшего» ребенка и через некоторое время его «находили» и «покупали» за деньги. Таким образом ребенок возвращался родителям. Считалось, что семья, отдав на время ребенка в другой дом, могла запутать дорогу «нечистым силам», обмануть дух смерти, который охотился за их детьми. Аналогичные суеверия наблюдались и у других народов, в том числе и у народов Кавказа¹⁰⁸. Вполне возможно, что в далеком прошлом этот обычай также был связан с матрилокальностью брака, приходом детей в род матери. М. О. Косвен на материале ряда народов убедительно показал, что такой похититель когда-то являлся родственником матери ребенка, материнским дядей последнего¹⁰⁹.

Через год-полтора ребенка отнимали от груди, столько же, а иногда и больше (до 3 лет) держали его в люльке. Молодая мать не имела права качать своего ребенка в люльке, держать его на руках при старших — эти обязанности выполняли старшие женщины или девочки-подростки. Колыбельные песни обычно пела бабушка. Приведем две песни, записанные у Байсовой Кабахан в ауле Икон-халк Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области в 1969 г.

Колыбельная песня мальчику:

*Лавв-лавв, бала, лавв, бала,
Лавв, лавв болса, не бола
Айланайым, кетейим,
Актап каптал этейим,
Кокьтен тувьме тувейим
Ковтерип алып сувейим.*

¹⁰⁸ Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 100.

¹⁰⁹ См.: Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, с. 117.

Гъайда-гъайда гъайдасы,
Кашан тиер пайдасы.
Яз тиймесе, куьз тиер
Ярлыкасын алласы,
Лаьв, лаьв, бала, лаьв, бала.
Лаьв, лаьв, бала, лаьв, бала.
Ляу-ляу, дитя, ляу, дитя,

Пусть баюкается этот ребенок
Вокруг тебя обойду, пойду,
Из белого тебе бешмет сошью,
Из синего пуговку пришью,
Подниму тебя и обниму.
Топай, топай, мой мальчик,
Когда будет польза от тебя?
Если ни летом, так осенью,
Да пусть поможет тебе бог,
Ляу-ляу, дитя, ляу, дитя.

Общая колыбельная песня для мальчиков и девочек:

Неге ятпайсынъ, ай, балам?
Неге йылайсынъ аьр заман?
Куьн етти батарга,
Куьнде батгы, тыншайды
Аьр бир зат уйклап яшайды.
Кетти куслар ятарга
Тавык, шипей, кеше уйклап баьриси
Уйкла, коьзим, йылама,
Энди мени кыйнама
Юм коьзинъди уйklarга
Уйкы дарман янларга.

Почему не ложишься, мой маленький?
Почему все время плачешь?
Солнце пошло на закат,
Солнце спрягалось, не видно.
Все в мире живо сном
Ушли спать и птицы.
Курица, цыпленок — все спят ночью.
Спи, мой глаз, не плачь,
Перестань меня мучить,
Закрой глаза, чтобы заснуть,
Сон — лекарство для существования.

После шести месяцев или года ребенку впервые стригли волосы — «карыншаш». Для этого ребенка-первенца везли к деду или дяде по матери, при этом преподносили ему новый нож. Стрижка происходила в торжественной обстановке с участием родственников ребенка как по отцу, так и по матери, с угоще-

нием. Дед или дядя, совершавший стрижку, делал ребенку дорогой подарок — жеребенка, бычка, телку. Если дети в данной семье подряд умирали, то на голове ребенка оставляли пучок волос — «айдар», который заплетали в косичку.

Как все исповедующие ислам, ногайцы делали своим сыновьям обрезание. Обычно, это осуществлялось в возрасте от двух до восьми лет. Для этой процедуры семья обычно приглашала муллу.

Детей ногайцы воспитывали в строгости и беспрекословном послушании, в уважении к старшим. С раннего возраста их приучали к труду по дому (девочек) и хозяйству (мальчиков). Суровый кочевой быт требовал выдержки и аскетизма. До шестисемилетнего возраста воспитанием детей в семье занимались преимущественно женщины, по и в это время мальчиков больше опекали мужчины (дед, дяди, старшие братья), втягивая их в традиционные мужские занятия. Девочка в ногайской семье занимала привилегированное положение, ей, по возможности, поручались легкие, «чистые» работы. С 11—12 лет как невесте ей отводили отдельное помещение, а если семья такой возможности не имела, то угол, который отделяли занавеской. Девочку с ранних лет одевали лучше, чем мальчика, учили кроить, шить, вышивать. В богатых семьях ее учили и золотошвейному искусству.

Светского образования дети не получали. Только представителям местной администрации удавалось устроить своих сыновей в русские школы. Зато в каждом ауле были мулла и примечетская духовная школа, где все образование сводилось к умению читать коран.

Много времени дети проводили в разных играх (мальчики играли в прятки, жмурки, бабки, волчок и т. д., девочки — в куклы, кольцо и т. д.). Особое внимание уделялось физической подготовке мальчиков. Они участвовали в состязаниях в беге, скачках, прыжках, в метании камня, стрельбе из лука. Они слушали, особенно в вечерние часы, и традиционную музыку, обычно в исполнении деда. Песни деда об удальцах — батырах, доступные для их возраста, воспитывали в ребятах храбрость.

«В отношении образования детей, — писал А. Павлов о ногайцах Кизлярской степи, — они придерживаются своих обыкновений. У всякого семьянина мальчики с 7-ми до 10-ти лет приучены уже к занятиям кочевой их жизни. Они мастера скакать на лошадях, ловить их в табуне; умеют ухаживать в поле за стадами рогатой скотины и овец, стричь с них шерсть; валять вместе с отцом, матерью, дедом, бабкою или дядею полости, выдельвать шкуры, мерлушки, шить тулупы и шапочки»¹¹⁰.

¹¹⁰ Павлов А. О карапогайцах, кочующих в Кизлярской степи. СПб., 1842, с. 33.

Мальчишки-подростки вечерами собирались друг у друга, пели песни, играли на домбре. В особые календарные дни, связанные с весной, осенью, первым весенним дождем, они организовывали шествие по аулу или в дома близких с песнопением. Так, в конце марта к весеннему празднику «навруз» ребята брали колючий кустарник — дерезу и ходили с ним по дворам с такой песней:

*Яз келди япан,
Тигилди кара шапан,
Энди келди яз заман
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Навруз келди муьбаьрек!*

*Уьй артында коьллер,
Кикылдайды казлар,
Бизге явлык бермейди
Кениншек минен кызлар.
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Навруз келди муьбаьрек!*

*Тур, тур анай, тур, анай,
Туьлки тонынъ кий, анай,
Бизге явлык бер, анай.
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Навруз келди муьбаьрек!¹¹¹*

*Пришла весна на степь,
Сшит черный шапан (шапан — халат),
Уже пришла весенняя пора.
Эй, собирай подснежник,
Навруз пришел, поздравляй!*

*За домом озера —
Гагакают гуси.
Нам не дают платка
Невестки и девушки.
Эй, собирай подснежник,
Навруз пришел, поздравляй!*

*Вставай, матушка, вставай,
Надень свою лисью шубу, матушка,
Подари нам платок, матушка.
Эй, собирай подснежник,
Навруз пришел, поздравляй!*

В каждом доме ребятам дарили какие-нибудь подарки (кисеты, платочки и т. д.), которые вешали на ветки дерева, а также сладости, фрукты, которые они вместе съедали, собравшись в одном из домов.

В апреле ребята устраивали такое же шествие по домам с песней «коькек», обращенной к юношам:

¹¹¹ Текст песни записан и любезно предоставлен нам А. И. Сикалиевым.

Коекек * батыр уыйдемекен?
Иер-турманы шуыйдемекен?
Акшал аты бавдамекен?
Бавда болса, киснесин,
Куйрыгын — ялын тислесин.
Куйрыгын — ялын яппага
Кызыл ширги ярасар.
Кызыл ширги уьстине
Кумисли иер ярасар.
Кумисли иер уьстине
Коекек батыр ярасар.
Коекек батыр колына
Алын камышы ярасар.
Коекек батыр ийпине окалы ямышы ярасар
Как-как этейим, какай берсенъ, кетейим.
Ярк-ярк этейим, яркай берсенъ, кетейим.
Аласамды токтагна,
Эсигинъ алдын боклатна ¹¹².

Коекек батыр дома ли?
Седло, сбруя висят ли на крючке?
Светлосерая его лошадь в загоне ли?
Если в загоне, пусть ржет,
Пусть покусает свою гриву и хвост.
Чтобы покрыть его хвост и гриву,
Украшением будет красный потник,
Сверх красного потника
Украшением будет серебряное седло.
Поверх серебряного седла
Украшением будет кокек батыра.
В руках кокек батыра
Украшением будет золотая плеть.
На плечах кокек батыра
Украшением будет бурка с позументом.
Скажу как-как (как курица),
И уйду, если отдашь яйцо.
Буду красоваться (как рыба),
Но уйду, если дашь рыбу (карася).
Не задерживай моего коня,
Не давай ему пачкать твой порог.

Когда шли первые весенние дожди или наступала засуха, дети также ходили по аулу с песней, обращенной к богу — «Тенгри». Они пели:

*«Коекек» — у ногайцев название месяца апреля и птицы удода. В данном случае — обращение к молодому батыру. Часто вместо «койкек» называют имя юноши из данного дома.

¹¹² Текст этой песни имеет несколько вариантов. Мы приводим вариант, записанный А. И. Сикалиевым.

Яв-яв, ямгырым,
Явын берсин Тенгрим.
Кара тана сояйым,
Оьке минен бавырын
Алып сага кояйым.
Аслыгымыз коьп болсын,
Курсагымыз ток болсын,
Бос этпесин казанды,
Ят этпесин баламды,
Онъ битирсин сабанды.
Яв-яв, ямгырым,
Явын берсин Тенгрим,
Эш соьнимесин тандырым ¹¹³.

Лейся, лейся, мой дождик,
Пусть Тенгри даст нам дождь.
Заколю черного бычка,
Легкие его с печенью
Я отложу для тебя.
Пусть будет у нас много зерна,
Пусть будут сыты наши животы,
Пусть не будет у нас горя и
болезней,
Да не сделает наши котлы пустыми,
Да не сделает чужим моего дитя.
Да сделает обильным урожай.
Лейся-лейся, мой дождик,
Пусть Тенгри даст нам дождь,
Пусть не остынет наш тандыр.

5.

ФОРМЫ ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА. АТАЛЫЧЕСТВО, ПОБРАТИМСТВО

Аталычество. Существовавший у многих народов под различными названиями общественный институт аталычества ¹¹⁴, согласно которому дети отдавались на воспитание в другие семьи, бытовал и у ногайцев.

Он был известен еще их далеким предкам. Аталычество нашло широкое отражение, в частности, и в фольклоре ногайцев. О порядке аталычества неоспоримо свидетельствуют эпические произведения, относящиеся к ногайскому, или, как его нередко именуют, «ногайлинскому» циклу, характеризующему внутреннюю жизнь Золотой Орды в XIII—XV вв.

Многие ногайские мурзы выступали в качестве аталыков детей крымских ханов, содержали и воспитывали их в своих улусах. Известно, например, что основатель Малой ногайской орды под Азовом Казымурза являлся аталыком младших детей крымских ханов Гиреев ¹¹⁵.

Трудно судить, в какой степени практиковался этот обычай среди различных слоев ногайского общества в ордынский период. Думается, что тогда он был распространен лишь среди гос-

¹¹³ Записано А. И. Сикалиевым.

¹¹⁴ Об аталычестве см.: *Косвен М. О.* Аталычество. — СЭ, 1935, № 2; *Гарданов В. К.* Аталычество (IX международный конгресс антропологических и этнографических наук). М., 1973; *Он же.* Аталычество у тюркских и монгольских народов. Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973, с. 28—30.

¹¹⁵ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.—Л., 1948, с. 15.

подствующих сословий — султанов, мурз, представителей высшей администрации, т. е. был ограничен определенными социальными рамками. Народная память не сохранила никаких воспоминаний о передаче детей на воспитание из среды незнатных семей, в то время как для мурз, напротив, этот порядок был характерен.

Судя по полевым этнографическим данным, в XVIII—XIX вв. у ногайцев существовали две формы атальчества. Остановимся подробнее на каждой из них.

Первая форма атальчества (воспитатель — «аталыкъ», «ата», «асрав ата», «атай»; жена аталыка — «ана», «аналыкъ», «асрав ана», «эмшек», «эмшек ана», «суьт ана», «дая»; дети аталыка по отношению к воспитаннику — «эмшеклер», «эмшек кардашлар», «суьтлес»; воспитанник — «асрав эмшек», «суьтискен эмшек улан» — мальчик; «эмшек кыз» — девочка; «увыл, угул» — сын) заключалась в том, что ребенка сразу же после появления на свет или через неделю передавали на воспитание в другую семью. В исследуемое время эта форма атальчества широкого распространения не имела и практиковалась, как правило, лишь в феодальной среде. «Аталыков (воспитателей) или имчеков (молочных родственников) не все имеют, большею частью сами матери кормят детей», — писал в середине XIX в. один наблюдатель быта кубанских ногайцев¹¹⁶. Ногайские султан, мурза, князь, иногда и именитый уздень отдавали на воспитание своих детей. Султан мог передать детей в семьи своих вассалов — мурз, мурзы же — рядовым и первостепенным узденям, иногда даже в семьи освобожденных крестьян. В основном это были (у оседлых ногайцев) крестьяне, живущие на родовых или пожалованных правительством землях князей и именитых узденей, расположенных поблизости от барского имения. В качестве критерия отбора семьи воспитателя учитывались ее обеспеченность, репутация в обществе.

Бывали случаи, хотя и редко, когда мурзы или султан отдавали своих детей в семьи представителей соседних народов, обычно черкесов. Так, у султана Азамат Гирея Ханова (конец XIX—начало XX в.) аталыками являлись черкесы Дышековы из Докшукинского аула. Но чаще ногайцы сами брали на воспитание детей из господствующего сословия других народностей, особенно черкесов и кумыков. «Многие знатные фамилии кубанских племен, — писал тот же автор, — отдают ногайцам на воспитание своих детей»¹¹⁷. В XIX и начале XX в., как видно из нашего полевого материала, аталыками княжеских и салаузденских детей кумыков Терско-Сулакской низменности нередко являлись соседние ногайцы.

¹¹⁶ М. Татарское племя на Кавказе. — Кавказ, 1859, № 89.

¹¹⁷ М. Татарское племя на Кавказе.

Передача на воспитание осуществлялась следующим образом: еще до рождения ребенка для этой цели намечалась семья (или несколько семей, из которых затем выбиралась одна). Причем, чем богаче был мурза, тем больше было претендентов стать воспитателем его детей. Мурза выбирал среди этих претендентов того, кто сможет оказать наибольшее влияние на общество. Известны случаи, когда султан или знатный мурза, не желая обидеть претендентов, отдавал своего ребенка сперва одному аталыку, а по истечении определенного срока — другому, затем третьему.

Бывали и такие случаи, когда феодал навязывал зависящей от него семье обязанность быть воспитателем его ребенка против желания последней. Если у мурзы было несколько детей, которые воспитывались у разных аталыков, то воспитатель старшего из детей (сына или дочери) назывался «бас-эмшек» («главный аталык»), а другие — просто «эмшек». Бас-эмшеком назывался, кроме того, и первый из аталыков, если ребенок переходил от одного к другому. При отдаче ребенка на воспитание требовалось, чтобы жена аталыка была здоровой кормящей матерью. У каждого княжеского сына, а также нередко и у дочери был свой аталык, с семьей которого он был связан всю жизнь. В день рождения ребенка или накануне прибывала в дом кормилица. Иногда первые оди-два дня или неделю ребенка кормила мать, но чаще всего его сразу же передавали кормилице. В этом случае кормилица оставалась в доме до тех пор, пока младенец не был наречен именем. После пира, посвященного наречению именем, который происходил с участием аталыка и его родни, ребенка перевозили в дом воспитателя. Жена аталыка, как правило, кормила грудью и своего, и княжеского ребенка. Но если она чувствовала, что молока двоим не хватает, то предпочтение должна была оказать второму. Своего ребенка в связи с этим приходилось вскоре после рождения подкармливать коровьим молоком, супами и т. д.

Жена аталыка, кормящая княжеского ребенка, должна была избегать новой беременности, в противном случае ребенка тут же отбирали родители. Они отказывали в этом случае аталыку в вознаграждении, обвиняли его в «порче» ребенка и передавали его в другую семью.

Срок пребывания воспитуемого в доме аталыка в старину колебался от двух лет вплоть до совершеннолетия. В конце XIX — начале XX в., в период изживания этого общественного института, ребенок находился у аталыка обычно до трех лет. Семья аталыка должна была за свой счет кормить и одевать воспитанника, учить военному делу, управлению хозяйством и т. д.

Аталык-погасец был «обязан своего питомца кормить, одевать, выучить ездить на лошади, стрелять и рубить, а иногда и грамоте»¹¹⁸. Аталык, его сыновья и родственники всегда сопровож-

¹¹⁸ М. Татарское племя на Кавказе.

дали воспитанника в его разъездах. Аталык должен был ограждать его от любой опасности, даже ценой своей жизни и жизни своих детей.

Воспитанницу семья аталыка учила будущим обязанностям хозяйки, матери, этикету. В доме аталыка девушка много времени должна была уделять рукоделию, золотому шитью, тканью тесем, галунов. Аталык вместе с женой время от времени (чаще по праздникам) на несколько дней отвозили ее домой родителям. Иногда родители, не предупреждая аталыка, навещали его, чтобы посмотреть, в каких условиях воспитывается их ребенок.

Готовя воспитанника к возвращению в родительский дом, состоятельные аталыки справляли ему богатую одежду, дарили хорошее оружие и дорогого коня, в ряде случаев скот. В небогатых семьях подарки делались более скромные.

Возвращение воспитанника в свой дом сопровождалось целым рядом торжественных церемоний. Родители готовили для приема сына, аталыка и сопровождающих их лиц богатое угощение, приглашали своих родственников. Воспитанника сопровождали сам аталык, его родня, а часто и весь аульный джамаат. Мужчины ехали обычно на лошадях, женщины — на арбах. В родном доме юноше устраивали торжественную встречу. Обычай требовал, чтобы такой же радушный прием со стороны родственников воспитанника был оказан семье аталыка и всем сопровождающим. Члены двух семей, отныне связанные крепкими узами дружбы, выступали со взаимными благодарственными речами. Певцы пели песни, восхваляющие молодого мурзу и его аталыка. Нередко тут же, за торжественным столом, отец воспитанника объявлял о своих дарах аталыку.

Обычно султан, мурза или знатный уздень одаривали аталыков своих детей скотом, земельным участком (у оседлых ногайцев), а также богатой одеждой — «кийитлер». У кубанских ногайцев плата за труд аталыка в конце XIX в., по данным наших информаторов, приравнивалась 10—15 коровам. Вообще же аталык пользовался большими привилегиями. Так, ногаец, если он был аталыком кумыкского князя, по существу являлся полновластным хозяином той княжеской земли, которую он обрабатывал; он пахал, косил, держал скот, сколько хотел, не платя никаких податей. Все это весьма обогащало аталыка. Например, ногаец Темирбулат — аталык кумыкского князя Ахая (конец XIX в.) стал фактически богаче, чем сам князь.

Через аталычество между двумя семьями устанавливались тесные отношения, равные родственным и налагающие на обе стороны большие обязанности. Воспитанник на всю жизнь сохранял связь с семьей аталыка, проявляя к нему знаки особого внимания и оказывая ему почести большие, чем даже своему отцу. С молочными братьями и сестрами воспитанник держался как с родными, но уважение оказывал внешне более подчерк-

нуто, чем к родным, особенно при посторонних. Особенно высоко почитал он свою кормилицу — «эмшек ана», «аналык», любую просьбу которой он обязан был выполнять безотлагательно.

Воспитанник всегда находил в доме аталыка и его родственников теплый, радушный прием, а в случае необходимости и защиту. Аталык принимал активное участие в судьбе своего воспитанника, защищал его интересы, до конца жизни являлся постоянным его советчиком, а в случае смерти его родного отца становился и опекуном. Аталык играл важную, а в ряде случаев решающую роль при выборе невесты для своего воспитанника (или жениха для воспитанницы). Он же был первым послом — «куда» при сватовстве девушки. Нередко сам аталык устраивал свадьбу для воспитанника или воспитанницы в своем доме, взяв на себя все расходы по организации торжества, в том числе и подготовку приданого.

Так, живший на Кубани Балтынский, или Балтаульский, ногайский князь (совр. Кизилюрт Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области) Туганов Ахмав в конце XIX в. передал на воспитание свою дочь Кушлюхан аталыку Кубанову Ораз Мухаммету, жившему в Шабазуле. Аталык не только вырастил и воспитал Кушлюхан, но и сам выдал ее замуж¹¹⁹. Другой пример такого же рода. Кумыкский князь из Аксая Салим-Солтан Капланов примерно в 60—70 годы XIX в. воспитывался в ногайской семье в ауле Мужукае, расположенном на родовых землях Каплановых. Когда воспитаннику исполнилось 18 лет, аталык обратился к его отцу с просьбой позволить ему женить и устроить свадьбу этого юноши. Получив согласие, аталык засватал для своего воспитанника княжну из Бурагана из рода Таймазовых. В назначенный для свадьбы день вся родня князя Капланова во главе с его отцом прибыла для участия в торжествах из Аксая в Мужукай. Свадьба была сыграна по обычаям и кумыков, и ногайцев. Все расходы по устройству свадьбы взял на себя аталык. Позже он был вознагражден за это землей и скотом. После свадьбы Салим-Солтан продолжал жить в ауле Мужукай, обосновавшись там на постоянное местожительство, но уже в своем доме¹²⁰.

Из дома своего аталыка, ногайца Темирболата¹²¹ (аул Мужукай), вышла замуж перед революцией и ныне здравствующая Саидат Алибекова, дочь князя Ахая Хамзаева, жившего в родовом имени Ахай-отар. «Я тоже вышла замуж за избранника аталыка и из его дома, — вспоминает она, — три-четыре претен-

¹¹⁹ Записано автором в сентябре 1969 г. в ауле Адил-халк Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области от Миржеева А. (1901 г. рожд.).

¹²⁰ Записано автором в 1969 г. от внучки Салим-Солтана Капланова Саидат Алибековой в сел. Бабаюрт Бабаюртовского района ДАССР.

¹²¹ Темирболат ранее был аталыком и двух сестер Ахай-бия, потом взял на воспитание Саидат.

дента на меня, одобренные моим отцом, были отклонены аталыком. После же его одобрения одного жениха он сам выдал меня за него замуж. Отец ему не мог возражать, не мог не посчитаться с ним. Половину моего приданого справил аталык»¹²². Став аталыком сестер, а затем и дочери князя Ахая Хамзаева, Темирболат по существу сделался самым близким ему человеком — ведал всеми делами князя, управлял его имением.

Если умирал кто-нибудь из двух семей, связанных узами аталычества, то все родственники из состава этих семей должны были соблюдать траур. Брак между членами семей, связанных узами аталычества, обычаем не допускался.

Второй вид аталычества, сохранившийся пережиточно вплоть до Октябрьской революции, а в отдельных случаях даже до 30-х годов, не был связан ни с кормлением грудью передаваемого на воспитание ребенка, ни, тем более, с поселением воспитуемого в дом воспитателя, ибо в данном случае аталыка выбирал себе взрослый молодой человек, или же, наоборот, аталык брал себе на воспитание юношу.

К сожалению, этот вид аталычества в свое время не привлек внимания исследователей и потому совершенно не изучен. Нет данных и о существовании аталычества такого рода у других народов.

Единственным источником для изучения и анализа этой своеобразной формы аталычества является полевой этнографический материал, несмотря на то что он во многом противоречив. Так, один из старейших ногайцев из сел. Бийсей-аул Нефтекумского района Ставропольского края Динмухамед Абдулгазиев (1884 г. рожд.) следующим образом характеризует этот вид аталычества: «Такое аталычество было у нас широко развито в мои молодые годы, потом оно стало практиковаться реже. Чаще, насколько я помню, аталыка имели бедные юноши и брали они в аталыки обычно состоятельных и влиятельных людей. Желаящий иметь наставника или покровителя обращался к определенному лицу, по его мнению, обладающему всеми нужными для этого качествами. Не было принято отказывать, поэтому согласие поступало тут же, при первом же обращении. Могло быть и так, что инициатива исходила от будущего аталыка. Союз двух лиц или семей оформлялся взаимным приглашением и подарками. Состоятельный аталык дарил своему подопечному коня или корову. У одного лица обычно бывал только один аталык, но сам аталык иногда имел несколько подопечных. Девушки тоже могли брать аталыка. Но им должен быть только мужчина.

Аталыков выбирали и для малолетних и даже для 30—40-летних».

Почти аналогичные сведения сообщил нам об этом виде аталычества К. Акмурзаев (1890 г. рожд.) из Вышеталовки Тару-

¹²² Записано автором в 1969 г. от Саидат Алибековой в сел. Бабаюрт Бабаюртовского района ДАССР.

мовского района Дагестанской АССР. «Аталыков, — рассказывал он, — брали обычно в возрасте 10—28 лет, чаще малоимущие ногайцы, у кого не было влиятельных родственников, покровителей, нередко юноши, оставшиеся без отца. О своем намерении вступить в отношения такого порядка обычно ногаец говорил своему будущему аталыку при приходе в гости или по делам. Со стороны же аталыка это чаще предлагалось при оказании юношей какой-либо услуги, проявлении к нему особого внимания».

Некоторые старейшие ногайцы считают, что эта форма аталычества была распространена очень широко, причем и между социально равными членами общества. По словам Аллиязова Алимурзы (1888 г. рожд.) из сел. Ново-Ленинаул Ногайского района, бай не признавал бедного и не мог быть его аталыком, а по сведениям Зеида Койбалиева (1898 г. рожд.) из Кара-Тюбе Нефтекумского района Ставропольского края, аталычество при его жизни было распространено у всех ногайцев, у разных слоев населения. «Мой отец имел двух аталыков: Савката и Абдулхалика, — рассказывал он. — Их жен отец называл «апай» (мама), а самих их «атай» (отец), так же как и своих родителей. Этот обычай сохранялся и в первые годы Советской власти, но редко.

У меня тоже есть пазванный сын Абдул, который в настоящее время работает в совхозе. Он ко мне относился и сейчас относится очень внимательно. Ему было 22—23 года, когда я стал его аталыком. Я устроил угощение, пригласив его с женою к себе, и назвал сыном. Это я сделал, чтобы тот не обиделся, что я не оказываю внимания ему, не считаюсь с ним. Он и сейчас навещает нас, интересуется, как мы живем, и мы тоже. Когда умер аталык моего отца, то отец наравне с его родным сыном принимал соболезнования и нес похоронные расходы».

Шамакаев Кулув (1913 г. рожд.) из аула Мангул Кизлярского района, основываясь на семейных преданиях и личных наблюдениях, рассказывает: «Говорят, что аталычество было раньше сильно развито, что многие имели своих аталыков. Насколько мне известно, если старый человек видел хорошего, услужливого юношу, то он говорил ему, что хочет стать его аталыком. В торжественной обстановке он оформлял этот союз, пригласив усыновляемого и его родню, делал ему подарок. Через несколько дней семья юноши также приглашала старика с родней. И сейчас в какой-то степени этот обычай сохраняется. Старик мог изъявить желание взять кого-либо себе в сыновья, если даже у него самого есть родные дети, а у юноши родители. Обычно в честь этого устраивают угощение и обмениваются подарками».

Согласно воспоминаниям Аймухаметова Мурада (1886 г. рожд.) из сел. Иргакли Кизлярского района, в прошлом многие имели аталыков, которые обычно помогали юноше собрать капитал, справить свадьбу, организовать хозяйство.

Помимо описанных, у ногайцев существовали и другие разновидности аталычества. Так, по словам Суюндуковой (1909 г. рожд.) из сел. Каясула Нефтекумского района, иногда две семьи, у которых одновременно рождались дети, договаривались породниться. Они приглашали друг друга в гости, обменивались подарками для новорожденных, и отцы семейств взаимно называли друг друга аталыками.

Можно выделить еще одну разновидность аталычества, которую условно назовем наставничеством. Она заключалась в том, что любой подросток мог обратиться к любому пожилому и уважаемому в обществе человеку с просьбой стать его аталыком-наставником. С таким предложением могла обращаться и семья подростка. Лицо, к которому обращались, чаще всего отвечало согласием, а если и отказывалось, что бывало редко, то для этого приводились веские аргументы (болезнь, занятость и т. д.). Такая разновидность аталычества нередко оформлялась клятвой стороп, публично. Заключая этот союз, заинтересованные стороны устраивали по очереди пир, на котором обменивались дорогими подарками. По свидетельству многих информаторов, к аталычеству этого вида прибегали юноши, а в ряде случаев и девушки самого различного возраста, но чаще всего с 9—10 до 25—30 лет ^{122а}.

В течение всей своей жизни аталык должен был постоянно покровительствовать своему подопечному, помогать ему советами, наставлениями, а если необходимо, оказывать и материальную помощь, защищать его общественные интересы, а в случае смерти отца забрать его к себе на жительство, воспитать, женить.

Воспитуемый в свою очередь почитал своего аталыка, постоянно оказывая ему знаки внимания, поддерживал его хозяйство, когда он в этом нуждался, принимал активное участие во всех событиях жизни аталыка и его рода, а в случае его смерти наравне с его сыновьями соблюдал траур, принимал соболезнование, нес расходы по организации похорон и поминок и т. д. Столь же активное участие он должен был принимать при женитьбе сыновей своего аталыка или выходе замуж его дочерей. После смерти аталыка, у которого не было прямых наследников, такой приемный сын мог наследовать его имущество.

Как вспоминают наши старейшие информаторы, одно лицо иногда имело двух аталыков одновременно, этим семья молодого человека, а равно и лица, бравшие на себя обязанности аталыка, подчеркивали особое уважение друг к другу. Первый аталык ни в коем случае не должен был обижаться на это.

Указанная форма аталычества, как и близкие им, описанные уже нами, носила классовый характер. Не случайно аталыков

^{122а} Записано автором в июне 1970 г. от Абдулгазиева Динмухамеда (1884 г. рожд.) в сел. Бийсей-аул Нефтекумского района Ставропольского края, а также у Зеида Койбалиева (1898 г. рожд.) в сел. Кара-Тюбе того же района.

старались брать из числа состоятельных людей, которые могли не только оказывать покровительство молодому человеку, но и поддерживать его материально, одаривать его скотом и т. д. Богатый ногаец, предоставляя свое покровительство, в свою очередь рассчитывал расширить через такое искусственное родство круг людей, на которых он мог оказывать влияние, рассчитывать на их поддержку, использовать их в своих эксплуататорских целях. Недаром наши информаторы отмечают, что внутри богатой прослойки ногайского общества этот институт почти не практиковался, что больше всего он был распространен между богатыми, с одной стороны, и бедными — с другой. Следовательно, бедного ногайца вступать под покровительство богатого и влиятельного заставляли обстоятельства, нужда в поддержке, которая покупалась довольно дорогой ценой.

Анализируя приведенные выше данные, мы видим, что ногайское аталычество представляло собой сложное социальное явление, широкому бытованию которого способствовали прежде всего патриархально-феодалные отношения.

Как любой другой общественный институт, аталычество у ногайцев представляло собой систему правовых и моральных установок, которые были детерминированы в конечном счете характером социально-экономических отношений¹²³. Каждая историческая эпоха вносила в этот институт свои дополнения и коррективы — менялись его общественные функции, содержание его норм, обрядов, возникали новые специфические черты, новые формы организации. В частности, анализ взаимоотношений аталыка и асрава в XIX—начале XX в. свидетельствует, что они в ряде случаев приобретали характер господства и подчинения и влекли за собой по сути дела эксплуатацию сильным слабым.

Если, так сказать, классическая форма аталычества с передачей ребенка на воспитание в чужую семью встречалась накануне Великой Октябрьской революции как единичное явление, причем только у оседлых ногайцев, то аталычество исторически более позднего типа в виде опеки, патроната или наставничества продолжало в это время еще широко бытовать. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, установление Советской власти, коренные преобразования социально-экономической жизни в ногайском ауле привели к полной ликвидации этого феодализованного родового института, его социальных корней.

Побратимство. Как уже отмечалось, для ногайцев в прошлом были характерны различные формы искусственного родства. Среди них заметную роль играло побратимство («кардаш тутув», «дос тутув», «аданас тутув», иногда «аталык тутув»). Суть этого обычая заключалась в том, что двое молодых людей (юноши или девушки, а иногда юноша и девушка), не состоявшие в кровном родстве, пожелав заключить союз вечной дружбы и братства —

¹²³ См.: Косвен М. О. Аталычество. — В кн.: Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 120.

«дослык», объявляли об этом своим родителям. Если родители одобряли его, то и та и другая семья с участием всех близких родственников устраивали в честь этого союза торжественный прием с угощением и делали побратимам дорогие подарки: юношам — чаще коня или жеребенка, реже — корову или телку, а девушкам — одежду, украшения. Для обозначения лиц, вступивших в такого рода побратимство, применялись названия: когда побратимы-юноши — «дослар» («друзья»), девушки — «кыймаслар» («подруги»), в случае же заключения союза о побратимстве между юношей и девушкой их называли соответственно: «аданас» («брат»), «карындас» («сестра»). Юноша почтительно обращался к своей названной сестре «аьптей» (если она была его старше).

У ногайцев нередко вступали в побратимство целыми семьями. В этом случае две семьи без инициативы со стороны детей сами могли об этом договориться, сродниться, устроив друг другу угощение и обмен подарками. Возраст детей при этом значения не имел. Дети побратавшихся семей называли главу другой семьи отцом или аталыком, его жену — матерью. Семьи-побратимы активно помогали друг другу в уплате калыма при женитьбе своих сыновей, а также в приобретении приданого и подарков при выходе замуж их дочерей. Как и при других формах искусственного родства, браки между побратимами (девушкой и юношей), а также между всеми членами двух семейств запрещались, однако допускались между остальными их родственниками.

6.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Похоронные обряды ногайцев аналогичны обрядам других народов, исповедующих ислам. Узнав о безнадежном состоянии больного, близкие спрашивали у него последнюю волю, стараясь сделать это возможно деликатнее. После этого приглашали муллу или другого служителя культа, который читал над умирающим суру из корана — ясин. Когда наступала смерть, все женщины окружали покойного и начинали громко оплакивать его, мужчины выходили плакать во двор. В тот же день умершего обмывали (мужчину — старые мужчины, женщину — старые женщины), облачали в саван — «кебин» (для мужчины три-четыре слоя, для женщин — пять слоев). На старую женщину, перед тем как завернуть ее в саван, обязательно надевали длинную рубаху — «ахират коьйлек» («рубаха того света»), или «ичмек кейлек» («посмертная рубаха»), которую, как правило, опоясывали кушаком из полотнища. Причесав волосы так, чтобы они спадали на грудь, на голову умершей надевали платок из белой бязи. В отдельных случаях завязывали еще чалму. Чалму завязывали и на голову мужчины. Когда умирали молодые люди

(юноши или девушки), на них надевали под савап нарядную одежду, а на девушек и украшения.

Похороны обычно организовывались в тот же день, особенно у оседлых ногайцев, но при условии, если смерть наступила утром или в середине дня. Если же смерть наступила под вечер, то похороны переносили на следующий день. У кочевых ногайцев в ожидании родственников, которые могли находиться в момент смерти больного в других аулах, умершего хоронили на второй и даже третий день.

Покойника клали в могилу лицом к югу и головой на запад. Могилу закрывали сверху камышовым настилом или досками (если возможно, дубовыми), поставленными полувертикально, чтобы вода не попадала на останки. Женщинам рыли могилу несколько глубже, чем мужчинам.

Ногайские кладбища — «облик», «мезар» — обычно располагались на возвышенных местах. Часто на одном кладбище хоронили умерших из нескольких кочевых аулов. Покойника везли на кладбище на арбе, подложив под него сено и подстелив войлок. Его сопровождали, как и на всем мусульманском Востоке, только мужчины: одни верхом, другие пешком. Женщинам присутствовать при погребении не полагалось. Когда умершего опускали в землю, то приносили в жертву скот (богатые — быка, бедные — барана). Жертвенная пища называлась «кумкавар», или «мушпел».

Церемониал, связанный с похоронами, оплакиванием («яс») умершего сородичами и приемом посетителей с соболезнованиями, продолжался семь дней. В эти дни всех, кто приходил с соболезнованием, угощали чаем. Посетители, как правило, подходили к дому умершего группами, с плачем, а мужчины низко кланяясь. Соболезнование посторонних принимали все родственники, и в первую очередь близкие родственники старшего возраста: мужчины — в кругу мужчин во дворе (стоя), женщины — в кругу женщин, обычно в помещении (сидя). Нередко, особенно у кочевников, почти весь похоронный церемониал (за исключением обрядов омовения покойника) в летний период года происходил во дворе, возле кибитки. Женщины и мужчины устраивались отдельно, хотя молодые мужчины время от времени подсаживались к женщинам с плачем, родственники при этом прикладывали к бровям руку козырьком.

Каждая взрослая родственница занимала положенное ей по обычаю место по степени родства и при появлении новых посетителей выражала свое горе не только плачем, но и причитаниями — «бозлавлар». Здесь действовали свои порядки. Не полагалось, например, причитать всем одновременно. Эту роль на себя брали женщины поочередно, близкие родственницы — чаще, дальние — реже. Обычай требовал участия в оплакивании и причитании и посторонних посетительниц, особенно в том случае, если семья покойника была им хорошо знакома или покойный

являлся родственником их родственников и друзей. Когда роль плакальщицы выполняла посторонняя женщина, родственницы должны были прекратить свои причитания и молча ее слушать.

Возникнув еще в глубине веков, песни-плачи с течением времени подвергались определенной шлифовке и приобретали стихотворную форму. Однако каждая исполнительница в готовую ткань плача и причитания вносила что-то свое, перечисляла основные события, связанные с жизнью и смертью оплакиваемого.

Плачи и причитания ногайцев включали различные выражения скорби по умершему, предсказания судьбы его осиротевших детей и вдовы, если он был женатый, матери, сестер и т. д. Во многих плачах отражались также религиозные представления, вера в загробную жизнь. Молодая вдова, например, таким образом оплакивала мужа:

*Алла язган язувым,
Атам коскан косагым,
Этими кийген коьйлегим,
Эт касыган тырнагым,
Калемпир туьсли коьйлегим
Кимге бердинь киймеге?
Касы аргымак айванды
Кимге бердинь минмеге?
Сув тилесень бал берген
Оьзинье алган кутсызды
Кимге бердинь суьймеге?¹²⁴*

*Судьба, определенная богом мне,
Отцом избранный мой друг,
Ты моя нательная рубаха,
Ты мои ногти, которыми я чесала
тело,
Платье мое из каламжера
Кому ты отдал надевать?
Своего собственного аргамака
Кому ты уступил ездить?
Ты просил воду, я давала мед.
Взятую тобой несчастную
Кому ты уступил для любви?*

Особое место занимают плачи матери, в которых подчеркивается ее безутешность и огромное горе. Например, мать в следующих выражениях оплакивала своего сына:

*Аргымак калды матавда,
Алганнынь калды отавда.
Аргымак калса, ял табар,
Льруьв калса, эр табар,
Ана калса, аврув табар, шер табар¹²⁵.*

*Аргамак остался связанным,
Жена осталась дома.
Если аргамак останется — он отдохнет.
Если красавица останется, мужа найдет.
Если мать останется,
Она неизлечимую болезнь найдет.*

Часть ногайских причитаний ведется как бы от имени самого покойного, как его предсмертное излияние. Этот прием состав-

¹²⁴ Ногай халк йырлары. . ., с. 118.

¹²⁵ Записано автором от Р. Койлубаева в июне 1969 г. в сел. Ново-Дмитровка Тарумовского района ДАССР.

ляет одну из характерных особенностей этого рода фольклорных произведений.

В ногайских плачах, так же как и в причитаниях и эпических песнях других тюркоязычных народов, коню (аргамаку) отводится особая роль. Наряду с осиротевшими детьми, овдовевшей женой, согнувшейся от горя матерью обычно рисуется и печаль копя, оставшегося без хозяина или перешедшего к другому владельцу.

В дни похоронного церемониала, а также на седьмой день — «етиси», на 40-й день — «кыркы», «арты» и в день годовщины умершего — «йылы» устраивались угощения (ритуальная пища — «кумкавар», «мушел» — состояла в основном из супа, мяса и лепешек — «бавырсакь»).

Расходы, связанные с организацией похорон и поминок, несли не только семья, но и все члены близкородственной группы — патронимин.

На 40-й день на могилу умершего ставили каменную (бедные деревянную) плиту, обязательно вырезав на ней его родовую тамгу. Надмогильная плита для мужчины в отличие от женской увенчивалась головкой.

Мужчины особую траурную одежду по случаю смерти сородича не носили, они лишь не брили бороды и до 40 дней или до года не надевали новой одежды. Женщины же носили (в зависимости от степени родства) траур — «кир киюв» три—пять месяцев, а близкие родственницы — до года. Траурная одежда состояла из черного платья, бешмета и белого платка. У ногайцев Терско-Сулакской низменности близкие родственники, собравшись в доме покойного в годовщину его смерти, совершали обряд снятия траура: они приносили с собой платки, отрезывали платье, резали и кроили их, одаривая бедных родственников, носивших траур. В Караюгайской степи в этот день иногда совершали и обряд оставления в семье вдовы умершего — «басын байлай» («завязывает голову»), чаще в качестве второй жены младшего или старшего брата покойного. В этих случаях повторного калыма не требовалось и бракосочетание проходило попроще (собирались лишь самые близкие). Оставшаяся в семье женщина пользовалась большим почетом, что свидетельствовало о значении левирата. Однако если у покойного родного брата не было, вдова могла уйти через год (оставив траурную одежду) в дом своих родителей, и никто из других родственников мужа не имел права ее задержать.

В целом похоронный церемониал у ногайцев был по сравнению с соседними горцами проще. Если человек умирал неестественной смертью (был убит кем-нибудь), что бывало очень редко у ногайцев, то похороны проходили сложнее, они сопровождались обычно нападением на дом убийцы, бескопечным оплакиванием, причитаниями, проклятиями в адрес кровника.

КРОВНАЯ МЕСТЬ

Как уже отмечалось, убийство среди ногайцев случалось редко. Убийцу называли «кан ишкен» («выпивший кровь»), «канлы яв» («кровный враг») или, если убийство совершалось случайно, — «кан явган» («тот, на которого пала кровь»). Если убийство было преднамеренным, родня убитого старалась отомстить за кровь. Это должен был сделать самый ближайший родственник по отцу — прежде всего родной брат, а при отсутствии — двоюродные, троюродные братья. Чаще, однако, дело кончалось миром. До примирения убийца и его близкородственная группа (отцовская) должны были находиться под защитой влиятельного аульчанипа или князя (у терско-сулакских ногайцев), а их дома охранял от поджога мстителя за кровь («кан алу») джамаат.

Примирение кровников у ногайцев происходило обычно следующим образом: через несколько дней после похорон убитого почетные и влиятельные люди данного аула — аксакалы, кадий, мурзы или князя — устраивали обряд «лицезрения» — «бет коьруув», во время которого враждующие стороны должны были несколько минут постоять лицом к лицу в 20—30 шагах друг от друга. Примиряющие размещались между ними, увещывая их прекратить вражду. Согласившись с этим предложением, обе стороны расходились по своим домам.

В большинстве мест убийца, уплатив цену крови, мог затем оставаться жить в своем ауле. У ногайцев Терско-Сулакской низменности, так же как у их соседей кумыков, убийца обязательно должен был уйти в канлы на 2—4 года. Обычно он скрывался в ауле другой группы ногайцев (таргу-ногаец мог убежать к костек-ногайцам, и наоборот) под чьим-либо покровительством. До отбывания срока канлы изгнанник не стригся и не брился, не участвовал в увеселительных сборах, вел замкнутый образ жизни, а в более отдаленном прошлом, судя по сохранившимся преданиям, послал постоянно оружие — кольчугу и шлем (еще в конце XIX в. в этом районе были факты, когда оружие давал убийце князь, под покровительством которого тот находился)¹²⁶.

По обычаю, за кровь убитого вносили выкуп — «кан тоьлев». Размеры его нередко зависели от влиятельности и многочисленности родни покойного. Судя по сохранившимся воспоминаниям, в прошлом ногайцы платили выкуп за кровь скотом, позднее же вносили 100 рублей серебром. Если семья покойного оставалась без кормильца, то убийца всю жизнь должен был помогать ей из своего хозяйства. Поскольку выкуп был большой, в его уплате

¹²⁶ Записано от Дж. Батыргазиева (1880 г. рожд.) в сел. Тамаза-Тюбе Бабаюртовского района ДАССР в июле 1968 г. — Архив ИНИЛ, ф. 5, оп. 1, л. 197.

участвовали все члены патронимии убийцы, а нередко и родня его матери. Чем больше был тухум убийцы, тем больше собирали «кан тоблев»; величина взноса сородича зависела и от степени его родства.

По окончании срока изгнания убийца просил разрешения вернуться в родной аул. Возвращение убийцы в аул и назначение срока окончательного примирения находились в зависимости также от влиятельности тухума убитого. Если переговоры с тухумом убитого завершались успешно, назначали день окончательного примирения — «ярасув». В этот день каждая сторона собиралась у себя. Представители джамаата вели убийцу и его близких родных в дом убитого. Убийца шел без шапки, с обросшей головой, босиком, засучив рукава и подвернув штанины. Родня, сопровождавшая убийцу, также была без шапок. Подходя к дому, все становились на колени и ползли на четвереньках навстречу семье потерпевших. Убийца первым подходил к самому старшему из рода убитого (брату, дяде и т. д.), который срезал с его головы прядь волос, тем самым освобождая его от траура по убитому. Затем подходили к потерпевшим и били челом все родственники, сопровождавшие убийцу. Родня убийцы приводила с собой корову для угощения, а также коня убийцы, его кольчугу, шлем, оружие, что означало, что он больше защищаться не будет, а отдается во власть тех, сородича которых он лишил жизни. Обычай требовал, чтобы семья убитого возвращала убийце коня и доспехи.

Прием убийцы и его родни в доме покойника был кратковременным, проходил без лишних слов. Аксакалы в это время вели разговор в основном о посторонних делах, о богоугодных поступках и т. д. Нередко женщины в другом помещении, вспоминая убитого, оплакивали его. После этого дня кровная вражда прекращалась, стороны теперь называли друг друга кровными братьями — «кан кардаш» и устанавливали между собою тесные взаимоотношения.

В Советское время кровная месть была окончательно изжита.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НОГАЙЦЕВ

 Победа Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала исторический поворот в судьбах всех народов нашей страны, в том числе и ногойского народа. Она навсегда избавила его от нищеты, социального и национального гнета, от неграмотности, открыла перед ним широкие просторы для экономического, общественно-политического и культурного развития.

Коренные социально-экономические и культурные преобразования, которые произошли в Ногойской степи за годы социалистического строительства, привели к глубокому переустройству всего уклада жизни народа, в том числе и семейно-бытовых отношений.

Большое влияние на это оказали революционные преобразования уже в первые годы Советской власти — осуществление декрета о земле на уравнильно-трудовых началах, земельно-водная реформа, создание товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) и выпасу скота, крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ), комитетов батраков и др. Огромное значение имела и политико-воспитательная и культурно-просветительная деятельность партийных и советских органов на местах.

Одним из самых значительных достижений, детерминировавших появление новых семейно-брачных отношений в Ногойской степи, было раскрепощение женщины, кардинальное изменение ее социального положения, вовлечение ее в общественное производство.

Дореволюционный ногойский аул мог служить ярким примером социального неравенства и угнетения. По далеко не полным подсчетам, в Ачикулакском округе¹, например, еще в первые послереволюционные годы бедняки составляли до 50% всех хо-

¹ Ачикулакский округ (часть современного Нефтекумского района Ставропольского края) с 1922 по 1938 г. входил в состав Дагестанской автономной советской социалистической республики.

зяйств в округе, вместе с батраками они насчитывали приблизительно 10 000 человек (из 19 600 человек всего населения, зафиксированного переписью 1926 г.). Удельный вес середняцких хозяйств достигал 28%, причем 8% из них составляли ногайцы и 20% русские и др.² В ауле Бийсей этого округа из 232 хозяйств 62 было батрацких, 117 — бедняцких, 32 — середняцких и 21 — кулацкое³.

Для ликвидации социального неравенства была разработана целая система мероприятий.

Наделение крестьян землей стало осуществляться «на уравнительно-трудовых пачалах так, чтобы потребительно-трудовая норма, применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования, не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца»⁴. В условиях Ногайской степи душевой надел общественной земли в рассматриваемое время составлял 2 десятины⁵, причем беднота наделалась «лучшей землей вокруг аула»⁶.

Однако в первые послереволюционные годы в связи с общей хозяйственной разрухой, голодом земельные наделы многих мало-мощных хозяйств не могли быть ими использованы. Имели место случаи, когда в ногайских аулах бедняки сдавали свою наделную землю в аренду зажиточным одноаульцам или жителям соседних аулов из Терской области⁷.

В этих условиях в числе мер, оказавших воздействие на улучшение социально-экономического положения ногайского населения, большую роль сыграла помощь Советского государства трудовому крестьянству: выделение различного сельскохозяйственного инвентаря, семейных ссуд, а также денег на покупку рабочего и племенного скота⁸.

Важное значение имело и создание в ногайских аулах сельскохозяйственных товариществ. Так, в Ачикулакском округе в первые же годы Советской власти было создано два сельхозтоварищества — «Хлебороб» и «Животновод». С 1 октября 1926 по 1 июня 1927 г. сельхозтовариществом «Хлебороб» округа было выдано долгосрочного и краткосрочного кредита (сельхозартелям и единоличникам) в размере 63 555 руб. 95 коп. При этом кредит распределялся следующим образом:

На приобретение скота	— 14 921 руб.
На покупку с/х машин	— 39 692 руб. 41 коп.

² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 48.

³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 92.

⁴ Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти. . . Махачкала, 1960, док. 175.

⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 101.

⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 93.

⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 92.

⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 43.

На землеустройство — 6000 руб.
На ремонт машин, орудий — 2942 руб. 54 коп.⁹

Согласно архивным данным, денежный кредит получили 25% бедняков, 70% середняков и только 5% зажиточных ногойцев.

Сельхозтоварищество «Хлебобор» выделяло ссуду и зерном. В одном только Бийсей-ауле Ачикулакского округа в 1925 г. крестьяне получили 908 пудов пшеницы, 52 пуда льна, 47 пудов кукурузы¹⁰.

Через товарищества ногойское трудовое крестьянство постепенно приобщалось к коллективному ведению хозяйства. В создании первых сельскохозяйственных производственных объединений важную роль сыграли крестьянские комитеты — кресткомы. В 1933 г., например, в Караногайском районе насчитывалось 11 кресткомов, объединявших 4540 членов¹¹. В распоряжение кресткомов предоставлялись тракторы, плуги, жнейки, сеялки и другой инвентарь и выделялись лучшие земельные участки.

По тому же Ачикулакскому округу в начале 1927 г. насчитывалось 12 сельхозартелей. Первоначально это были маломощные хозяйства. В распоряжении шести артелей, организованных на территории Кара-Тюбинского сельского Совета, в 1927 г., например, было четыре трактора, три паровых молотилки. Кроме того, каждая артель имела «жнейки, большие плуги в несколько лемешей, сеялки и другой инвентарь»¹².

Постепенно сельскохозяйственные артели укреплялись. Во многом этому способствовала хозяйственная заинтересованность ногойской бедноты, постоянная помощь государства, льготы по кредитованию и т. д. Все это отразилось не только на уровне жизни, но и на семейных отношениях ногойцев.

Изменения этого периода повлекли за собой распад пережиточно сохранившихся больших семей. Отделившись от большой семьи, молодые супруги создавали самостоятельное хозяйство, заводили новые порядки в быту.

Однако вплоть до окончательной победы колхозного строя семейные отношения ногойцев в определенной степени сохраняли основные черты традиционного патриархального быта. Сохранению старых семейных порядков способствовало и то, что подавляющее большинство ногойского населения было неграмотным, низка была общая культура народа. Создаваемые повсеместно ликбезы, школы для малограмотных, курсы по подготовке кадров, общеобразовательные школы для детей и подростков не могли сразу повлечь за собой изменения в быту. Массы трудящихся все еще придерживались отсталых взглядов на семейную

⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 43.

¹⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 98.

¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 165, л. 23.

¹² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 248, л. 103.

жизнь и домашний быт. По-прежнему встречались заключения брака по воле родителей, выдача замуж несовершеннолетних, двоеженство, ущемление имущественных прав женщин при расторжении брака, калым. При проведении мероприятий, направленных на осуществление равноправия женщин (на выборах в Советы, правления кооперативов, товариществ, лавочных комиссий, судебных заседателей и т. д.), в первое время нередко выступали против этих мероприятий даже бедняки-ногайцы, мотивируя это тем, что им, мужчицам, якобы неудобно подчиняться женщинам или сидеть с ними рядом на собраниях, совещаниях, что это противоречит установкам шариата и нормам адата. До 1927 г. у ногайцев действовал шариатский суд, за его сохранение выступали отсталые слои. Большое влияние на них оказывало мусульманское духовенство. В связи с этим браки и разводы оформлялись преимущественно по шариату. Женщина, расторгнувшая брак с мужем по своей инициативе, не всегда могла, согласно старым нормам, получить развод от мужа, что осложняло вступление ее в новый брак. С целью облегчения для женщины процедуры развода, пленум Главсуда ДАССР выработал в качестве временной меры специальное постановление «Об ответственности за непредоставление горцами своим бывшим женам развода по шариату после расторжения брака в органах загса».

Следует учитывать при этом, что в тот период в своем большинстве ногайские женщины еще не были в полной мере вовлечены в общественное производство, в общественно-политическую и культурную жизнь. «Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — огульного и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача», — подчеркивал еще в 1920 г. В. И. Ленин, придавая важное значение борьбе за экономическое и социальное равенство женщины с мужчиной¹³.

Коренные изменения в семейных отношениях ногайцев, формирование нового типа и структуры семьи, качественно новых черт семейного быта были связаны с победой колхозного строя, повышением культурного уровня и образования народа, большой политико-воспитательной работой среди населения, утверждением новой, передовой идеологии.

Массовое вступление населения Ногайской степи в колхозы началось в 1930—1932 гг. Темпы этого процесса в разных районах не были одинаковы. Объяснялось это рядом социально-экономических причин, и в первую очередь степенью подготовленности крестьянства к массовой организации колхозов. Несколько отставали темпы колхозного строительства в Караногайском

---

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 193.

районе, где основным направлением хозяйства было животноводство и где еще стойко сохранялся кочевой быт.

Огромное значение для восстановления и развития сельского хозяйства ногайцев имел их переход на оседлость. Значение этого процесса было подчеркнуто еще в 1924 г. Этот вопрос был поднят на съезде «представителей крестьянства, казачества и народов Ногай», происходившем в г. Кизляре: «Даг. ЦИК, придавая важное значение хозяйству ногайского народа, предложил наркомзему разработать меры, необходимые для перехода ногайцев к оседлой жизни»¹⁴.

Долгосрочные и безвозвратные кредиты на приобретение сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, семян, на устройство артезианских колодцев и оросительных сооружений, бесплатное обеспечение местными материалами для постройки жилых домов и хозяйственных помещений, освобождение от единого сельскохозяйственного налога согласно ст. 49 «Положения о едином сельскохозяйственном налоге», утвержденного сессией ЦИК СССР четвертого созыва, создавали необходимые условия перехода ногайцев к оседлости.

Только в результате земельно-водной реформы (1927—1934 гг.) было переведено на оседлость 3460 хозяйств ногайцев¹⁵, а в период сплошной коллективизации этот процесс был окончательно завершён.

Из года в год росло и крепло скотоводческое хозяйство, развивалась и новая для подавляющего большинства ногайцев отрасль экономики — земледелие. Караногойский район, который еще в 1925 г. характеризовался как район «беспосевной, скотоводческий, грубо-шерстно-овцеводческий и коневодческий»¹⁶, постепенно приобретал и полеводческую ориентацию. Появились огороды и сады. Ногайцы стали осуществлять введение новых севооборотов, улучшать ассортимент сельскохозяйственных культур. Много внимания уделялось и животноводству — улучшению пород скота, метизации овец.

Победа колхозного строя явилась подлинной революцией в сельском хозяйстве ногайцев, как и всех народов нашей страны. Основой величайших революционных преобразований в сельском хозяйстве стала социалистическая индустриализация. Новые общественные отношения пробудили неисчерпаемые созидательные силы и инициативу трудящихся масс.

Сегодня Ногайская степь — это район бурно развивающегося многоотраслевого, высокомеханизированного сельскохозяйственного производства, нефтяной и машиностроительной промышленности. Ногайские совхозы широко используют достижения современной науки и передовой практики. Таковы «Тамазатюбинский» Бабаюртовского района, им. К. Маркса, им. Ленина, «Путь-

¹⁴ Красный Дагестан, 1924, 16 октября.

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 127-р, оп. 17, д. 204, л. 29, 30.

¹⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 222, л. 111.

Ленина», «Кунбатарский», «Червленные Буруны» Ногайского района, «Огузерский» Кизлярского района, «Таловский» Тарумовского района и др.

Процветанию хозяйств Ногайской степи во многом способствовало создание широкой сети оросительных систем, в том числе таких крупных каналов, как им. Дзержинского, Кумского, Терско-Кумского, Сулу-Чубутлинского, Огузерского, Таловского и др. Степь покрылась и густой сетью источников питьевой воды — мощных артезианских колодцев.

Осуществление огромных водохозяйственных работ по мелиорации позволило населению Ногайской степи ввести в сельскохозяйственный оборот большие массивы иссушенных зноем, засоленных и других в прошлом пустовавших земель. Сбылись и по отношению к Ногайской степи пророческие слова В. И. Ленина, высказанные в известном письме коммунистам Кавказа еще на заре Советской власти. «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму», — писал В. И. Ленин, ставя задачу орошения в качестве одной из ключевых проблем развития края¹⁷.

На обновленной земле один за другим стали возникать благоустроенные колхозно-совхозные аулы, поселки городского типа с целым рядом хозяйственных, общественных зданий, учреждений культуры, здравоохранения, бытового обслуживания и т. д. В прошлом в самых безводных полупустынных частях степи выросли большие благоустроенные зеленые рабочие поселки нефтяников — Южно-Сухокумск, Восточно-Сухокумск и Кочубей, где бок о бок с ногайцами трудятся и живут представители многих национальностей.

Огромные изменения произошли и в культурной жизни ногайского народа. Ногайская степь стала краем сплошной грамотности, покрылась густой сетью общеобразовательных и специальных школ, лечебно-профилактических учреждений. Вырос большой отряд интеллигенции, занятой в народном хозяйстве и культуре, с каждым годом растет численность специалистов с высшим и средним образованием. Ногайцы сегодня имеют своих ученых, поэтов, писателей, композиторов и т. д.

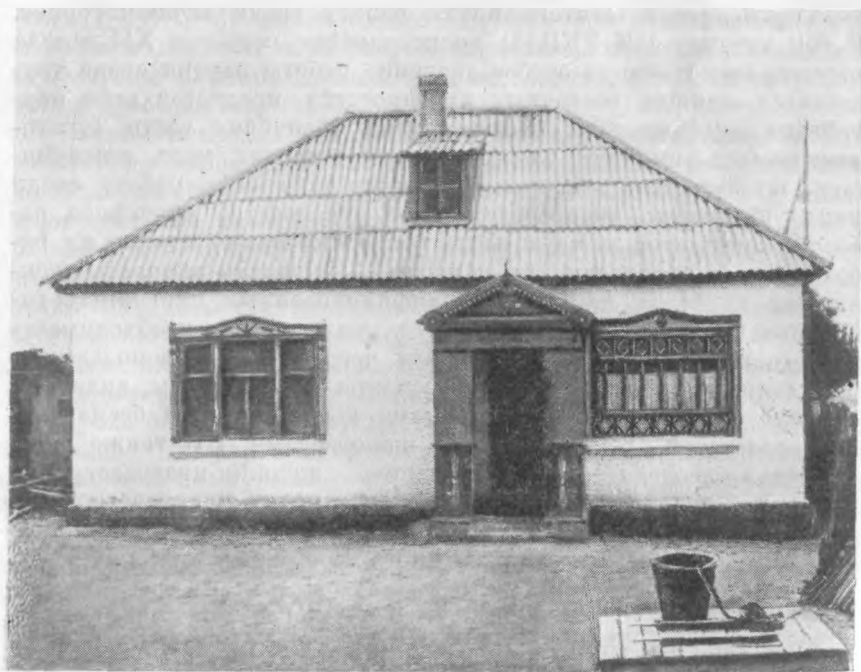

Одним из важнейших завоеваний Великой Октябрьской революции явилось раскрепощение женщины.

В цепи огромных созидательных задач социального развития ногайского народа, в создании семьи нового типа, в качественном изменении семейно-брачных отношений осуществление фактического равенства женщины с мужчиной имело большое значение. Революционизирующее воздействие на изменение семей-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 200.

ного и общественного положения женщины оказало советское законодательство о браке и семье, в основу которого был положен незыблемый принцип подлинного равноправия женщины и мужчины.

Особое внимание партия и Советское правительство уделяли вопросам раскрепощения женщины Советского Востока как наиболее отсталой, угнетенной части женского населения страны. Еще в 1923 г. в своем письме от 24 февраля «О методах работы среди горянок» Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) предлагало всем губобласткомитетам РКП(б) «организовать артели, мастерские из кустарниц, занятых в производствах данного округа с помощью проф., кооперативных и хоз. органов, втягивая эти объединения в кооперацию... Установить тесную связь со всеми местными детскими учреждениями, чтобы использовать учительниц как культурную силу, и с ее помощью близко подойти к горянке». «Основной целью, — отмечалось в письме, — всех указанных объединений является культурная и политико-просветительная работа, причем особое внимание надо обратить на ликвидацию неграмотности»¹⁸. Указывалось в нем также на необходимость использования института делегатов и индивидуального подхода «к отдельным сознательным горянкам, считаясь с бытом и условиями горской женщины». Бюро ЦК, кроме того, предлагало осуществить целый ряд мероприятий, направленных на ликвидацию неграмотности среди женщин, указывало также на необходимость вести агитационную работу среди мужчин-горцев. В том же году ЦК РКП(б) во исполнение решения XII съезда партии, «отметившего особое значение работы партии среди трудящихся женщин восточных народностей», предлагал всем партийным организациям национальных республик вести «углубленную агитационную работу» среди широких масс, коммунистов и беспартийных, усилить просветительную работу среди них», обеспечить «непосредственное руководство парткомов работой женотделов как в смысле контролирования планов их работы, так и проведения их в жизнь... укрепить аппараты женотделов подбором наиболее квалифицированных партийных работников». Центральный Комитет указывал на необходимость подготовки и женских кадров, для чего обязывал использовать разверстки в рабфаки, комуниверситеты и партшколы, включить в число командируемых парткомами коммунисток и беспартийных делегатов, рекомендуемых женотделами. ЦК также рекомендовал содействовать введению женщин-правозаступниц в местные коллегии защитников «как в целях практической помощи труженицам, так и для использования их работы, как одного из методов подхода к работницам Востока»¹⁹.

¹⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 4, д. 137, л. 149.

¹⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 4, д. 138, л. 73.

Советское правительство призывало руководящие органы Советской власти на местах и всех трудящихся республик Советского Востока «неуклонно следить за проведением в жизнь законов, ограждающих права женщин, бороться со всеми видами закрепощения их и принимать меры к привлечению тружениц Востока к участию в общественной и политической жизни на всех ступенях государственной работы»²⁰.

В директивном письме от 5 сентября 1925 г., подписанном М. И. Калининым, Президиум ЦИК СССР предлагал «обратить внимание на обеспечение прав женщин-крестьянок при проведении земельной реформы в национальных республиках и областях, продолжать и расширять начавшуюся работу по вовлечению трудящихся женщин Востока во все виды советского строительства... Систематически выдвигать зарекомендовавших себя с лучшей стороны, наиболее активных и способных женщин, постепенно на более ответственную работу, начиная с работы в сельских Советах и кончая работой в центральных органах республики».

Этим же письмом он обязывал государственные организации «в первую очередь при ежегодном составлении смет, включать в них содержание женских клубов, артелей, производственных и сельскохозяйственных, яслей, детских площадок, акушерских пунктов, консультаций и проч., расширяя при первой возможности сеть этих учреждений». Важно также отметить, что Президиум ЦИК СССР рекомендовал местным республиканским организациям вовлечь «при разработке смет на ассигнование на работу среди женщин Востока... представителей от отдела работниц и крестьянок»²¹.

Важное значение для укрепления правового и экономического положения женщины-ногайки имело специальное постановление президиума ЦИК Дагестана от 13 октября 1930 г. «О мерах к ограждению прав женщин-горянок при прекращении брака». В нем отмечалось, что в Дагестанской республике «вследствие вкоренившихся бытовых пережитков» женщины «продолжают находиться в материальной и моральной зависимости от мужа», который по-прежнему считается единственным распорядителем имущества семьи. Для ликвидации такого положения постановление предусматривало: «Владение, пользование и всякого рода отчуждение имущества, принадлежащего всему двору, и строение... нажитое супругами в течение брака, значащееся по документам за мужем... не может производиться без согласия на это жены». И далее: «Суд при разборе дела о разделе имуще-

²⁰ О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой. Постановление Президиума ЦИК СССР. — Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами СНК СССР, 1925. М., 1926, № 9, с. 134.

²¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, д. 389, л. 86.

ства семьи, если этого требуют интересы получившей развод жены, обязан разрешить вопрос о преимущественном праве оставления ее в хозяйстве двора и выхода из двора мужа»²².

Руководствуясь этими декретами, указаниями вышестоящих органов, местные органы республик Северного Кавказа издавали местные законоположения, учитывающие местные условия.

В осуществлении этих задач социального развития общества верными помощниками партийных организаций на местах были женотделы, созданные еще в 20-х годах при окружных и районных комитетах партии и возглавляемые наиболее энергичными, политически зрелыми, передовыми работницами. С 1925 г. отдел по работе среди женщин при Ачикулакском окркоме партии возглавляла Евдокия Викторовна Смирнова. В Караногайском райкоме партии работу среди женщин осуществляла сначала Постушенко (с 1927 г.), а затем А. Курмисва (с 1936 г.).

Отмечая большую работу женотдела Ачикулакского округа в этот период, один из корреспондентов газеты «Красный Дагестан» писал: «Ачикулакский женотдел, руководимый т. Смирновой, развивает энергичную деятельность, не ограничиваясь одной политико-воспитательной работой среди трудящихся женщин района — ногаек и русских — он всячески старается изыскивать и материальные средства, чтобы иметь возможность оказывать помощь беспризорным детям и нуждающимся женщинам. С этой целью женотдел, между прочим, выхлопотал себе в пользование от районного земотдела участок земли в 50 десятин... как только наступила благоприятная погода, женотдельские работницы мобилизовали все свои силы и засеяли 12 десятин, урожай с которых должен составить основной натуральный фонд женотдела. Недавно женотделом был поставлен спектакль, сбор с которого пойдет на приобретение литературы»²³.

Вокруг женотделов был создан широкий актив, с помощью которого успешно проводились в жизнь мероприятия по ликвидации неравноправного положения женщин.

Большая политико-массовая и культурно-просветительная работа проводилась клубами, саклями ногаек, которые были открыты в ряде населенных пунктов (Терекли-Мектеб, Ачикулак и др.) в середине 20-х годов.

В них собирались женщины на делегатские собрания, на торжества по случаю революционных праздников, в день 8 марта; здесь же устраивались громкие читки газет, проводились беседы на различные актуальные темы, разъясняющие политику партии в деревне, мероприятия по раскрепощению женщин: «Закон о трудовом землеустройстве и землепользовании», «Кооперация и женщина», «Партия и женщина», «Что такое союз Всерабземлес

²² ЦГА ДАССР, ф. 566-р, оп. 5, д. 2, л. 80.

²³ Красный Дагестан. 1924, 16 декабря.

и для чего он нужен батрачке?», «Просвещение и женщина», «Крестьянка и комитет взаимопомощи», «Продialog», «Об участии женщин в восстановлении сельского хозяйства района», «Знахарство и женщина», «Сельсовет и женщина», «О вреде калыма», «Медицина и знахарство». В клубах и саклях ногаек женщины собирались для обсуждения законов о правах трудящихся женщин, о судопроизводстве, а также повседневных указаний вышестоящих органов. Клубы и сакли проводили большую работу по пропаганде правовых знаний, по охране материнства и младенчества, по внедрению основ санитарии и гигиены, привитию культурных навыков, необходимых для жизни семьи и воспитания детей.

При клубах и саклях ногаек создавались юридические, детские консультации, кружки правозащитниц (защитников), кройки и шитья, санитарный, драматический и т. д. Женщины с помощью учительниц, врачей выпускали стенные газеты, готовили спектакли, проводили «Недели ребенка», кампании «Трехдневки туберкулеза» с «кружечным сбором».

Важной функцией женских клубов и саклей ногаек являлась ликвидация неграмотности.

Каждый практический шаг, направленный на раскрепощение женщины, в первое время давался с большим трудом, путем упорной борьбы с вековой отсталостью, патриархальным укладом жизни, пережитками прошлого.

В первые годы Советской власти были известны случаи преследования, избития и даже убийства активисток-ногаек. Так, в Караногайском районе была убита женщина-ногайка родным братом за то, что она посещала ликбез²⁴. Партийные, советские, комсомольские, профсоюзные, судебные органы вели решительную борьбу со всеми реакционными силами, распространявшими клевету на активисток, мешавшими росту их социальной активности. Беспощадная борьба велась и против калыма, фактов двоеженства, выдачи несовершеннолетних замуж и других обычаев и обрядов, мешавших становлению новых норм жизни.

Острота этой проблемы видна, например, из письма батраков Караногая в ДагЦИК, опубликованного в «Красном Дагестане» 12 марта 1926 г. В нем они писали: «Мы, караногайские батраки, обращаемся к Вам с просьбой войти в наше положение и устранить разные ненормальности. Ненормальность у нас в Караногое заключается в следующем: дело о многоженстве и калымах. Мы, бедняки, совершенно не можем жениться, не хватает у нас сил дать калым, а без калыма не возьмешь жену. Кулаки, муллы и эфенди женятся на двух и на трех женщинах. Бывают случаи, когда бедняк хочет жениться на какой-то девице, и вдруг вхо-

²⁴ См.: Гаджиева С. Ш., Мелешко А. Г. Женщины Советского Дагестана. Махачкала, 1960, с. 44.

дит кулак и говорит, что дам хороший выкуп, выходи за меня замуж, и она также выходит. Мы просим как можно скорее изжить этот вредный обычай».

Против нарушителей законов Советской власти о равноправии женщины устраивали показательные суды, во всем выступали застрельщиками активисты, бедняки, бывшие батраки и т. д.

Эта большая разносторонняя и систематическая работа не замедлила дать свои результаты. В Ачикулакском округе уже в 1926 г. было охвачено клубами и саклями 842 женщины. 113 стали членами профсоюза, 175 — членами потребительской кооперации, 9 женщин вошли в состав лавочной комиссии, 1 женщина — в состав правления и 1 — в состав ревизионной комиссии. В этот же период 93 женщины ликвидировали неграмотность, обучаясь в 13 ликпунктах. Если в 1925 г. по этому же округу было избрано 125 делегатов, в том числе 87 ногаек, то в 1928 г. — уже соответственно 457 и 162. Вообще же было охвачено делегатскими собраниями 2218 женщин. Росло их участие и в выборах в органы власти. Если в 1924 г. в выборах в сельские Советы принимало участие 676 женщин и было избрано депутатами местных Советов 20 женщин, то в 1926 г. — 1771 женщина, из них в составе депутатов Советов 44, в том числе 29 ногаек²⁵. По данным 1926 г., в этом же округе в рядах партии числилось 105 женщин, из них 50 ногаек, в рядах комсомола — 172, членами общества «Долой неграмотность» — 56 человек. В 1925 г. состоялось собрание делегатов ставки Ачикулак, где присутствовало 37 делегатов. Они постановили: «Вступить всем делегаткам в члены ОДН и создать свою ячейку ОДН и вести широкую агитацию среди крестьянок». Женщины вели самую разностороннюю общественную работу, особенно члены местных Советов. Лозунгом текущего дня было: «Ни одной женщины — члена Совета без практической работы, без обязанностей по советскому строительству»²⁶.

В пределах округа наиболее успешно осуществляли работу среди женщин сакли ногаек в аулах Кара-Тюбе, Артезиан-Мангит, Нукус-Артезиан и Камыш-Бурун. Они были объявлены «ударными пунктами работы» женотдела окружного комитета партии²⁷.

Росла тяга ногайцев, в том числе женщин и девушек, к учебе. В Ачикулакском округе в 1927 г. насчитывалось 17 специальных женских ликпунктов и 2 школы для малограмотных, в которых в том же году ликвидировали неграмотность и малограмотность более 120 человек. Кроме того, в общеобразовательных школах обучалась 701 девушка, в том числе 124 ногайки²⁸.

²⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 277, л. 5; оп. 7, д. 362, л. 2—3, 32, 57.

²⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, д. 355, л. 64.

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 277, л. 55.

²⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, д. 362, л. 29—30.

Росла активность женщин в Караногайском районе. В 1933 г. 3 женщины работали заместителями председателей сельских Советов, 29 — членами Советов; 2 — заместителями председателей колхозов, 15 — членами правлений колхозов; 4 — заведующими МТФ в колхозах, 4 — бригадирами, одна — членом правления райпо. Кроме того, 378 были участницами делегатских собраний²⁹.

Рост общественно-политической активности женщины стимулировался не только кардинальными социально-экономическими преобразованиями, но и ростом культуры республики в целом, и ногайских районов в частности. Так, например, в Ногайском районе, население которого в дореволюционном прошлом являлось наиболее отсталым, в настоящее время функционирует 19 школ, из них 6 средних, 8 восьмилетних и 5 начальных. В 1976/77 учебном году в школах учились 4803 ученика, в том числе 2347 девочек. Кроме того, в районе имеется 5 интернатов, где воспитываются 410 мальчиков и девочек (в основном дети животноводов), 11 дошкольных детских учреждений. В районе трудятся 359 учителей, из них 167 человек с высшим образованием. Здесь функционирует лечебное объединение, где работают 203 медработника. Из них врачей с высшим образованием 23 человека и со средним медицинским образованием более 80 человек³⁰.

Из года в год росла активность женщин-ногаек. Они стали занимать равное с мужчиной положение во всех звеньях народного хозяйства и культуры.

В настоящее время в сельском хозяйстве, промышленности, народном образовании, здравоохранении, в учреждениях культуры, в управленческом аппарате и торговле ногайских районов женщины составляют почти половину всех работающих. Так, в Ногайском районе более 300 женщин успешно трудятся в животноводстве — ведущей отрасли сельского хозяйства района. Большинство из них — ударники коммунистического труда³¹.

Огромные сдвиги, наблюдаемые в распределении женского труда по различным отраслям народного хозяйства и внутри каждой отрасли, объясняются, с одной стороны, тем, что у современной женщины-работницы намного вырос общеобразовательный, культурный и профессиональный уровень. С другой стороны, с каждым годом все более увеличивается роль механизации и автоматизации производственных процессов в совхозах и колхозах, что намного расширяет границы использования женского труда без ущерба для ее здоровья. И, наконец, меняются социальные ориентации женщин. Если раньше женщины были

²⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 165, л. 32.

³⁰ Текущий архив Исполнительного комитета народных депутатов Ногайского района ДАССР.

³¹ Дагестанская правда, 1971, 5 марта.

ориентированы исключительно на семейно-бытовые функции, то теперь и на общественные, на активное участие в профессиональном труде вне дома.

В целом в настоящее время в народном хозяйстве и учреждениях культуры района трудятся более 850 специалистов с высшим и средним специальным образованием и более 500 человек с общим средним образованием. Почти половину из них составляют женщины-ногайки. Об активной жизненной позиции свидетельствует и численность девушек среди учащихся профессионально-технических училищ, студентов вузов, техникумов за последние 10—15 лет. Из 200 человек одного только Ногайского района, обучающихся в различных учебных заведениях г. Махачкалы, добрую половину составляют девушки. Многие ногайки учатся в вузах и техникумах Ставрополя, Черкесска, Москвы, Ленинграда и т. д.

О коренных изменениях в культурной жизни ногайцев уже в первые годы Советской власти представляет интерес статья «Луч света в Караногое», посвященная торжественному открытию школы

и избы-читальни в 1925 г.³² «В глухом ауле Огуз-яр, — читаем мы в статье, — при участии представителей соседних аулов состоялось собрание... в связи с торжеством открытия школы и избы-читальни... Караногайцы, ведущие полукочевой образ жизни, до сих пор не имевшие понятия о значении школы, вымиравшие без медицинской помощи, теперь, осознав необходимость просвещения, приветствуют появление первых очагов просвещения на своем участке. Нет сомнения, это большой важности событие в темном углу послужит примером для других сельских обществ в смысле открытия школ, изб-читален и ликпунктов».

Характеризуя активную роль ногайской женщины в социалистическом строительстве, здесь уместно привести теплые слова в адрес советских женщин, сказанные Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС. «Говоря о больших делах нашего народа, — сказал он, — нельзя не сказать о том, какую роль в них играет советская женщина. Ее самоотверженности и таланту во многом

³² Красный Дагестан, 1925, 8 февраля.

обязана наша Родина своими достижениями и победами. И в решение тех важных задач, которые наметит наш съезд на будущее во всех сферах общественной жизни, большой вклад, безусловно, внесут наши славные женщины»³³.

Повышение уровня общих и профессиональных знаний позволяет погайке выполнять организаторские, руководящие и общественные функции, свидетельствующие об утверждении фактического равенства женщины с мужчиной. Эти процессы определяют изменения места и роли погайской женщины в семье и быту.

1.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ. НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ

Советский общественный строй, глубокие социально-экономические и культурные преобразования, которые произошли в жизни погайского народа, рост профессиональной и общественно-политической активности женщин внесли существенные изменения в формирование новой семьи, ее структуры и функции. Как свидетельствуют этнографические материалы, у погайцев почти повсеместно преодолена бывшая патриархальная иерархия. Кардинально изменился характер взаимоотношений главы семьи с ее членами. Постепенно глава семьи становится руководителем семейной группы, действующим на основах равенства и договоренности, на общественном и моральном авторитете старшего, а не на принуждении, как это было раньше.

Наши полевые материалы свидетельствуют о фактическом равноправии супругов во всех сферах семейной жизни. Денежными сбережениями семьи в большинстве случаев ведает жена. Она выполняет роль семейного «кассира», следит за правильным, рациональным использованием заработной платы и других доходов членов семьи. Глава семьи советуется с другими взрослыми членами семьи, прислушивается к их мнению. В то же время в силу своего опыта и навыков он способен принимать ответственные решения за всю семью в целом или за отдельных ее членов, если те не знают как поступить.

Существенно изменились взаимоотношения между старшим и младшим поколениями. Они строятся теперь на демократической основе, исключая бывшее беспрекословное повиновение младших старшим даже в тех случаях, когда те принимали ошибочное решение. Почти в каждой семье в настоящее время есть педагог или врач, агроном или инженер, специалист с высшим или средним образованием, которому в семейном совете наряду со старшими

³³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 545—546.

принадлежит роль советчика, наставника, к голосу которого нередко прислушиваются и старшие.

Новое общественное положение ногайки привело к кардинальному изменению ее роли в семье, коренным образом отразилось на ее семейных функциях, обусловило новый принцип распределения домашних обязанностей между членами семьи, между женщинами и мужчинами. Одной из особенностей современной ногайской семьи является изживание былых обычаев избегания, которые, как и другие архаические нормы жизни, ставили молодую женщину в униженное положение в семье мужа.

Ряд работ, считавшихся в прошлом, по обычаю ногайцев, женскими: приготовление пищи, доставка продуктов домой, уход за домашним скотом, уборка двора, уход за маленькими детьми и другие теперь выполняются и женщинами и мужчинами совместно или поочередно. Это дает возможность женщинам больше уделять внимания воспитанию детей. Возросший культурный уровень женщин позволяет им непосредственно осуществлять контроль за приготовлением уроков детьми, обсуждать вместе с мужьями семейные планы, т. е. выполнять функции, не свойственные им в дореволюционном прошлом. Многие ногайские замужние женщины повышают свои общие знания, квалификацию через сеть заочного обучения, в результате чего растет их престиж и у детей. Стало нормой жизни, что мужчины не только не выступают против периодических выездов на сессии, курсы своих жен, сестер, дочерей, но и всячески способствуют этому, принимая на себя их обязанности. Такое же отношение мужчин выявляется и в связи с поездками женщин в дома отдыха, в санатории, на совещания, семинары по специальности.

Новая структура взаимоотношений в семье повлекла за собой изменение внешнего этикета в отношениях супругов. Раньше обычай предписывал молодой жене не называть имени мужа, не говорить с ним в присутствии старших членов семьи и родственников, не сидеть в его присутствии. Если жена куда-нибудь шла с мужем, она всегда следовала за ним позади. Теперь молодые супруги, напротив, подчеркивают взаимное внимание друг к другу и равенство семейного положения.

Сохраняется и получает дальнейшее развитие характерное для ногайцев в прошлом уважение к старшим. Старые люди окружены вниманием, заботой и уважением всех членов семьи. Нередко старые родители ведут хозяйство отдельно от семей своих взрослых детей. Иногда во дворе одного из сыновей они имеют отдельное жилище. Но и в этих случаях питание обычно организуется совместно, а расходы на другие пущды (одежда, приобретение предметов домашней обстановки и т. д.) производятся отдельно.

Влияние производственной и общественной деятельности современной женщины на семью является многогранным. Обогащая личность женщины, профессиональный труд повышает ее роль

во всех сферах жизнедеятельности семьи, способствует росту ее престижа.

Однако все эти новые явления не исключают существования в семье погайцев во многом традиционного половозрастного разделения труда. Женским делом по-прежнему является хлебопечение, стирка и глажение одежды, переработка молочных продуктов, приготовление еды, консервирование фруктов, побелка, уборка помещений и другие работы, связанные с поддержанием чистоты, порядка и уюта в доме. Самой значительной обязанностью женщины-матери в семье является забота о детях, организация такого распорядка жизни в семье, который помог бы гармонически сочетать ей профессиональные работы с выполнением функций хозяйки, матери и жены. Мужчины ухаживают за скотом, участвуют в коллективном выпасе скота, находящегося в личном пользовании. Они же вспахивают приусадебный участок, засеивают и поливают его, ухаживают за фруктовыми садами, виноградниками, осуществляют заготовку топлива, сена. Однако если в прошлом подобное разделение труда имело жестко закреплённый характер, то теперь кооперация и разделение, напротив, основываются на максимальном учете личностных качеств супругов, их загрузки вне дома, состояния здоровья и др. Опрос замужних женщин и женатых мужчин дает нам основание полагать, что тип распределения между работающими супругами обязанностей, форм кооперации трудовых усилий нередко зависит от взаимоотношений супругов, от удовлетворенности браком, уровня их культуры, характера микросреды.

Традиционное разделение труда более устойчиво сохраняется в расширенных семьях, где пожилые родители живут с женатыми сыновьями или замужними дочерьми, племянниками вместе. В малых же семьях (супруги и дети) справедливая кооперация трудовых усилий в домашнем хозяйстве происходит, как правило, более планомерно.

В целом же старая традиция, согласно которой только жена должна выполнять все обязанности по дому, по воспитанию малолетних детей, постепенно разрушается.

Работая наравне с мужчинами на производстве, выполняя там сложные профессиональные обязанности, женщина тратит на ведение домашнего хозяйства в несколько раз больше времени, чем мужчина. Это отрицательно сказывается на уровне квалификации женщины, общей культуры, на воспитании детей, так как свободное время женщины ограничено. Разумеется, с дальнейшим ростом благосостояния и культуры населения, с изменением характера домашнего труда, дальнейшим кооперированием и справедливым разделением обязанностей между членами семьи, по мере роста количества услуг, предоставляемых семье службой быта, это положение будет меняться. Уже сейчас население получает около 70 видов бытовых услуг, использование большинства которых стало повседневной нормой жизни погайской семьи.

Дальнейшее расширение сферы бытовых услуг, повсеместное размещение бытовых предприятий, более рациональные организации выездного обслуживания населения, всемерное расширение номенклатуры, качества, сокращение сроков выполняемых работ, внедрение новых форм сервиса — все это является важнейшим условием сокращения труда и времени женщины по ведению домашнего хозяйства. Большое значение в дальнейшем росте бытовых услуг государства, в улучшении качества услуг имеет претворение в жизнь десятого пятилетнего плана в нашей стране, осуществление намеченной XXV съездом КПСС широкой программы социального развития и повышения уровня жизни советского народа, в том числе «расширение видов и увеличение объема услуг, связанных с облегчением домашнего труда»³⁴.

Из года в год возрастает и степень газификации домов и квартир ногайцев. Появившиеся здесь в середине 60-х годов газовые плиты все больше и больше внедряются в быт населения. По Терекли-Мектебскому сельскому Совету Ногайского района на сегодняшний день газовые плиты имеют более 650 домов. Газ появился и во всех чабапских бригадах в зоне отгонных пастбищ. Из года в год растет и число бытовых машин (стиральные машины, электропылесосы, холодильники и т. д.) и приборов. Их применение обеспечивается широкой электрификацией селений. Нельзя не обратить внимание и на то, что в эту, в прошлом безводную, сухую, песчаную степь, широко вошел водопровод. По тому же Терекли-Мектебскому сельскому Совету водопроводы имеют 720 дворов, т. е. практически каждая семья.

Развивающееся бытовое обслуживание населения, разнообразная бытовая техника, регулярное водоснабжение, газификация и электрификация домов, несомненно, облегчают процессы домашнего труда, позволяют женщине сэкономить время для воспитания детей, создания уюта в семье, для разумной организации досуга, повышения своего культурного уровня, общего кругозора, словом, изменения стиля и образа жизни.

Являясь важной социальной ячейкой общества, семья в качестве своей первоочередной задачи видит формирование личности своих членов. Ответственность за воспитание детей несут перед семьей и обществом оба супруга — и муж и жена. Каждая семья старается прививать своим детям такие черты характера, как трудолюбие, честность, добросовестное отношение к делу, самостоятельность, уважение к народному добру, почитание старших. Каждая семья стремится растить детей физически здоровыми, морально чистыми и красивыми.

Воспитание детей в семье рядового ногайца всегда покоилось на трудовой основе. Однако в условиях социалистического строя в системе воспитания детей произошли серьезные изменения, свя-

³⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 216.

зашные с новыми общественными отношениями людей, советским образом жизни, с ростом культуры.

Дети в свободное от школьных занятий время помогают родителям в уборке помещений, надворных хозяйственных построек, в работе на приусадебном участке, ходят в магазин за хлебом, за молоком, сахаром и другими небольшими покупками. Мальчики-подростки, кроме того, вечером пригоняют домой скот, кормят и поят его, ведут на водопой, пасут (свой и других сельчан) в поле, когда наступает очередь семьи, колют дрова, заносят их на веранду. Девочки ходят по воду и в магазин по поручению родителей, нянчат младших братьев и сестер, стирают одежду членов семьи, моют посуду, убирают, помогают родителям в поддержании порядка в доме, а при отлучке матери выполняют роль хозяйки, готовят пищу и кормят семью.

Трудовое воспитание в семье не только способствует формированию трудолюбия детей, но и прививает уважение к семье, семейной кооперации труда.

Если в старое время в силу патриархального уклада жизни мальчики в раннем возрасте выходили из-под влияния и контроля матери, общаясь преимущественно со старшими членами семьи мужского пола, то теперь и у мальчиков и у девочек мать имеет в одинаковой мере большой авторитет. Это несомненно обусловлено новой социальной ролью женщины-матери в обществе, равно как и справедливыми общественными отношениями развитого социализма. Почти искоренилось представление ногайцев об особом, привилегированном положении мальчиков в семье. И мальчиков и девочек семья воспитывает на единых принципах равноправия и равенства, одинаково стремится дать им образование, приобщить к профессии, приучить к общественно полезному труду.

Большое влияние на семью, на воспитание детей в семье оказывает советская школа и общественные организации. Школа и семья поддерживают постоянный и тесный контакт. Более того, дети животноводов, находящихся на отгонных пастбищах Ногайской степи, охвачены школами-интернатами и содержатся на полном государственном обеспечении. Таких школ или интернатов при школах в одном только Ногайском районе насчитывается шесть с контингентом 440 детей. Интернаты функционируют также в г. Хасавюрте, пос. Кочубей Тарумовского района ДАССР, в сел. Каясула Нефтекумского района Ставропольского края и т. д. В терекли-мектебской школе-интернате Ногайского района воспитывается более 120 детей чабанов, доярок и других работников отгонного животноводства. Столько же детей воспитываются и обучаются в школе-интернате в «Червленых бурунах» того же района. Сеть школ-интернатов получит еще большее развитие в ближайшем будущем согласно планам социального развития государственных предприятий (совхозов). Создана на местах и широкая сеть детских дошкольных учреждений. Ими в районе охвачено более 700 детей, только в Терекли-Мектеб функциони-

рует 2 детских сада (включающих ясли). В одном из них 180 детей, а в другом (совхозном) — 75.

Все же в ряде случаев, особенно если в семье есть женщины пенсионного возраста, малыши воспитываются дома. В таких случаях устанавливается определенное распределение времени и обязанностей по уходу за малолетними детьми между членами семьи. В помощь пожилым женщинам по мере возвращения из школы подключаются дети постарше, а после рабочего дня основную заботу о детях проявляют родители. Чаще всего к услугам дошкольных учреждений прибегают малые семьи, состоящие из молодых супругов и детей.

Все эти учреждения общественного воспитания детей, щедро финансируемые государством, не только оказывают огромную помощь ногайской семье, но и благотворно влияют на преобразование всего семейно-бытового уклада. Помощь и заботу о детях проявляет государство, выплачивая значительные пособия одиноким и многодетным матерям. Только по данным 1974 г., по Ногайскому району 781 многодетная мать получала ежемесячно пособие на общую сумму 6348 руб.³⁵

Сравнительная многодетность является одной из характерных особенностей современной ногайской семьи. Средний состав семьи по Терекли-Мектебскому сельскому Совету, например, составляет 4,9 человек. По этому же сельскому Совету насчитывается 157 многодетных матерей, в том числе имеющих четырех детей — 53 семьи, пятерых — 52, шестерых — 35, семерых — 27, восьмерых — 18, девятерых — 8, десятерых и более — 7 семей. Так, например, Янгишиева Хадиджат (1924 г. рожд., работающая уборщицей), имеет 12 детей. Старший сын Абдулла — электрик, Зайнутдин — служащий, Бейтулла — окончил сельскохозяйственный институт, работает главным инженером в совхозе им. Ленина, Сейфулла — шофер, дочь Салимхан, окончив педучилище, преподает в начальных классах школы, Салевхан работает санитаркой санэпидстанции. Остальные дети — сыновья (Енам, Тогузбий, Кайтарбий, Казарбий) и дочери (Секерхан, Кюмюсхан, Савкат) — учатся в школе и техникумах. У Хадиджат три снохи и семь внуков.

Семья Джумагишиевых того же сельского Совета имеет 10 детей. Старшая дочь Авархан учится в Буйнакском финансовом техникуме, сын Муратхан — в профтехучилище в Кизляре, Алимхан, Батырхан, Тогузбий, Алевхан, Емисхан, Секерхан учатся в школе, а самые младшие (близнецы) Крымхан и Темпхан находятся дома. По 10 детей имеют М. Аджигиреева Насият, Кадилова Гизельфар, Баятова Асп, Саидова Таврат и др.

³⁵ Эти данные не полностью отражают действительное положение, так как здесь учтены только семьи, где последнему ребенку не более 5 лет. Многодетных матерей по району гораздо больше.

По району в настоящее время насчитывается около 800 многодетных матерей, отмеченных правительственными наградами³⁶. Большое значение для сохранения традиций многодетности имеют изменение условий жизни народа, переход его на оседлость, рост благосостояния.

2.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Глубокие социалистические преобразования обеспечили ногайцам, как и всем народам нашей страны, высокий уровень жизни, неузнаваемо изменили материальное благосостояние семьи.

Доход современной семьи в основном складывается из заработков, получаемых ее членами в совхозе, колхозе, на промышленном предприятии или в учреждении. Дополнительным источником служит доход от личного хозяйства (приусадебный участок, скот, находящиеся в личном пользовании, и т. д.). По данным ряда совхозов, средний месячный заработок чабана составляет 150—180 руб. Однако многие передовики полеводства и животноводства получают вместе с премией 200 и более рублей в месяц.

Наряду с заработной платой почти все рабочие, колхозники и служащие, проживающие в сельской местности, имеют в личном хозяйстве несколько голов мелкого и крупного рогатого скота для удовлетворения повседневных нужд семьи в молоке и мясе. Наличие на приусадебном участке фруктов, овощей, картофеля позволяет семье сэкономить часть денежного бюджета и тем самым увеличить расходы на приобретение одежды, мебели, а также бытовых машин и механизмов, книг, музыкальных инструментов, радиоприемников и телевизоров.

Для иллюстрации экономического положения ногайского населения приведем данные по нескольким семьям из овцесовхоза им. Ленина Ногайского района.

В этом совхозе работает семья Аллабергеновых: Аллабергенов Игам и Аллабергенова Болдыбийке. Проживают они в ауле Кара-Су на территории второго отделения совхоза. Муж и жена раньше составляли чабанскую бригаду, теперь с ними работает еще и женатый сын — Эрежеб. Годовой заработок за 1972 г. Игама и жены (без сына) составлял 4799 руб. Кроме того, они получили деньги за сверхплановую продукцию — 2639 руб. и премию 313 руб. Итого общий годовой заработок их составлял 7751 руб. В ауле Кара-Су они построили четырехкомнатный дом с летней кухней во дворе, развели фруктовый сад. поголовье скота, принадлежащего семье, составляет 10 овец и 3 коровы. Аллабергеновы имеют семь детей: Эрежеб — женатый сын, раньше

³⁶ Текущий архив Исполнительного комитета народных депутатов Ногайского района ДАССР.

работал шофером, с 1973 г. — чабан, старшая дочь — Якутжан окончила медучилище в Махачкале и работает медсестрой, другие дети Байрамбике, Айбике, Курмаали, Муталим, Енали учатся.

Другая семья из того же совхоза — Валиевы. Оба супруга составляют самостоятельную чабанскую бригаду, ухаживают за отарой овец. Здесь вопреки старой традиции старший чабан — жена, в ее подчинении работает муж. В 1977 г. они вдвоем заработали около 5000 руб. и получили 2500 руб. премии. В первом отделении совхоза в ауле Кумли у Валиевых имеется благоустроенный дом, 10 голов овец, 3 головы крупного рогатого скота. Женатый сын живет отдельно в сел. Терекли-Мектеб, работает шофером в совхозе, а его жена Санетли — нормировщицей. Молодая семья тоже имеет дом и личное хозяйство.

Еллыева Разият (1937 г. рожд.) из аула Суылу-Тюбе из того же совхоза работает старшим чабаном во втором отделении (с ней в бригаде трудится брат Сейдахмет Кунтувганов). Разият имеет собственный дом, 10 голов овец, 3 головы крупного рогатого скота. У нее четверо детей, дочери — Сайдат, Тайрат, сыновья — Абдулла и Баку. Все они учатся в школе. Годовой заработок Разият в 1977 г. составил 6927 руб. Заработки отдельных животноводов еще выше. Так, старший чабан племовцесовхоза им. Ленина А. Аджатиев в 1977 г. получил от совхоза 12 666 руб.³⁷

О повышении материального благосостояния семей и изменении характера отношений в быту свидетельствует и из года в год растущий объем розничной торговли. В 1977 г. населением того же Ногайского района было приобретено более 300 холодильников, около 200 телевизоров и более 50 автомобилей «Жигули». Об изменении облика ногайских поселений свидетельствует и небывалый рост домостроительства. За последние 15—20 лет все старые дома ногайцев с камышовым покрытием были разобраны и на их месте или же на новых участках построены новые благоустроенные дома на основе современных проектов. Важное значение в преобразовании ногайского села имеет помощь государства. Об этом свидетельствует плановое выделение районам фондов строительных материалов, предоставление кредитов, а также разнообразная помощь совхозов труженикам на местах.

3.

ФОРМЫ И МОТИВЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА

Огромное влияние на трансформацию брачных отношений оказало изменение социальной роли женщины, ее новое положение в обществе и семье, рост ее престижа как работницы и матери. В современных условиях стали обычным явлением национально-смешанные браки, а также браки между различными социальными группами.

³⁷ Данные получены в бухгалтерии совхоза.

Главным мотивом вступления в брак в подавляющем большинстве случаев теперь служат любовь, общность духовных интересов, устойчивые дружеские отношения между жепихом и невестой, а не авторитарное решение родителей и тухума, при котором желание молодых во внимание, как правило, не принималось.

Вопросы имущественного и социального положения будущих супругов при заключении браков практически не играют никакой роли. Молодые люди понимают, что их материальное благополучие зависит от них самих, от того, как они будут относиться к труду, от их социальной активности.

Уплата за невесту калыма (в традиционном понимании этого термина) стала редким явлением. Значительно выравнялся и брачный возраст. Совершенно не практикуется выдача замуж несовершеннолетних девушек, не характерен и высокий брачный возраст для мужчин-ногайцев.

Браки в большинстве заключаются внутри ногайской национальности. Однако это не исключает роста межнациональных браков. Так, из 27 браков, заключенных в 1976 г. по Терекли-Мектебскому сельскому Совету Ногайского района, более 40% составляли национально-смешанные³⁸.

Примечательно, что эти браки заключены между представителями самых различных национальностей. Так, в Терекли-Мектебе ногайки вступили в брак: К. Уразбаева — с М. Кардаполовым, русским; М. Абдулжалиева — с А. Баладиным, русским; Рамбердиева — с узбеком И. Албергеновым; Б. Шандиева — с лакцем С. Баратовым; Ф. Зарманбетова — с кабардинцем М. Кулумаевым; Е. Баубекова — с Н. Кадыловым, татаринном по национальности. Мужчины-ногайцы: Д. Мусаев — с казашкой С. Муталимовой; Г. Зармамбетов — с узбечкой З. Албергеновой; С. Абубекиров — с белоруской Г. Атаманчук и др.

Аналогичные явления характерны и для других районов, где проживают ногайцы. За этими фактами безусловно следует видеть рост культуры, образования, нового идейно-правственного облика ногайцев, изменения в психологии, равно как и изменение объективных условий жизни — ликвидацию национальной замкнутости, характерной для дореволюционного прошлого, рост экономических связей и др. Межнациональные браки положительно влияют на процессы сближения ногайцев с другими народами нашей страны, на развитие межэтнических контактов. В этом немалую роль играет и то обстоятельство, что районы расселения ногайцев стали по составу многонациональными. В век научно-технического прогресса все более и более усиливается процесс перемещения населения из сел в города, из одних районов в другие, из года в год увеличивается население Ногайской степи не только за счет естественного прироста корен-

³⁸ Сведения получены в Ногайском райотделе загс.

ного населения, что очень заметно, но и за счет переселенцев из других районов Дагестана, соседних областей и республик.

Караногай, в прошлом полупустыня, где гуляли знойные ветры, в советское время стал процветающим уголком республики. Сюда охотно приезжают трудиться из многих районов Советского Союза. Это все обуславливает тесное общение между ногайцами и другими соседними народами и способствует еще большему развитию здесь процессов этнических взаимодействий, в том числе и межнациональных браков.

Дети ногайцев от смешанных браков, за редким исключением, выбирают, как и прежде, национальность отца. Так, с 1968 по 1972 г. паспортным отделом милиции Ногайского района было выдано молодым ногайцам из национально-смешанных семей 47 паспортов, из которых 27 от браков ногайцев-мужчин с женщинами других национальностей и 6 женщин-ногаек с представителями других национальностей. В 24-х браках юноши и девушки выбрали национальность отца, т. е. записались при получении паспорта ногайцами, и только 3 — национальность матери и записались русскими. Причем, из трех юношей из одной ногайско-русской семьи двое выбрали национальность матери, а один — национальность отца-ногайца. Из шести юношей, матери которых ногайки, выбрали национальность отца четыре, а национальность матери (из даргинско-ногайской и татарско-ногайской семей) — двое.

Ногайцы и ногайки заключают браки с представителями других национальностей не только в аулах Ногайской степи, но и за их пределами, в разных городах и областях страны: во время службы в армии, учебы, работы на новостройках, на целине и т. д.

4.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Как свидетельствуют наши полевые материалы, для современного быта ногайцев характерно исчезновение многих архаических, консервативных черт традиционного семейного и общественного быта, прочно входят в жизнь новые общесоветские традиции и обряды. Они тесно переплетаются с народными обычаями, обеспечивая тем самым не только преемственность культуры и быта, но и выполняя большие воспитательные функции. Многие при этом переосмысливаются, наполняясь новым содержанием, **получает** в современных условиях иное звучание.

Этот процесс наглядно прослеживается на примере свадебной обрядности. Свадебный церемониал ногайцев постепенно очистился от религиозных наслоений, установок шариата, от магических обрядов, основанных на вере в чудодейственные, сверхъестественные силы или существа. В настоящее время шариатский

обряд бракосочетания совершается только в незначительной части семей.

Большое значение для изменения и обновления традиционной свадебной обрядности и формирования новых гражданских обрядов имеет торжественная регистрация брака. Такая регистрация обычно либо предшествует свадьбе, либо проводится в начале свадебных торжеств в доме невесты. Она, по сути дела, задает тон последующему торжеству.

Несколько сократилась общая продолжительность церемониала, связанного со свадьбой и всем процессом сватовства. Свадьбу ногайцы справляют теперь в течение одного-двух дней, хотя и соблюдают ее основные традиционные элементы.

Решив между собой вопрос о браке, молодые люди ставят об этом в известность своих родителей и просят их одобрения. Вопрос о заключении брака по традиции обсуждается на семейных советах роднящихся сторон. Семьи обычно одобряют решения молодых, если только не видят проявления непродуманности, неразумности. Инициатива в переговорах сторон исходит обычно от жениха и его семьи. Как правило, твердо соблюдается у ногайцев сватовство и обручение, для чего несколько раз в дом девушки направляются сваты. Однако церемониал сватовства и обручения значительно сокращен. Многократные посещения с большими подарками заменены одно-двукратными визитами и небольшими взаимными подарками.

Значительно сокращен и промежуток времени между обручением и свадьбой. Это время используется обычно для приобретения обстановки для жилища молодоженов, свадебных нарядов, особенно для невесты. Невесте непременно шьется на свадьбу по ее индивидуальному вкусу современное белое длинное платье, приобретаются белые туфли, белый шарф. Вместо шарфа многие невесты начинают в последние годы носить фату. Кроме того, по ее же индивидуальному заказу приобретается несколько комплектов одежды, состоящих из зимних, летних, повседневных, выходных платьев, пальто, головных уборов и обуви. Наряд жениха выглядит попроще: состоит из черного костюма, белой сорочки, галстука, черных туфель, кепки или шляпы.

Засватанная девушка уже не скрывается от жениха и его семьи, как в прошлом. Молодые вместе ходят на молодежные вечера, в кино, театр, но в дом невесты жених при отце или брате невесты открыто не входит.

Первый день свадьбы у большинства ногайцев, за исключением Терско-Сулакской низменности, по-прежнему справляется в доме невесты, где жених не только присутствует, но принимает активное участие в торжествах. В большинстве случаев отсюда же жених и невеста в разукрашенных машинах, в сопровождении друзей едут в загс для регистрации брака. Этому акту придается большое значение. Ни один родитель теперь не соглашается отпустить дочь в дом жениха без предварительной реги-

страции брака. В загсе в назначенный час собираются представители общественности, члены комиссии по внедрению в быт новых обрядов и другие уважаемые люди. Под торжественные мелодии, которые кто-нибудь исполняет на баяне, жених и невеста входят в помещение бракосочетания и расписываются в книге записи актов о браке. Представители общественности, чаще председатель сельского Совета, поздравляют молодых со вступлением в брак, высказывают добрые пожелания, напутствия. Повсеместно и в райцентрах и в аулах прочно входит обычай обмена женихом и невестой обручальными кольцами — обычай, пришедший из города и характерный для русских, украинцев, и др., и совершенно неизвестный в традиционном брачном ритуале ногайцев. После официальной церемонии подписания акта о браке в ряде случаев молодежь здесь же устраивает кратковременное веселье: танцы, песни, легкое угощение, состоящее из фруктов, сладостей, лимонада, шампанского. В Терекли-Мектебе и в ряде других селений новобрачные в сопровождении друзей из загса направляются к памятнику В. И. Ленину и возлагают у подножия памятника цветы. Примечательно и то, что молодожены и все участники бракосочетания из загса снова отправляются в дом родителей невесты, где до поздней ночи продолжаются торжества.

Это, безусловно, дань старой традиции, когда девушка вступала в брак в доме своих родителей. Но в современных условиях обычай претерпел существенные изменения и фактически в отличие от прошлого молодые люди вступают в супружеские отношения в доме жениха. На второй день утром свадебный поезд невесты отправляется в дом жениха. Как и прежде, над невестой совершают обряд обсыпания сладостями, стелят ей под ноги овчину и поверх белую ткань, дают ей пробовать мед и т. д. Во всем этом выявляются добрые пожелания новобрачной, чтобы ее жизнь была обеспеченной (овчина, белая ткань, сладости), отношения в новой семье были дружными (мед и другие сладости).

Отличительная особенность современной свадьбы заключается и в том, что подавляющее большинство юношей и девушек, вступающих в брак, принимает непосредственное участие во всех церемониях торжественного акта. Не подвергается осуждению и практика, когда невеста в день свадьбы едет в дом жениха, сидя рядом со своим женихом с открытым лицом, а не в традиционной куьме. Постепенно становится традицией сажать новобрачных вместе и за свадебный стол, где они принимают поздравления, пожелания и наставления участников торжества, откуда наблюдают все происходящее на свадьбе. Изживается постепенно старый порядок, согласно которому невесту помещали в отдельной комнате, прятали за ширму. Значительное место в современном свадебном торжестве всех ногайцев занимают танцы, песни, музыка.

У кочевых ногайцев (следовательно, у большинства ногайского населения) в прошлом танцев было мало. Зато имело широкое распространение устное народное творчество — героические песни, рассказы, сопровождавшиеся игрой на домбре. Однако под влиянием этнокультурных контактов с соседними народами ни одна свадьба в настоящее время не обходится без темпераментной лезгинки с ее разными вариантами (кубанско-ногайской, кумыкской, чеченской, черкесской и т. д.), на многих свадьбах танцуют и европейские танцы, поют песни современных авторов. В последнее время у кубанских, да и у других ногайцев, получила большую популярность специальная свадебная песня на слова ногайского поэта Ф. Абдулжалилова «Тойда тилек» («Пожелание на свадьбе») ³⁹.

Все возрастающее материальное благосостояние позволяет всем слоям населения справлять свадьбы в любое время года, все же чаще их играют осенью, когда собран урожай, много фруктов, овощей, цветов и можно красиво и богато накрыть стол. Яства свадебного стола рядового ногайца в прошлом были представлены главным образом калмыцким чаем, пышками,

³⁹ Керейтов Р. Х. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев. — СЭ, 1973, № 3, с. 85.

вареным мясом. В настоящее время погайцы подают собравшимся за свадебным столом самые разнообразные мясные блюда (плов, соусы, голубцы и т. д.), салаты, а также фрукты. Но роль калмыцкого чая не умалается, без него не проходит ни одно торжество, ни один званый обед, а в ряде мест все еще бытует традиционный хлебный напиток — буза⁴⁰.

Основными участниками современной свадьбы являются молодые люди — ровесники жениха и невесты, хотя руководят свадебным торжеством люди более старшего возраста, хорошо знакомые со свадебным церемониалом.

Значительно изменилось отношение большинства населения к преподносимым невесте и родне жениха, а также роднящимся семьями друг другу свадебным подаркам, упрощен и церемониал их вручения. Однако, к сожалению, и сейчас в ряде случаев обмен подарками все еще сохраняется и носит обременительный характер. Этот порядок все чаще вызывает недовольство, ссоры родственников как невесты, так и жениха, несет много бесполезных хлопот.

Ногайская молодежь забыла о бытовании переносного, кибиточного жилища для повобрачных. Сейчас молодоженам отводится лучшая комната (у многих и две комнаты) в доме. Она обставляется новой современной мебелью, коврами, новой утварью, а также радиоприемником и предметами бытовой техники (холодильник, стиральная машина, пылесос и др.), которые обычно приобретаются на средства родителей жениха и невесты и которые символизируют не столько материальное благосостояние, сколько культурный уровень семьи и новый стиль ее жизни.

Одним из заслуживающих внимания обрядов, связанных с бракосочетанием, является обряд приобщения новобрачной к хозяйственной деятельности семьи мужа, акт приглашения ее в общую столовую семью, знакомства повобрачной с новой родней.

У разных этнографических групп этот обряд по-прежнему имеет неодинаковые формы, но везде он очищен от унижительных для новобрачной действий, подчеркивающих ее подчиненное положение в новой семье, и значительно упрощен. Суть его сводится к тому, что, пригласив молодую в столовую, представив ей (если она из другого аула) всех ближайших родственников (иногда и родственников) и одарив еще раз подарками, ей вручают ключи от дома, от хозяйственных кладовых, знакомят ее со всеми «владениями» семьи и тем самым как бы кладут начало будущему тесному общению с ней. Этот обряд символизирует тем самым равенство молодой женщины с мужем, новую структуру взаимоотношений в семье и потому имеет большое воспитательное значение. Сократились и сроки проведения этого акта,

⁴⁰ Керейтов Р. Х. Новые черты... с. 85.

приглашение теперь устраивается обычно через три-четыре дня после свадьбы.

Последним этапом свадебного торжества по-прежнему является акт торжественного «вывода» новобрачной за водой в окружении ее подруг и молодых родственников мужа. Он сопровождается раздачей сладостей участникам шествия и всем тем, кто попадает на пути. Смысл этого обряда аналогичен предыдущему, аналогично и его социальное значение.

Первое время молодожены живут, ведя общее хозяйство с родителями. Однако по истечении времени, накопив средства и пользуясь помощью своих родителей, молодые супруги стараются создать семейное хозяйство самостоятельно. Это знаменуется строительством отдельного дома или переходом на отдельную квартиру (если это происходит в городе или в большом совхозном поселке). Младший сын обычно остается в доме родителей и нередко продолжает вести с ними общее хозяйство, однако и при этом на усадьбе, как правило, строится для молодых супругов, особенно когда появляются дети, или же для пожилых родителей, чаще в том случае, если оба родителя живы, еще один дом.

К сожалению, до конца еще не изжиты старые формы заключения брака, свадебные платежи. Кое-где дает о себе знать калым.

Не может не вызывать противодействия и сохраняющийся в отдельных семьях обычай избегания, разговорные запреты, когда, следуя старой традиции, женщины в течение довольно большого периода не вступают в личные контакты с мужчинами — родственниками мужа старшего возраста, а также всякие откупные-платежи, связанные с постепенным прекращением каждого из этих видов избегания по истечении времени (с матерью мужа, с отцом мужа и т. д.).

Сейчас во всех районах и аулах созданы общественные комиссии по внедрению в быт современных обрядов. Они ведут большую работу и по изживанию пережитков консервативных обрядов и порядков, в том числе калыма, избегания, унижающих достоинство женщины и оказывающих отрицательное влияние на подрастающее поколение.

5.

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА

Изменения коснулись и обрядов, связанных с рождением ребенка. Исчез совершенно старый порядок, согласно которому женщина рожала с помощью бабки в условиях антисанитарии на полу, нередко на куче сена, устланной куском войлока. Ногайки теперь рожают в больничных условиях или с помощью сельской акушерки. В настоящее время во всех районных и участковых больницах имеются специальные родильные отделения. Рождение ребенка семья отмечает в торжественной обстановке, с при-

глашением друзей отца и матери младенца. Эти торжества устраиваются обычно через несколько дней после возвращения матери и ребенка из родильного дома. К этому торжеству приурочивают и наречение ребенка именем. В этом главная роль теперь принадлежит самим супругам, хотя в обсуждении вопроса участвуют и старшие.

По традиции ногайцы часто дают детям имена своих покойных предков. Однако за последние годы, в связи с развитием контактов с другими народами, потоком информации (радио, печать) многие молодые родители стали давать детям имена почитаемых героев, революционеров, известных общественных и государственных деятелей, любимых поэтов, композиторов, имена фронтовых друзей, побратимов, товарищей по учебе, по работе и т. д.

В последнее время в ногайских селениях стал практиковаться новый обряд торжественного наречения поворожденных именами. Этот обряд называют в народе октябринами⁴¹.

Как известно, октябрины практиковались еще в первые годы Советской власти и проводились в ряде мест очень торжественно⁴². Со временем этот обряд несколько изменился как по форме, так и по содержанию. В ауле Огузер Кизлярского района, например, в настоящее время он выглядит следующим образом. Члены комиссии содействия семье и школе берут на учет новорожденных и организуют торжественный прием для нескольких (в зависимости от наличия поворожденных по аулу) малышей и их родителей. На приеме присутствуют работники загса, партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, депутаты сельского Совета, учителя, пионеры. В нарядно убранное помещение (клуб, изба-читальня, помещение сельского Совета) в назначенный час приходят празднично одетые родители с детьми. С теплыми поздравлениями к ним обращаются представители общественности, ветераны труда, друзья по работе. Каждой семье вручаются цветы, подарки и поздравительная «памятка», художественно оформленная, с теплыми словами в адрес нового гражданина, с пожеланиями здоровья, счастья и доброго согласия семье. В отдельных случаях вместе с родителями поздравления и письменный наказ принимают и названные отец и мать новорожденных (многие родители их выбирают для ребенка по-прежнему из числа доверенных лиц, друзей семьи), которые, как и в прошлом, призваны играть немаловажную роль в воспитании этих детей. Интересно, что в «памятках» названным отцу и матери также говорится о большом их долге перед ребенком и общественностью: «Вы удостоены большой чести быть названной(ым) матерью и отцом ребенка. Общественность доверяет Вам воспитание малыша. Помните! Вы несете ответственность за

⁴¹ Дагестанская правда, 1973, 11 октября.

⁴² Красный Дагестан, 1924, 3 октября.

его судьбу как родные отец и мать. Будьте первыми друзьями в радости и горе этой семьи. Воспитывайте ребенка достойным членом нашего социалистического общества». Продуманно организованные встречи общественности с родителями новорожденных действительно производят на семьи неизгладимое впечатление. Иногда родителям вручаются три запечатанных конверта — для поворожденного с такими же теплыми поздравлениями. Один из них ребенок должен вскрыть в первый день поступления в школу, второй — когда достигнет совершеннолетия и третий — перед вступлением в брак. Часто на этих торжествах выступают пионеры. Художественная самодеятельность сельского клуба устраивает концерт.

Новорожденных регистрируют в загсе, их берут на учет медицинские учреждения, они находятся под постоянным наблюдением патронажных сестер. Благодаря широкой сети медицинских учреждений и детских консультаций в Ногайской степи, где в прошлом из-за низкого уровня санитарной культуры и отсутствия медицинских учреждений ежегодно гибли сотни детей, смертность их резко снизилась.

Кроме традиционных семейных торжеств, наполненных современным содержанием, прочное место в семье ногайцев, как и других народов нашей страны, заняли новые, советские праздники: годовщина Великой Октябрьской революции, 1 Мая, День конституции, Международный женский день, День животновода, День учителя и т. д. Твердо вошла в быт ногайцев и традиция празднования Нового года.

Ногайцы отмечают новоселье, дни рождения членов семьи, в первую очередь детей, исполнение им 40 дней, года, а потом дни рождения по годам, поступление в школу, техникум, вуз, окончание учебных заведений, получение паспорта, трудоустройство молодых членов семьи, получение первой зарплаты, почетных званий, переход из одного квалификационного разряда работника в высший, с должности на должность и т. д.

Сложилась традиция торжественно устраивать проводы сыновей в Советскую Армию, во время которых родители и друзья, ветераны войны и труда дают уходящим в армию наказы честно служить Родине, высказывают добрые пожелания. Эти радостные события отмечаются, как правило, не только в узком семейном, но и более широком кругу, с приглашением родственников, друзей, товарищей по работе. В условиях социалистического строя дружба, чувство долга, взаимопомощь проявляются и в радости (свадьба, именины, рождение ребенка и т. д.) и в горести (похороны, стихийное бедствие и т. д.). Все более широкие круги общественности (коллеги по работе, общественной деятельности, учебе, соседи, руководители колхоза, предприятия, учреждения, партийные и комсомольские организаторы и др.), а не только родственники, как в прошлом, помогают семье осуществлять ее функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

instituteofhistory.ru

Ногайский народ прошел большой и сложный путь социально-экономического, культурного и этнического развития, что нашло свое отражение и в его семейном быте. Для общественного строя ногайцев XIX — начала XX в. были характерны феодальные отношения, своеобразно переплеставшиеся с пережитками патриархально-родового быта и элементами развивающегося капиталистического уклада. Эта многоукладность отразилась и на существовании различных форм семьи.

Основной формой семьи у ногайцев в дореволюционное время была малая патриархальная семья. Однако наряду с ней продолжали существовать, хотя и в пережиточном виде, и большие, неразделенные семьи с коллективным производством и потреблением. Как в большой, так и в малой семье господствовали патриархальные порядки, беспрекословное подчинение всех главе семьи, а также младших старшим. Сохранялось и половозрастное разделение труда, согласно которому на плечи женщины ложились самые тяжелые обязанности.

Кроме обслуживания домашнего хозяйства, женщину угнетали и многочисленные архаические обычаи, запреты, избегания и нормы семейного права.

На семейный быт, брачные отношения ногайцев этого периода большое влияние продолжали оказывать и пережитки бывшего родо-племенного деления, в частности обычай родовой, или «поколенной» экзогамии, и норм, которых должны были строго придерживаться молодые люди при заключении брака.

Несмотря на господство патриархальных порядков, трудовая семья тем не менее прививала своим членам лучшие традиции своего народа, нормы общественного поведения, воспитывала их в духе трудолюбия, взаимопомощи, уважения к старшим и т. д.

Традиционный семейный быт ногайского народа в своих основных чертах был однотипным на всей территории его расселения, хотя это не исключало наличия локальных вариантов,

обусловленных особенностями хозяйственной деятельности, исторического развития и взаимных контактов с соседями.

Этот быт имел много общего с семейно-бытовым укладом других тюркоязычных народов (каракалпаки, казахи, туркмены, татары и др.), с которыми погайцев объединяли как этнические связи, так и вековые контакты, нередко в рамках одних и тех же племенных и государственных образований, совместные передвижения, перекочевки, а также возникшие на этой основе различные формы общественных и культурных общений. Такие обычаи, как добрачные свидания жениха и невесты, цикл большого числа свадебных церемоний в доме невесты, традиция проведения здесь же первой брачной ночи, а также возвращения молодого в дом родителей и другие имели почти единую форму и были известны нередко под одними и теми же названиями. Равным образом большое сходство имели и основные свадебные подарки и платежи, в том числе и калым.

Живя бок о бок с народами Северного Кавказа, культура и быт погайцев испытали влияние и сами влияли на них. В до-революционное время невыносимые условия жизни в необозримой безводной степи, беспрерывные феодальные междоусобицы, колониальная политика царизма, тяжелая эксплуатация со стороны феодальных владельцев и кулаков, социально-экономическая и культурная отсталость ставили погайцев на грань физического вымирания.

Великий Октябрь освободил погайский народ, как и все народы нашей страны, от нищеты, всех форм угнетения и вывел его на широкий путь социально-экономического и культурного прогресса. В ходе социалистического строительства в Ногайской степи на смену отсталому мелкотоварному, в основном скотоводческому хозяйству пришло крупное, многоотраслевое хозяйство, оснащенное современной техникой. За годы последних пятилеток значительно расширены площади орошаемых земель. Повысилась культура земледелия и продуктивность животноводства. Осуществляются крупные меры по специализации и концентрации сельскохозяйственного производства и развития промышленности. Быстрый рост экономического развития Ногайской степи обеспечил и высокие темпы роста благосостояния трудящихся и их культурного уровня.

Победа социализма в корне изменила образ жизни, характер, условия труда и быта ногайского народа.

Глубокие перемены произошли в облике ногайских аулов, особенно большой размах приняло жилищное строительство, благоустройство жилого фонда. В наши дни удобные, благоустроенные дома и квартиры с современной мебелью, с водоснабжением, газом, канализацией, телевизором, телефоном, радиоприемником — обычное явление в каждом ногайском ауле.

В современных селениях есть и все необходимые для современного человека коммунально-бытовые предприятия, школы,

клубы, кинотеатры, библиотеки, магазины, дошкольные детские учреждения, учреждения общественного питания, пекарни и т. д.

Ногайский народ сделал гигантский скачок от отсталости к прогрессу, опираясь на братскую помощь народов нашей страны, и в первую очередь русского народа.

Вдохновляющие перспективы социального развития открывают для ногайского народа, как и всех других народов нашей страны, решения XXV съезда КПСС и новая Конституция СССР.

В дружной семье народов СССР, преисполненный глубокой признательности и благодарности ленинской партии и советскому государству, ногайский народ большими трудовыми достижениями встретил 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и вносит свой вклад в претворение в жизнь величественных планов, начерченных историческим XXV съездом КПСС.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулгазиев Д. 56, 123, 125
 Абдулжалиева М. 156
 Абдулжалилов Ф. 160
Абрамзон С. М. 103
 Абубекижевы 61
 Абубекиров С. 156
 Абшиков К. 64
 Аджакаев Я. 19
 Аджатиев А. 155
 Аджигиреева М. Н. 153
 Аймухаметов М. 124
 Албергенова З. 156
 Албергенов И. 156
Алексеева Е. П. 7
 Алибекова С. 122, 123
 Аллабергенова Б. 154
 Аллабергенов Иг. 154
 Аллабергеновы 154
 Аллиязов А. 124
Ананьев Г. 8, 66, 67, 78, 86, 94
 Апшиков К. 45
 Арсланова П. 21, 40, 110
Архипов А. П. 7, 67, 77, 91, 101
Д'Асколи Дортелли 7
 Ахай 121, 122
 Атаманчук Г. 156
- Баисова К. 65, 113
 Баисовы 47
 Баладин А. 156
 Балтен-кади 21, 30
 Балтынский 122
 Баратов С. 156
 Батыргазиев Д. 20, 107, 131
 Баубекова Е. 156
 Баятова А. 153
 Бекечев Э. 27
Бентковский Н. 8, 57, 62, 63, 66
 Бирабасовы 61
Броневский М. 7
 Булгаровы 47
- Валиевы 155
Васильева Г. П. 97, 103
- Гаджибай 20, 21, 27
Георги Н. Г. 7, 58, 86
 Гирен 118
- Горбов 34
Гмелин С. Г. 7, 57, 77, 97, 109
- Джазовы 61
 Джанибеков А. Ш. 60, 64, 90
 Джанибекова М. 73
 Джелябевы 61
 Джумагишиевы 153
Дубровин Н. 7
 Дышсковы 119
 Дюрменовы 61
- Жданко Т. А.* 15
- Зармамбетов Г. 156
 Зарманбетова Ф. 156
- Есёней 71
 Еллыева Р. 155
- Кадилова Г. 153
 Казаковы 61
 Казов К. К. 64
 Казымурза 118
 Казмин 14
 Канглыевы 61
 Канмурзаев О. 22
Капельгородский Ф. И. 12, 69
Капиева Н. 73
 Капланов 122
 Карасовы 47
 Кардаполов М. 156
 Кадылов Н. 156
 Келендикувы 61
Керейтов Р. X. 7
 Керейтовы 61
 Кипчаков 47
Кисляков Н. А. 89, 97, 103
 Койбалиев З. А. 78, 112, 124, 125
 Койлубаев Р. 71, 129
Косвен М. О. 6, 30, 53, 67, 79, 89, 103, 113
Кочекбаев В. 7
 Кубанов О. М. 122
 Кубановы 61
 Кудейнетовы 61
Кужелева Л. Н. 7
 Кулумаев М. 156

Кумиева А. 142
Кумратовы 47
Кумуковы 47
Кунтувганов 155
Курманалиев М. К. 59
Курманалиева Ш. 40

Люк Джованни де 7

Максимовы 14
Малыкин Г. 8, 39, 52, 54, 66, 76, 78,
79, 81, 95—97, 101
Мангден 14
Менглисанова Х. 19, 20, 22
Мижеев А. 122
Мусаев Д. 156
Мусаев К. 60
Муталимова С. 156
Мутенин И. Т. 109

Наймановы 47, 61
Небольсин П. 7, 62, 67, 72
Ногай 10
Нуракаев К. 27

Олеарий Адам 7
Отегонов 22

Павлов А. 7, 78, 115
Пейсонель М. 7
Постушенко 142
Потапов Л. П. 91, 103

Рамбердиева 156

Саидова Т. 153
Семенов Н. 27, 60
Сикалиев А. И. 65, 116—118
Смирнова Е. В. 142
Смирнова Я. С. 48, 103
Стрейс А. Э. 7
Суюндукова 125

Тавернье Ж. Б. 7, 58
Таймазовы 122
Темирболат 121, 122, 123
Токарев С. А. 7
Туганов А. 122
Туркменовы 47

Узденов М. Г. 64
Уразбаева К. 156
Ураковы 61
Уракчиевы 61
Устеменко 34

Фарфоровский С. В. 8

Хамзаев А. 122, 123

Шандиева Б. 156
Шамакаев К. 124
Шангарыев К. 22

Эсенбай 34

Янгишиева Х. 153

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аграханский залив 60
Аджакаева Ялыта, аул 19
Адыге-Хабльский р-н 9, 11
Азов, г. 118
Аксай 122
Алаш-аул 27
Александровская, станица 14
Алтай 103
Аральское море 10
Артезиан-Мангит, аул 144
Астрахань, г. 36
Ахай-отар 122
Ачикулак, пос. 142, 144
Ачикулакский округ 11, 133—135,
142, 144
- Бабаюрт, с. 122, 123
Бабаюртовский р-н 9, 137
Бийсей-аул 123, 125, 134, 135
Большой Зеленчук, р. 10
Белая, р. 10
Буг, р. 10
Брянск, пристань 36
- Верхний Мансуровский, аул 61
Владикавказ, г. 36
Волга, р. 10
Восточно-Сухокумск, пос. 138
- Геме-Тюбе, аул 61
Главлопатын, пос. 9
Главсулак, пос. 9
Гребенская, станица 21
Грозный, г. 36
Гудермес, г. 36
- Дагестанская АССР (Дагестан) 8,
70, 136, 141, 157
Дагестанская обл. 34
Джелал-ага, аул 34
Днепр, р. 10
Днестр, р. 10
Докшукинский, аул 119
- Икон-халк, с. 65, 113
Иргакли, с. 124
Иртыш, р. 10
- Кавказ 6, 79, 83, 113, 138
- Казахстан 10, 15, 41, 56, 70, 83, 103
Камыш-Бурун, аул 144
Канглы, аул 63, 98
Караногай 146, 157
Караногайский р-н 135—137, 143,
145
Кара-Су, аул 154
Кара-Тюбе, с. 59, 78, 112, 124, 125,
135, 144
Каясула, с. 125, 152
Кизилюрт, аул 122
Кизляр, г. 34, 36, 40, 137, 153
Кизлярская степь 34, 78, 115
Кизлярский уезд 34
Кизлярский р-н 9, 138
Кочубей, пос. 138, 152
Кочубеевский р-н 9, 11
Крым 66
Кубанская обл. 34
Кубань 26, 32, 60, 83, 89, 122
Кубань, р. 10, 11
Кумли, аул 155
Кунбатар, с. 46, 60, 64
- Лаба, р. 10
Лакпя 61
- Малый Зеленчук, р. 10, 11
Мангул, аул 124
Махачкала, г. 9, 146, 155
Меланезия 111
Минераловодский р-н 9, 11, 89
Моздокская степь 10
Мужукай, аул 122
- Нариман-аул, с. 72
Нефтекумский р-н 9, 110
Нижнее Подонье 10
Нижний Мансуровский, аул 64
Новогладковская, станица 14
Ново-Дмитровка, с. 41, 71, 129
Ново-Ленинаул 124
Ногайский р-н 9, 138, 145, 146, 151,
153—155, 157
Нукус-Артезиан, аул 144
- Огузер, аул 163
Огузерский канал 138

Огуз-яр, аул 147

Поволжье 10, 83, 103

Приазовье 10

Пятигорский уезд 34

Россия 12

Румыния 9

Северный Дагестан 9

Северный Кавказ 6, 8, 10—13, 15,
74, 103, 142, 166

Сейтовка, аул 62

Средняя Азия 10, 15, 41, 56, 70, 83,
97, 103

СССР 9

Ставрополье 34, 57, 63

Ставропольская губ. 34, 62

Ставропольский край 8

Старогладковская, станица 14

Сулак, р. 10

Сулу-Чубутлинский канал 138

Суылу-Тюбе, аул 155

Таврическая губ. 67, 68

Таловский канал 138

Тамаза-Тюбе, аул 20, 107, 131

Тарумовский р-н 9, 138

Терек, р. 10, 60

Терекли-Мектеб, с. 21, 101, 142, 152,
155, 156, 159

Терская обл. 34, 134

Тохтамыс, аул 24, 47

Турция 9

Уч-Кекен, с. 64

Уйкен-Кую, аул 21, 30, 40

Хасавюрт, г. 9, 152

Хожитаевка, аул 62

Червленная станица 21

Черкесск, г. 9, 64, 146

Шабазуаул 122

Щелковский р-н 9

Южная Украина 10

Южно-Сухокумск, пос. 138

Яик, р. 10

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
---------------------------	---

I

БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ СЕМЬЯ	14
-----------------------	----

1. Состав большой семьи	18
2. Имущественно-правовые отношения	23
3. Организация труда и формы управления в большой семье	31
4. Малая семья	44

II

СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ	
---------------------	--

1. Заключение брака	57
2. Свадебный цикл	74
3. Избегания и запреты, связанные с браком и семейными отношениями	103
4. Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей. Детские игры, песни, развлечения	109
5. Формы искусственного родства. Аталычество, по-братимство	118
6. Погребальные обычаи и обряды	127
7. Кровная месть	131

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ
И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ НОГАЙЦЕВ

133

1. Структура и функции современной семьи. Новые семейные отношения и роль женщины в семье	148
2. Материальные условия жизни современной семьи	154
3. Формы и мотивы заключения брака	155
4. Свадебные обряды	157
5. Обряды, связанные с рождением ребенка	162
Заключение	165
Указатель имен	168
Указатель географических названий	170

В 1980 г.
в издательстве
«НАУКА»
выйдут в свет:

Суслова С. В.

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ КАЗАНСКИХ ТАТАР

(историко-этнографическое исследование)

10 л., 1 р. 30 к.

Работа представляет собой первое исследование, посвященное традиционным женским украшениям татар. В ней на основе тщательной классификации определены основные типы украшений, выявлена история их происхождения. Большое внимание уделено региональным и возрастным комплексам украшений, их связи с традиционной одеждой. Автором использована большая иллюстративный материал.

IV кв.

*

Калоев Б. А.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

20 л., 3 р.

Кавказ — один из древнейших мировых очагов земледелия, родина многих культурных растений. Земледелие было главным древнейшим занятием народов Северного Кавказа. В исследовании рассматриваются системы земледелия, народные сельскохозяйственные орудия, а также традиционные верования и обряды, связанные с сельскохозяйственным календарем. Издание содержит картографический и иллюстративный материал.

IV кв.

*

Кобычев В. П.

ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

20 л., 2 р. 50 к.

В книге освещаются традиционные типы и формы поселений черкесов, адыгейцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, чеченцев, ингушей (планировка, усадьба и двор, ограда, ворота), жилища (типы, планировка, фундамент, стеновой материал и строительная техника, форма крыши, материал покрытия, пол, потолок, пристройки — терраса, галерея, веранда, крыльцо; архитектурные украшения); хозяйственных построек, башен, склепов, святилищ. Книга богато иллюстрирована.

III кв.

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:
117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12,
магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7,
магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»
или в ближайший магазин «Академкнига».*

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 *Алма-Ата*, ул. Фурманова, 91/97; 370005 *Баку*, ул. Джапаридзе, 13;
320005 *Днепропетровск*, проспект Гагарина, 24; 734001 *Душанбе*, проспект
Ленина, 95; 375009 *Ереван*, ул. Туманяна, 31; 664033 *Иркутск*, 33, ул. Лер-
монтова, 303; 252030 *Киев*, ул. Ленина, 42; 277001 *Кишинев*, ул. Пирогова,
28; 343990 *Краматорск*, ул. Марата, 1; 443002 *Куйбышев*, проспект Ле-
нина, 2; 192104 *Ленинград*, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 *Ленин-
град*, Менделеевская линия, 1; 199004 *Ленинград*, 9 линия, 16; 220072
Минск, Ленинский проспект, 72; 103009 *Москва*, ул. Горького, 8; 117312
Москва, ул. Вавилова, 55/7; 630076 *Новосибирск*, Красный проспект, 51;
630090 *Новосибирск*, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 *Сверд-
ловск*, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 *Ташкент*, Л-29, ул. Ленина, 73;
700100 *Ташкент*, ул. Шота Руставели, 43; 634050 *Томск*, наб. реки Ушайки,
18; 450075 *Уфа*, Коммунистическая ул., 49; 450059 *Уфа*, ул. Р. Зорге, 10;
720001 *Фрунзе*, бульвар Дзержинского, 42; 310003 *Харьков*, Уфимский
пер., 4/6.

Сакинат Шихамедовна
ГАДЖИЕВА

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ СЕМЬИ И БРАКА
У НОГАЙЦЕВ

*Утверждено к печати
Институтом истории,
языка и литературы им. Г. Цадасы
Дагестанского филиала АН СССР*

*Редактор издательства
Г. В. Шелудько
Художник
А. Г. Кобрим
Художественный редактор
И. В. Разина
Технический редактор
Ю. В. Серебрякова
Корректор
Е. В. Шевченко
ИБ № 5259*

*Сдано в набор 4.12.78. Подписано к печати 26.02.79.
Т-01469. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 11,1.
Уч.-изд. л. 12,1. Тираже 2200 экз. Тип. зак. № 978.
Цена 1 р. 30 к.*

*Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12*